

Кристина Рихтер

РОМАН

ЗИМА,
КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Annotation

Ева — не по годам развитая шестнадцатилетняя девушка, практически полностью замкнутая в себе. У нее нет друзей из-за скверного, как кажется окружающим, характера, а свободное время она предпочитает проводить за компьютером и книгами. Но кто же знал, что лишь одна случайная фраза, брошенная смазливym парнем на улице, сможет вывернуть жизнь героини наизнанку. А ведь она обещала себе никогда не влюбляться.

1. Ева и попытки притворяться

— Если ты будешь есть столько же, сколько обычно, то навсегда останешься такой же худой и маленькой.

Спасибо, папа.

То, что нужно услышать асоциальной дочери перед первым занятием в новой школе. Умеет подбодрить. И, да, кто-нибудь, объясните ему, что от творога не потолстеешь. Даже если съешь его три центнера. И ведь не я придумала есть белое безвкусное месиво на завтрак. А отец продолжал свои рассуждения:

— Надеюсь, ты не занимаешься всякими современными глупостями вроде похудания или чего-то в этом роде...

Нет, пап, я не такая идиотка, как некоторые.

— А даже если и занимаюсь? — с вызовом поинтересовалась я, поймав на себе строгий взгляд. — Что тогда?

— Но я-то знаю, что не занимаешься, — отец протянул ладонь к моим волосам и аккуратно заправил выпавшую медную прядь за ухо.

— Зачем тогда спрашиваешь?

— Чтобы проверить, скажешь ли ты мне что-нибудь назло.

Я молча звякнула ложкой по пустой тарелке, залпом осушила свой стакан с приторным какао, а затем встала из-за стола и направилась к себе в комнату, лавируя меж картонных коробок, расставленных практически по всей квартире. Это был мой четвертый переезд за шестнадцать лет, и в глубине души я надеялась, что последний. Все бы ничего, но мне не нравилось паковать вещи, и потом еще целую неделю просыпаться, не понимая, где я. А вообще, я уже привыкла привыкать. Даже не удивлялась, когда отец заявлял, что мы будем пытаться счастья в новом городе или другом районе. Каждый раз что-то не получалось, и мы, словно кочевники, отправлялись на новое место. В этот раз я надеялась, что мы задержимся здесь хотя бы на пару лет: мне хотелось нормально сдать экзамены и наконец-то выпуститься из очередной грёбаной школы.

Мы жили вдвоём. Я и отец. Уже пятнадцать лет. Мне был всего год, когда мама решила, что в этом мире ей жить надоело и ее ждут более прекрасные вселенные. Нет, я не осуждаю самоубийц, ведь каждый волен распоряжаться собой, как пожелает, но, когда у тебя на руках годовалый ребенок, это превращается в сущий эгоизм. С послеродовой депрессией моя мать справиться не смогла, а отец, как мне кажется, до сих пор винит себя за то, что вовремя не смог помочь жене. Именно поэтому из врача-терапевта он решил переквалифицироваться в психологи. И пока, признаться, получалось у него скверно. Сейчас он нашел работу в районной неврологии, хотя не оставлял надежду привлечь клиентов и на дом. Я же давно решила для себя, что убеждать этого человека в чем-то бесполезно, поэтому занималась тем, чем мне нравилось, — сидела в своей комнате. Нет, конечно, сидела не бездарно: у меня был огромный список книг, которые стоило прочитать, целый перечень игр, которые нужно было пройти заново, и штук сто пятьдесят сериалов, которые я еще не видела. В общем, жила я пресно, но сносно.

Одевшись и взглянув на часы, я поняла, что не опаздываю. Жутко хотелось включить ноутбук и лечь рядом, забыть обо всем, поспать еще несколько часов с шумящей рядом техникой, но отец говорил, что мне нужно учиться. Естественно, я знала, что он говорит

правильные вещи, но в глубине души сопротивлялась всякой системе: окончи школу, поступи в институт, получи диплом, устройся на работу, выйди замуж, выполни биологическую программу и наконец, прожив пару-тройку десятков лет, спокойно сдохни. Иногда я чувствовала, что доберусь до последней ступени, перескочив через остальные.

Рубашка, тесный пиджак, чёрные брюки. Я ощущала себя пугалом, когда выбиралась из удобных мне вещей. Воротник давил горло так, что казалось — меня вот-вот стошнит. «Волосы не забудь собрать,» — крикнул с кухни папа, и я с неохотой заплела их в неопрятную косу, тянущуюся ниже лопаток. Уже несколько лет обещала себе состричь надоедливую копну, но почему-то каждый раз жалела её: медные волосы были единственным, что досталось мне от матери. А остальное: светлые глаза, темные брови и ресницы, впалые щеки и острые, как лезвия, скулы, — было наследством отца. Он считал, что мы жутко похожи. Я тоже так думала, но особенно не гордилась этим. Как, впрочем, собой в целом.

Занятия начинались в половине девятого. Я вышла ровно в восемь, хотя могла и чуть позже: до школы, максимум, минут десять, если идти быстрым шагом. Но у меня были свои причины. Поздоровавшись с морозным январским утром, я зашагала через едва знакомые дворы, а стоило только отойти от дома на квартал, достала из кармана помятую пачку красного «Мальборо» и, в спешке прикурив, жадно затянулась первой сигаретой за день. И даже закружилась голова. Подобная привычка не отпускала меня уже целый год, начиная с девятого класса. В той школе у меня все-таки были люди, с которыми я иногда проводила время после занятий. Преимущественно в курилке. И преимущественно молчала. Не девчонки те остались в прошлом, а привычка переключалась вместе со мной в другое место. Естественно, я знала, что папа расстроится, стоит ему узнать, но то блаженное чувство, когда никотин медленно, но верно убивает, я не могла променять ни на что.

Путь к школе проходил через большое современное здание с огромными окнами, выходящими прямо на проезжую часть. Мне было совсем не интересно, что здесь находится, но если я скажу, что не загляделась на него, то совру. Даже остановилась на несколько секунд, но, заметив, что дверьми то и дело хлопают смазливые парни, которые только что повылазили из дорогуших машин, фыркнула и продолжила свой путь. Вот и школа. Обшарпанное пятиэтажное здание лососевого цвета с мутными разводами на фасаде. С той конторкой оно явно не шло в сравнение, но перешагнуть порог пришлось. И сразу взгляду моему открылась раздевалка, откуда жутко несло грязными носками и потными ногами. Если кратко, то просто кошмар. Я сбросила куртку, переобулась и направилась в нужный мне класс. В первый день после зимних каникул куча незнакомых людей выглядела отдохнувшей, а я, хоть ничего толкового и не делала, ощущала себя не выспавшимся офисным планктоном.

Учтиво постучавшись в класс, я толкнула дверь и узнала свою новую классную руководительницу: я уже видела эту женщину-бочку ранее, когда с отцом мы подавали сюда документы. Она сразу же узнала меня и улыбнулась так фальшиво, что у меня аж скулы свело. Но улыбку в ответ я все-таки натянула.

— Здравствуй, Ева. Как тебе школа?

Кроме вонючей раздевалки, я пока ничего не видела.

— Пока не поняла, но, надеюсь, разберусь.

— Ты рано. Уроки минут через десять начнутся. Думаю, стоит представить тебя классу. Господи, я все равно не собираюсь ни с кем общаться.

— Если считаете нужным, — отозвалась я.

Вместе с Лидией Павловной (до скрипа ненавижу это имя) мы поднялись на этаж выше, в кабинет математики. Звонок уже прозвенел, и большинство моих новых одноклассников уже сидели на своих местах в предвкушении логарифмов и квадратных двучленов.

— Ребята, у нас с этого семестра новенькая, — начала классная наставница, подтащив свои сто сорок килограммов к доске. — Представься, пожалуйста.

Привет, я Ева. Если бы у меня был в руках дробовик, то вы все бы уже умерли.

— Доброе утро. Лаврентьева Ева. Буду учиться с вами, — лаконично и без всяких вступлений произнесла я. Присутствующие приятно засуетились: новенький в классе — всегда новость на вес золота.

В знак благодарности я кивнула Лидии Павловне в надежде, что та поскорее уйдёт. А сама заняла свободное место на предпоследней парте, которая пустовала. Самое ужасное — это попытки притворяться. Так и кажется, что вот-вот сорвёшься.

2. Ева и любовь незнакомцев к рыжим волосам

Весь урок я сидела как на иголках, то и дело ощущая на себе любопытные взгляды. По моему, даже заплесневелым отличникам сегодня цифры были менее интересны, чем моя скромная персона. Глаза. Глаза повсюду. Но с самым похвальным старанием, едва не выворачивая шеи, смотрели на меня две девочки со второго ряда. Первая — брюнетка с жиденьким хвостом сожжённых плойкой волос. Вторая — шатенка со странным взглядом, который выдавал с потрохами ее «айкью» на уровне пластикового пакета. Я раздраженно выдохнула, покачав головой. Остальные ребята произвели на меня нейтральное впечатление — я никогда не пыталась ненавидеть кого-то намеренно. Всё приходит со временем, понимаете же.

О том, как зовут женщину, сорок минут плясавшую у доски, я так и не поинтересовалась. К слову, мне вообще было всё равно. За всю свою жизнь я знала столько скучных учителей математики (да и учителей вообще), что вряд ли вспомню каждого. И все они, включая эту, худую, как шпала, и визгливую, были мне одинаково неинтересны. Единственный урок, который я могла терпеть, — биология. И с надеждой я уповала на адекватного преподавателя в этой школе. В прошлом учебном заведении, помнится, наш учитель, совсем выживший из ума, рассказывал нам о вещах, с предметом связанных более чем посредственно: воду можно заряжать позитивной энергией, а Землю создали пришельцы. Вы знали? Нет?

Звонок заставил меня распрощаться с разрисовыванием клеточек на полях, и нехотя я поднялась со своего места. Я совсем не знала, куда мне идти и что делать. Вокруг всё было незнакомым, чужим и дико непривычным. Взглядом я вперилась в скользящую к выходу толпу, боясь потеряться и не найти нужный кабинет до начала следующего урока. По хорошему, мне стоило с кем-нибудь познакомиться, но пока я точно не знала, я ли этого не хочу или окружающие. Пришлось поддаться течению и покинуть класс вместе со всеми. Но то, что произошло дальше, заставило меня полностью растеряться: толпа моих новых одноклассников раскалывалась на части, и каждая такая отколовшаяся компания отправлялась в противоположную от другой сторону. В других школах я хотя бы сразу пыталась завести знакомства, чтобы избежать подобных ситуаций.

Но меня кто-то решил спасти: на плече я ощутила руку и рефлекторно сбросила ее с себя, дернувшись. Затем обернулась. И стоит ли говорить, как не рада я была увидеть ту парочку подруг, которые меня плотоядно разглядывали целое занятие?

— Привет. Мы тут подумали, что надо с тобой познакомиться, — брюнетка изломила уголки губ в улыбке и сократила расстояние до непозволительно близкого. Я ненавидела, когда зону моего комфорта нарушали.

— Да-да, — начала поддакивать шатенка своей подруге.

«Ладно, — я попыталась взять себя в руки и заняться действенным самовнушением. — Эти барышни — не самая приятная компания. Но пока ничего лучше эта школа тебе не предложила. На первое время. Честно».

— Хорошо, — отозвалась я, стараясь сместиться в сторону и не мешать движению толпы. — Меня зовут Ева.

— Ты такая серьезная, — шатенка тоже улыбнулась. Мне была жутко неприятна ее щель между зубов, малиновые румяна и высокий голос. — Я Рита.

— Маша, — ткнула себе в грудь другая девушка.

Вы отвратительны, девочки.

— Очень приятно.

— Сейчас урок в 32. Кабинет чуть дальше. Пойдем с нами? — брюнетка вновь фривольно коснулась моего плеча.

Мысленно я застонала от разочарования.

— Откуда ты перевелась? — поинтересовалась Рита.

— Из девятой. Я училась в другом районе. Осталась бы, но через пробки ездить каждое утро очень утомительно, — у меня почти получалось поддерживать адекватную беседу. Вообще не сказать, что общаться я не любила, просто никогда не находила собеседника по душе. Сейчас, впрочем, очередной подобный случай.

— А почему переехали?

Какая тебе, чёрт подери, разница?

— Семейные обстоятельства.

— Понятно, — в унисон протянули мои новые знакомые. Обе они выглядели довольно дешево и как-то затасканно. Мне они не нравились. Совсем.

После окончания всех занятий я сфотографировала расписание у одной из одноклассниц и с облегчением подумала, что пытка шестью уроками уже закончена. Мысленно я уже лежала на кровати, лакала йогурт, а глаза мои следили за персонажами сериала. Но нет. Мое мучение общением продолжалось, хотя казалось, что за день эти девицы поинтересовались всем, чем только могли, начиная от состава моей семьи и заканчивая фирмой сумки.

— Ева, послушай, — в раздевалке со спины меня настигла Рита.

Я натянула шапку и вопросительно обернулась, изломив темные брови. Ох уж эта щель между зубов — королева всех щелей, наверное.

— Мы с Машей хотим после школы прогуляться...

— Я пас, — возразила я.

— Нет, ты не понимаешь, — в разговор вступила моя другая новая знакомая. — Мы идем к институту.

Вы и институт — вещи несовместимые, о чём бы речь ни шла.

— Куда? — переспросила я, аккуратно засовывая сменную обувь в сумку.

— Закрытый институт N, — отреагировала Маша так, будто я не знала, что дважды два — четыре.

— Зачем туда?

— Там учатся одни парни. Много парней. Богатых парней, — мечтательно произнесла Рита и простецки улыбнулась мне. — Пойдем.

Я же не такая шлюха, как вы.

— У меня много дел. Переезд, сами понимаете...

И тут в голову ударило. Институт. Одни лишь мальчики. К тому же, богатые. Уж не...

— Здание на углу, минуты три отсюда. Красивое такое, с большими окнами — оно? — вырвалось у меня. Я запомнила эту контору, как раз проходила утром мимо.

— Точно-точно, — закивали одноклассницы, накидывая куртки. — Так ты с нами?

Я ведь сказала «нет». Ваша болезнь вообще лечится?

— Увы.

— У тебя ведь нет парня?

Я покачала головой и покраснела. Точно покраснела. Какой стыд.

— Шанс найти. Точно тебе говорю, — заговорщически произнесла шатенка, наклонившись к моему уху.

Если честно, парня у меня действительно никогда не было. Но это вовсе не значило, что такой монстр, как я, не способен испытывать симпатию. Первый раз это случилось в классе шестом. Мне жутко нравился мальчик по имени Костя, такой же огненный, как я, до колик смешной, прирождённый лидер. Сколько длилось это великое и светлое чувство, я не помнила. Недели две. Может, больше. В конце концов, любовь моя куда-то испарилась. Второй раз это произошло в восьмом классе. Я была уже более мозговитой и что к чему знала: мальчики любят высоких, стройных и пышнотелых. Парня звали Серёжа, и до сих пор я понятия не имела, чем он меня покори́л. После пяти месяцев страданий по его белокурой голове, зеленым глазам и стремительной походке я поняла, что положение безвыходное. Шансов у меня не было: Ева Лаврентьева никогда в почёте у парней не оказывалась. Но мне хватало взглядов и вздохов со стороны. Только вот когда я увидела его новую девушку, разочаровалась и в самом парне: с таким же успехом можно встречаться с геранью в горшке. И то, думаю, герань в состязании на интеллект победит.

Кое-как отвязавшись от назойливых одноклассниц, быстрым шагом я направлялась домой, минуя обшарпанные пятиэтажные дома, маленькие магазинчики и цветочные палатки. Наш район считался спальным, и здесь не было ничего такого, на чём можно было бы остановить взгляд. Разве что то самое здание, которое вновь привлекло мое внимание. Я даже остановилась недалеко от ворот, за которыми тянулась тропинка к его дверям. Закрытый институт, значит. И чему там учат, интересно? Возле бордюра чередой стояли дорогие иномарки, которые, как я поняла, принадлежали здешним студентам, а за оградой толпились сами их обладатели. Пренебрежительно я фыркнула и продолжила свой путь. Коса, в которую были собраны волосы, неприятно давила и мешалась, отчего рывком я сорвала резинку и освободила их. Огненными волнами пряди рассыпались по плечам, и даже пришлось пригладить копну пятерней: обычно идеально гладкие, после косы они превращались в легкие кудри. И стоило только задуматься о чем-то своем (кажется, это был квест по освобождению заложников из крепости), как кто-то окликнул меня:

— Эй, рыжая!

Что за дерьмо?

Я невольно обернулась и глазами встретилась с незнакомым мне парнем. Он стоял в метрах десяти, облокотившись на металлическую балку забора. Лицо его показалось мне необычайно красивым: мужественное, но в то же время сохранившее правильные черты. Темные, почти цвета гуталина волосы блестели на морозном солнце, а тонкие губы не покидала снисходительная улыбка. Я отступила и с ужасом потупилась, не имея понятия, как вести себя в данной ситуации. И чего ему от меня надо?..

Мне не хотелось показывать своё смущение, но щеки предательски зарделись. Пришлось лицом нырнуть в бесконечный чёрный шарф, развернуться и, словно по минному полю, зашагать домой. «Не оборачивайся, — приказала я себе, — не смей смотреть».

Чёрт, какой он красивый.

— Я не собирался тебя обидеть, — крикнул вслед он. Против своей воли я вновь повернула голову и, словно ослеплённая, прищурилась. Нет, конечно, прищурилась-то я от солнца, но можно было вообразить, будто от его внешности. И одет ведь со вкусом. Ему лет

двадцать, уверена.

Я ускорила шаг, проклиная себя за то, что вновь взглянула на него. Теперь парень этот точно уверен в своей неотразимости и в моей бесконечной глупости. Странное дело: во всём я была человеком серьезным, почти каменным, но только дело доходило до противоположного пола, как превращалась в какую-то жалкую размазню. Вообще привыкла я только к юношам из сериалов и игр. Обычно они казались симпатичнее обыкновенных особей, да и чувство юмора у них было на порядок выше. Кажется, Костю в шестом я разлюбила именно из-за неудачных шуток.

Поднявшись на свой этаж и отперев дверь, я ввалилась в прихожую и съехала по стене прямо в одежде. В мыслях то и дело всплывало лицо того парня, его ухмылка и блестящие, покрасневшие от холода глаза. «Чёртов ублюдок», — со злобой выругалась я и пнула ногой стену так, что даже гардеробный шкаф зашатался. Это казалось довольно глупым, но нарушить привычный ход моего дня ему удалось. В животе заскулил щенок, и это было сигналом к тому, что нужно поскорее забыть о той минуте и сделать что-нибудь на обед.

Отец вернулся к семи. Я даже не услышала, как хлопнула входная дверь: слишком уж шумело мясо на сковородке. Все шестнадцать лет я была единственной женщиной в этой семье, поэтому уже привыкла, что готовка, уборка и прочие обязанности слабого пола лежат на моих плечах. Выполняла их механически и иногда казалась себе роботом-домработницей, которого в скором времени посулят изобрести всяческие НИИ. Но готовить мне очень нравилось. Втайне от отца я считала, что если образование за стенами школы продолжить не смогу, то непременно уйду в поварское дело. Он, мягко сказать, оказался бы фраппирован.

— Привет, милая, — макушкой я ощутила папино горячее дыхание, а затем поцелуй. — Что готовишь?

— Бефстроганов, — безучастно отозвалась я.

— И охота тебе возиться. Просто пожарила бы.

Я ничего не ответила, лишь краем глаза пронаблюдала, как отец уселся на стул в нетерпеливом ожидании ужина. Я смотрела на его печальные глаза, так рано седеющие тёмные волосы, которые, казалось, будто солью посыпаны, первые морщины у глаз и ссутулившуюся спину. И в такие моменты мне отчего-то было жалко совсем не его, хотя эгоисткой я себя никогда не считала. Иногда мне казалась, что в своем стремлении внушить ему что-то дельное я словно бью кулаками каменную стену. И когда ладони оказались стесаны в кровь, я прекратила попытки. Но это не значило, что мне уже не больно.

Мы поужинали практически в полном молчании, а когда я встала, чтобы помыть посуду, отец поставил греться электрический чайник.

— Чайку, Ева? — натянуто улыбнулся он.

— Нет, спасибо, — покачала головой я, наблюдая за прозрачной струей воды, ударяющейся о край керамической тарелки.

— Как школа?

Полный провал, папа.

— Всё отлично.

— Я не верю тебе, — зачем-то он пошел в наступление. Я знала, что он понимает, когда я лгу.

— Это твоё личное дело, — в попытках сохранить спокойствие отрезала я.

— Знаешь, — я предчувствовала заунывную историю. — А твоя мать никогда не лгала.

Даже не пыталась...

— Мне тогда, может, тоже пачку "Феназепам" сожрать, чтобы хоть в чем-то на неё походить? — сорвалась я и едва не выронила скользкую чашку из рук.

— Ева, — без единой капли строгости протянул отец. Его глаза, серые, тусклые, уставшие, давили на меня упреком, — за что ты так со мной? Неужели ты ни капли меня не любишь?

Нет, папа, тебя люблю. Себя вот — не очень.

Я предпочла промолчать, а он опять начал выявлять причину моей холодности, несмотря на то, что я оставалась партизаном:

— Может быть, я покупаю тебе мало всяких женских штучек? Или у тебя нет того, что есть у остальных подростков?..

Матери у меня нет. Это точно.

— Мне кажется, ты слишком на мне зациклен, — покачала головой я, вытирая мокрые руки о кухонное полотенце. Затем я закрыла кран. — Ты никогда не думал переключить внимание на кого-то другого?

— Что ты имеешь в виду? — папа удивился. На секунду мне показалось, что щёки его порозовели от смущения. Действительно, если задуматься, то за шестнадцать лет я не знала ни об одной его женщине. Они вообще, интересно, были?

— Здесь ты — трудный подросток или я? — мои руки ловко расставляли посуду в сушилку. — Ты понимаешь, о чем я.

— Я вовсе не считаю тебя трудной...

Ну, конечно. А книжка «Как понять трудного подростка» у тебя на столе лежит для красоты?

— Не уходи от темы.

Чайник щёлкнул, и в тот же момент в кармане папиных брюк завибрировал телефон. Вольным жестом родитель наполнил чашку кипятком, бросил туда пакетик с чаем и, покачав головой в мою сторону, удалился в свою комнату. Интересно, книжки об общении с трудными взрослыми у него не завалялось?..

3. Ева и кофе со вкусом легкого шока

— Ева, тебе чай взять?

Я насупилась, спиной прижавшись к стене. Напротив меня, пожёвывая жвачку и бессмысленно листая ленту «Инстаграма», сидела Рита. Я бы с удовольствием сказала, что румяна кирпичного цвета ей не идут — будто о гараж щеками потёрлась, — но мне было решительно всё равно, как она выглядит. Имело ли смысл сотрясать воздух?

— Да, без сахара, — крикнула я Маше, наблюдая, как локтями та расталкивает младшекласников.

Через несколько минут брюнетка принесла три стакана, и, отпив из своего, я едва не поперхнулась: горло обжёт приторно-сладкий вкус общепитского пойла, который ещё и чаем называть не брезговали. Мгновенно я откашлялась и отодвинула от себя завтрак.

— Да, Ева, тут не кафе, — пожалала плечами Рита, так и не оторвав взгляда от экрана. Затем она извлекла изо рта жвачку и без зазрения совести залепила ее под табурет, на котором сидела.

— В столовых чай один и тот же для всех, — закивала Маша.

— Гадость, — подобрав выражение помягче, заявила я. — Уж лучше остаться голодной, чем завтракать с таким.

— Ты худеешь? — наконец-то окинув меня взглядом, поинтересовалась Рита.

Да, чёрт возьми, эти две булочки я взяла для того, чтобы сбросить парочку лишних килограммов.

— Нет, — отмахнулась я. — Просто нет аппетита.

Мои подружки пожалали плечами и приступили к трапезе.

В последнее время меня много чего раздражало. Во-первых, эта школа, которая почти наполовину состояла из биологического мусора: малолетние шлюхи, бестактное быдло, парни с лицами наркоманов, пристукнутые учителя. Естественно, от учебного заведения в спальном районе я не ожидала ничего большего, но если сравнивать с закрытым институтом N, то там контингент был мне ещё более омерзителен. Как раз это и было второй вещью, нервировавшей меня до зубного скрежета. Если бы у меня был шанс спокойно пройти мимо того самого здания, с этим можно было бы смириться — просто не смотреть на смазливые лица тамошних студентов. Но нет, Ева Лаврентьева не может не вступить в какое-нибудь дерьмо. Уже третий день подряд меня мучил странный незнакомец, которого я повстречала у того самого чёртова института. И если в первый раз он ограничился всего двумя репликами, то с течением времени становился всё настойчивее. «Эй, может, передумаешь? Рыжие классные,» — заявил недавно он, за что получил от меня гневный взгляд. «Заводит, когда так злобно смотришь,» — не унимался незнакомец. Кучка парней за его спиной обычно гоготала. Здесь я не стала себя сдерживать и в отместку наградила наглеца факом. Конечно, умей я драться, как настоящий рестлер или типа того, непременно бы набила ему рожу, но ростом парень был выше меня едва ли не вполовину (да ладно, всего-то на полторы головы). В общем, связываться я не хотела, но и терпеть это тоже желанием не горела. На третий день я даже попыталась добраться домой другим путем, но по какой-то причине вышла в странные дворы, где начиналась частная территория и тупик. Пришлось возвращаться. Конечно, он все ещё стоял там: растягивал сигарету и удовольствие поиздеваться надо мной. «Что, передумала?» — с иронией спросил брюнет, видя, как я

плетусь мимо. Ублюдок. Какой же ублюдок...

— Вон Леся, — Маша толкнула Риту под ребра. — Кстати, говорят, что она рассталась со своим парнем.

— Интересно, у них что-нибудь было? Мне кажется, она до свадьбы ему не даст...

Я подавила тошноту и всухомятку проглотила кусок пресной булки. Затем глаза мои скользнули в Алесину сторону. Мне она, признаться, была безразлична: невысокая, стройная, со светлыми волосами, извечно заплетенными в пару кос, она выглядела как типичная отличница и просто нежное виктимное дитя. У нас с ней не было ничего общего. Абсолютно. За неделю своего тут пребывания я узнала, что девушка эта нравится большому количеству парней в школе (интересно, никто не подумал, что быть объектом вожделения здешнего контингента — это наказание за какие-то немислимые грехи?), многие ласково зовут ее просто Лесей. В принципе, мне этой информации было достаточно. Обсасывать чью-то личную жизнь я совсем не любила, зато мои подружки делали это мастерски. На медаль.

— А ты как думаешь? — поинтересовалась у меня Маша.

О, боже, почему я должна во всем этом участвовать?

— Об Алесе? — мои глаза скользнули в сторону смеющейся блондинки. Она поймала мой взгляд. Нехорошо. Тут же брови мои поползли к переносице, и девушка поспешила сделать вид, что ничего и не было. — Не знаю. Мне все равно, трахает её кто-то или нет.

— Вообще-то согласна с тобой. Должно быть всё равно, — поддержала меня зачем-то Рита. — Но, чёрт, интересно же.

Мне оставалось лишь пожать плечами и мысленно ответить: "Нет, неинтересно".

Через несколько минут по ушам ударил звонок, зовущий всех завтракающих на очередной урок. Я оставила свою булку недоеденной и двинулась вместе с толпой в сторону выхода. На мгновение я почувствовала, будто что-то жжёт спину, и, обернувшись, не ошиблась — на меня смотрела Леся. И, честно, взгляд её мне абсолютно не нравился. Слишком пристальный. Слишком... злой? Нет. Разве может эта щуплая прелестная девочка быть такой же злобной карлицей, как я? Исключено. Я покачала головой и вновь обернулась. Не смотрит. Думаю, в тот момент лишь показалось: стоит начать высыпаться, ведь четыре часа сна в день — разительно мало.

После школы я всегда курила. Но не прячась за забором, как остальные, а медленно прохаживаясь по узкому переулку по пути домой. Мне нравилось цеплять взглядом балконы здешних брежневских пятиэтажек. Все они были такие разные: от изысканно отделанных до отвратительно захламлённых. А мне всё приходилось представлять, какие в этих квартирках живут люди. Я никогда не отличалась богатым воображением, не была художественной натурой или, как это там называется, человеком тонкой душевной организации. Просто пыталась думать о чём-то отвлеченном — не о мерзопакостной школе, не об ограниченных подружках и не о чудном отце. Вот и сейчас, отшвырнув выкуренную сигарету в снег, я спрятала замёрзшие руки в глубокие, как Гранд-Каньон, карманы своей куртки и зашагала домой. Под ногами отвратительно хрустел снег, а я ступала все грубее и грубее, будто назло самой себе.

Когда я наконец добралась до здания Института (отныне я буду звать эту мажорную шарашку именно так), глаза мои устремились вперед — к воротам. Но возле них никого не было. Только кучки громких студентов толпились за решётчатым забором и возле дверей

здания. В тот момент я тяжело вздохнула, но тут же испугалась собственной реакции: знаете, вздох этот показался мне не совсем облегченным. Я уловила в нем долю разочарования. Точно-точно. Это было оно.

Ева, черт бы тебя, что ты творишь?!

Мысленно выругавшись, я, словно бык на корриде, носом выпустила пар и зашагала целеустремленнее в сторону дома. В животе от голода сегодня скулил не один щенок, а сто один далматинец: несъеденный второй завтрак давал о себе знать. Но мыслями за те двадцать секунд, которые требовались мне, чтобы полностью пройти мимо Института, я раз пятьдесят вернулась к тому факту, что сегодня тот самый парень меня не ждёт. Нет, конечно, отчасти мне было легче: не пришлось краснеть, злиться и всячески отнекиваться от его, как мне казалось, издевательского внимания. С другой стороны, под грудью заныло от мысли, что я стала ему неинтересна и безразлична. Конечно, дети богатеньких папаш: тачки, как в «Форсаже», девушки с гляцевых обложек, деньги в каждом кармане и гадкое самодовольство пеной изо рта. Сегодня, уверена, у этого парня новый интерес. Как отвратительно.

Едва я сделала несколько шагов от здания Института, услышала знакомый голос. Сердце со всей силой ударилось о ребра, и меня, по-моему, даже парализовало на долю секунды.

— Эй, рыжая!

Я стиснула зубы и, развернувшись, громко крикнула в ответ:

— Отвали!

Щёки мои заалели, и я еще больше сторбилась, зашагав к дому. Нет, всё ещё издевается. Значит, не поостыл. Наверное, последний раз.

— Подожди, остановись...

Как же бесит.

— Пошёл к черту, — вновь прикрикнула на парня я и, обернувшись на три четверти, краем глаза заметила, что тот неотступно следует за мной.

Нет, Ева, не смотри на него. Он как Василиск.

Я рыкнула львицей и ускорила свои шаги почти до бега. А он не отставал. И все внушал: «Просто скажи, как тебя зовут. Может, я угадаю? Катя? Маша? Даша? Таня, может?» Как же достал. И было ли, о чём жалеть? Ветер швырнул мне в лицо клочья снега с козырька магазина. Я сощурилась и наконец-то дошла до перекрестка. Не любила это место за отсутствие дельного пешеходного перехода, но идти лишние двести метров до него мне было явно лень. Я огляделась по сторонам на наличие автомобилей. Чисто. Надеюсь, эта полоса шоссе отделит меня от моего преследователя. Пожалуй, стоит всё-таки освоить новые маршруты до дома.

— Почему не отзываешься? — голос за спиной. Такой бархатистый, сосем не резкий, но в то же время режущий воздух, как нож — масло. Я раздражённо накинула капюшон, а нога моя переступила через бордюр. Всего несколько секунд. Он же не собирается тащиться за мной до самого дома? Пятью шагами я дошла до половины дороги и остановилась на разделительной полосе, пропуская перед собой вереницу машин. Но что-то заставило меня обернуться: сперва глаза мои заметили стремительно приближающийся джип, а затем их внимание переключилось чуть дальше. Парень ускорил шаг, совсем не видя угрозы, причём смотрел на меня так, что колени сводило. Мгновение, лишь шаг, и он окажется под колесами. И на все про все у меня была едва ли половина секунды.

Сделай же что-нибудь, Ева!

Словно супергероиня из комиксов, я резко развернулась, двумя огромными шагами сократила расстояние между мной и навязчивым незнакомцем и толкнула его плечом что есть сил. Глаза рефлекторно закрылись, и я провалилась в темноту. Рядом безумно завизжали тормоза, и я услышала крик водителя. Затем кожей щеки ощутила что-то тёплое и щекочущее. И этим чем-то были черные, как графит, волосы. Того самого парня. Которого я, по-моему, только что спасла от смерти.

— Да что за херь? — сорвавшимся голосом прокричал мужчина за моей спиной. Я постаралась приподняться, но это далось мне с трудом: от испуга мышцы будто от меня отеклись. И лишь через усилие я смогла отлепиться от тела спасенного мной человека. И первым, что я увидела, были его широкие от ужаса глаза. Я ответила на его взгляд таким же ужасом. Секунд пять мы просто пялились друг на друга, пока водитель джипа вновь истерично не заорал:

— Вы целы? Никто не пострадал?

— Ты в порядке? — спросил меня парень. Я молча кивнула. Он продолжил, обратившись к мужчине: — Я тоже.

— Помощь нужна? — водитель начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. На дороге медленно выстраивался караван автомобилей.

Одновременно мы покачали головами и вновь уставились друг на друга. Мужчина хлопнул дверью и завёл своего железного коня. Уехал. Вот так запросто, оставив меня один на один с неминуемой бедой. Теплые пальцы коснулись моей щеки, и я наконец-то выпала из оцепенения.

— Теперь, может, скажешь, как тебя зовут?

Я чуть не сдохла из-за тебя, парень.

— Е-ева, — дёрнувшись, отозвалась я и тут же вскочила на ноги, начав отряхиваться. Приземлилась, к слову, я удобно — прямо на него.

— Артём, — ответил брюнет, привставая с земли.

Вокруг нас начали собираться зеваки.

— Если ты в порядке, то я пойду, — начала я серьёзно, но мой голос дрогнул. Отчего-то к глазам подступили слёзы. Я редко плакала. Почти никогда. Но здесь мной овладел самый настоящий шок, от которого я постепенно отходила.

— Зато ты не в порядке. Пойдем... Ева, — новый знакомый ухватил меня за локоть. Я даже не попыталась сопротивляться — только закрывала покрасневшие глаза рукавами. Даже не сразу почувствовала тепло и типичный запах автомобильного салона: лишь когда позволила слезам одной за другой спуститься по щекам, поняла, что нахожусь на переднем сидении незнакомой машины. Здесь сразу чувствовался лоск. Об этом почти кричали кожаные сидения иномарки. Я бросила взгляд на панель автомобиля, и в глаза сразу бросился логотип с четырьмя колечками на руле.

Чертов мажор.

— Ты только что мне жизнь спасла, — задумчиво произнес Артем, взглядом упершись в лобовое стекло. — Спасибо. Реально спасибо.

— Вроде как, — ответила я, утирая слезы рукавами. — Ты ведь из-за меня на эту дорогу полез.

— Я познакомиться хотел. Держи платочки, — растерянно юноша протянул мне упаковку. Я рефлекторно ударила его по руке и нахмурилась.

— Я не плачу.

Плачешь же.

— Но ведь...

— Никаких но, — я свела брови к переносице, как строгая училка в школе. — И знакомиться со мной тоже не стоило. Настойчивость — не самое лучшее качество время от времени. Надеюсь, ты это понял.

Артем раздраженно вздохнул. Было видно, что он еле сдерживается, чтобы меня отсюда не выгнать. Даже его чудесное спасение злости не умаляло. Я бы тоже себя отсюда вытолкала. Непременно, если бы могла. Парень достал из бардачка пачку сигарет, распечатал ее и, открыв окно, закурил. Я последовала его примеру. И молчали мы до тех пор, пока последний из нас не отправил бычок в окно.

После сигареты я заставила себя немного успокоиться и тогда смогла получше разглядеть парня. Он сбросил куртку и остался в одной лишь клетчатой рубашке, ткань которой обтягивала мышцы. От него вкусно пахло какой-то невообразимой туалетной водой. Корица, апельсин... Голова немного кружилась. Из-под его рукава выскользнуло несколько черных полос на запястье, и я поняла, что Артем татуирован. Будем надеяться, что не тюремные партаки. Мне нравилась его причёска, простая, но стильная. Будь у него виски помодному выбриты, я бы его и спасать не стала. Люблю, когда люди остаются собой.

— Может, кофе? — после минутного молчания спросил меня новый знакомый.

— Дорого же ты ценишь свою жизнь, — в шутку усмехнулась я.

— Возьму тебе еще брауни, так и быть, — парировал Артем.

В животе уже не заскулили, а завывли мои далматинцы. Обожаю брауни.

4. Ева и разрушенные иллюзии

Сто лет не была в нормальном кафе. Ну, сто не сто, а года три вполне. Конечно, иногда в спешке я забегала в тот же макдак, чтобы напихать фирменный бумажный пакет вредной едой, или легко перекусывала в какой-нибудь забегаловке торгового центра. Но так, чтобы настоящее кафе, где нос щекочет благородный запах свежесваренного эспрессо и сладкий аромат бесчисленных пирожных, — давно такого не было.

— Давай помогу, — с этими словами новый знакомый принял мою куртку из рук и аккуратно повесил ее на вешалку, стоящую недалеко от входа.

Чёртов джентльмен.

Я чувствовала себя крайне растерянной и, наверное, немножечко жалкой. Тут же я вспомнила, что сегодня утром впопыхах надела не самый лучший пиджак, какой у меня был, — старый, мятый, с множеством катышек на рукавах и замятой тканью на локтевом сгибе. В школе-то мне было всё равно, кто что скажет. Но сейчас, клянусь, под землю провалиться хотелось. Тем временем Артём начал раздеваться сам, что дало мне немного времени оглядеться по сторонам. Естественно, за деревенскую зеваку я сойти вовсе не хотела, отчего сделала вид, что безразлично занимаю место у окна. На самом деле я оглядывала помещение, то и дело обращая внимание на всевозможные детали: лакированные крышки столов из дорогого дерева так и манили провести по ним подушечками пальцев, окна украшали приятные тёмные занавески, своим цветом стремившиеся к бирюзе, мелодией сквозил ненавязчивый лаунж, а девушки-официантки здоровались с посетителями милыми улыбками.

— Что будешь? — спокойно поинтересовался парень, стоило ему сесть напротив меня. Я закрылась карточкой меню, лишь бы не видеть его лица. Стоит моим глазам встретиться с его, как тут же щеки приобретают розоватый оттенок. Не хотелось бы показывать свое смущение. Как дура, ей-богу. Какой стыд.

Довольно долго я скользила по списку из разных названий, утопая в собственном невежестве. Что такое гляссе? Чем простой латте отличается от того же латте макиато? Что за раф? Вдруг редкостная гадость. Может, в каком-нибудь маке кофе и полнейшая ерунда, зато я знаю, каков он на вкус. Да, как грязь с прокисшим молоком. Но знаю ведь. В ту же секунду я пожалела, что мы не поехали в какую-нибудь пиццерию.

— Что-то ты долго, — заворчал Артём, и кончиками пальцев попытался отодвинуть меню от моего лица. Случайно он легко дотронулся до моей руки, и я вздрогнула, едва не выронив карточку.

— Подожди, — как-то резко сорвалось у меня. Тут же юноша покачал головой, поджав губы.

— Возьми латте макиато. С кокосовым сиропом, — действительно произнес он. Будто догадался, что я ничего не соображаю во всем этом. — Теплый, сливочный, в меру сладкий, с эдакой экзотической нотой.

— Ты официантом никогда не работал? — с раздражением я выронила меню на стол и скрестила руки на груди.

— Нет, — отозвался Артём. А затем, как мне показалось, одарил ироничной полуулыбкой. — Я никогда не работал.

— Кто бы сомневался, — ехидно зашептала я, сдвинув брови к переносице.

— Что? — переспросил собеседник, посчитав, что не расслышал.

Боже, Ева, что ты творишь?

К нашему столику стремительно прошествовала официантка с натянутой резиновой полуулыбкой. Она встала в одном шаге от нас, вооружившись ручкой и блокнотом для записи заказа.

— Что желаете? — показная учтивость меня раздражала.

— Двойной раф с шоколадом и...

— То, что ты говорил, — подзабыв название, в смущении отозвалась я.

— Макиато с кокосовым сиропом. Тоже двойной. Ещё брауни. Это все.

Я согласно закивала, а затем взглядом проводила длинноногую официантку, чуточку позавидовав ей. Не совсем честно, что кому-то достается такая фигура, а кто-то в свои почти семнадцать выглядит как нескладный четырнадцатилетний подросток.

— Ну, расскажи о себе, — обратился ко мне парень, едва я вновь на него взглянула.

— Было бы о чём рассказывать, — замялась я.

— Ты спасла мне жизнь, — хмыкнул парень и засучил рукава. Теперь он постоянно будет это повторять? Глазами я поползла по его коже, изучая мелкие чешуйки изящных и мастерски нарисованных рыб, плывущих к локтям. Тонкая работа. И ему невероятно идёт.

Парень это явно заметил и с долей самодовольства спросил:

— нравятся?

Я молча кивнула.

— Я тоже их люблю. Пришлось долго терпеть. Так где ты учишься?

— В школе, — ответила я.

Через мгновение над нами нависла официантка, и в нос ударил сладкий аромат кокоса, смешавшийся с кофейным. Кивком головы я поблагодарила девушку, и та бесшумно смоталась обслуживать других клиентов.

— Тебе лет семнадцать?

— Почти.

Кофе и впрямь был очень вкусный. Я прикусила трубочку и взглянула на своего собеседника. Тёмные ресницы отбрасывали тень на его нижние веки, а блеск глаз напоминал мерцание самых дальних звезд. Ребята из сериалов, простите, но он лучше любого из вас.

— А мне девятнадцать. Уже, — Артём отпил из чашки, продолжив пристально изучать меня.

— Я думала, ты чуть старше, — замялась я, пытаюсь не размазать мягкое пирожное десертной вилкой по тарелке.

— Я не обманываю. Учусь в Институте. Второй год уже. Изучаю право. Пока нравится. А ты чем планируешь заниматься после выпуска? — юноша прощупывал почву общими темами.

— Пока не решила. Закончить бы школу. Я тут учусь недалеко. В семнадцатой. Это пять минут от твоего института. Скорее всего, в медицину пойду потом.

— Правда? Почему?

— Мой папа — врач. Психологом сейчас работает в больнице и подрабатывает частным на дому, — тут же я осеклась, решив, что не нужно слишком много болтать.

— Тоже хочешь быть психологом?

— Лучше уж, чем отец, — пожала плечами, а затем вновь ощутила, что забываюсь. С

этим парнем было довольно спокойно и тепло.

— Уместно ли спросить, но вы не ладите?

— Нет, — замахала руками я и криво улыбнулась. — У нас все отлично.

Неубедительно.

— Тогда извини за любопытство, — парень подпёр подбородок ладонью и начал пристально изучать мое лицо. Я едва не затряслась от волнения. Его глаза скользили по моей коже, будто каждую клеточку изучая. Я, естественно, не выдержала и отвернулась. Знала, что буду выглядеть глупо. Иначе быть просто не могло. Но вместо того, чтобы удивиться, Артем мягко рассмеялся. В отместку я закрылась волосами и тут же почувствовала, что вовсе упала на дно позора.

— Ты такая скромная... — новый знакомый попытался дотронуться до моего запястья.

Рефлекторно я отдернула руку, чем только подтвердила свое звание рыжей дикарки.

— Ладно-ладно, — парень вновь приглушённо рассмеялся. Какой же бархатный смех...

Если честно, я не верила, что такие парни существуют. Точнее, об их экзистенциальных возможностях я подозревала, но не могла осознавать, что они могут существовать и в моей жизни. Нет, поглядите, вот он — красавчик, богач, острый на язык, щедрый, тактичный и вежливый. Возможно, это сам господь Бог решил уже не мучить нас ожиданием второго пришествия, но перед большим замесом захотел еще немного побыть на земле. Жарко и холодно. Хочется пить, но в то же время вся и так истекаю. Кусочек пирожного прикасается к моим губам, и я смотрю на рот Артёма. Маленькая родинка у правого уголка.

— Ну как, вкусно? — внезапно поинтересовался мой собеседник, отчего я выронила вилку и сухо закашляла: кусок брауни застрял у меня поперёк горла. Тут же я протолкнула его глотком кофе и, отдышавшись, закивала головой.

Второй раз за день чуть не отбросила коньки. Удачно я сегодня вышла из дома.

— А чем ты увлекаешься, Ева? — пытался развить никак не клеившийся разговор мой знакомый.

— Сериалы, игры, книги, — я не стала врать. Никогда не пыталась казаться кому-то лучше, чем я есть. Парень сочувственно закивал головой, а мне оставалось лишь раздражённо выдохнуть и скрестить руки на груди. Обычно люди принимали в штыки слова о моих увлечениях. Будто всем сердцем они ждали какого-нибудь нежного лепета о вышивании или цветоводстве. — А ты?

— Ну, музыка вот. Гитара. Что думаешь?

— По-моему, классно, — пожала плечами я.

— Ага, — разом заулыбался Тема. — Детская мечта была — группу собрать. Сейчас я уже стар для этого. Дома иногда играю для себя. Еще хожу в зал. Друзья, вечеринки. Тебе они нравятся?

Я решительно покачала головой в ответ.

— Ну, хорошо, не будем о них. Напишешь, как тебя вконтакте найти?

— Без проблем, — закивала я и лишила блокнот одного из листов. Затем я вооружилась ручкой.

— Ева, — это я знаю. — Парень довольно усмехнулся. — А дальше?

«Лаврентьева» — рядом с именем ровно вывела я и засунула листок под чашку своего собеседника.

— Спасибо. Я схожу и попрошу ещё сахара. Мне, видимо, поскупились положить. Не могу так. Гадость гадостью.

С этими словами парень встал со своего места и окинул меня взглядом своих потрясающих глаз. Темно-серые, окаймленные желтоватым ободком с тысячей золотых нитей, тянущихся к зрачку. Я могла вечно смотреть на него. Если бы только остановить этот момент. Но нет — парень снисходительно улыбнулся и стремительно направился в сторону бара. А я всё смотрела ему вслед, спрашивая, как такой молодой человек вообще на меня повёлся. Я-то ни кожи ни рожи. Без денег, без пытливого ума и выдающихся способностей действительно выгляжу как очередная ороговевшая мозоль на теле мира: вроде не мешаю, а толка и эстетики ноль. То ли дело девушки красивые. Вон как та, длинноногая, через несколько столиков от нас. Погодите, она разговаривает с Артёмом? Поцеловала его при встрече и мягко рассмеялась?

Моментально я изменилась в лице, но продолжила свое удивительное наблюдение. Незнакомка была поистине хороша: высокая, стройная, с осиной талией, на которой затягивался узкий кожаный ремень. Её глянцево-золотые волосы струились по плечам, пытаясь дотянуться почти до бедер, а огромные глаза, над которыми изящными дугами красовались ухоженные брови, смотрели на моего нового знакомого с удивлением и некой приветственной радостью. Она фамильярно похлопала его по плечу, а затем, обхватив за запястье, немного отвела в сторону. Она говорила, вновь говорила, слушала, как отвечал ей Артём, кивала, улыбалась в ответ и вновь бесконечно говорила. Я смотрела на экран телефона. Минута, две, три. Улыбка девушки ослепляла. Её тонкая изящная ручка легла на плечо парня, затем — будто погладила. Рваным взглядом прикоснувшись ко мне, Тёма дал знак, что скоро подойдет. Затем его глаза вновь принадлежали ей. Меня медленно душило осознание того, что если сравнивать меня с этой девушкой, то это словно бриллиант и галька. И сравнение, прошу заметить, не в мою пользу.

Как ты вообще могла решить, что способна понравиться такому парню?

Конечно. Низкорослая, худая, с детским лицом, я не оправдываю стандартов красоты таких, как мой спаситель. Его широкий жест пригласить меня сюда был только благодарностью, а тогдашние попытки завести знакомство — обыкновенной издевкой.

Я вновь измученно взглянула на Артёма: по-прежнему увлечен беседой. Во время разговора со мной он ни разу не улыбнулся так широко и ярко. А с ней он всего... три минуты, а уже светится, как золотой поднос. Не выдержав такого унижения, я поднялась со своего места, схватила с вешалки куртку и несколькими шагами, стараясь не оборачиваться, добралась до выхода. Я спасовала. Просто взяла и спасовала, сколько ни пыталась внушить себе, что я все та же сильная, непоколебимая Ева Лаврентьева. Не сбавляя шаг, я пересекла улицу, почти на бегу застегнула молнию и пуговицы, затем скрылась в одном из дворов. Мне было настолько стыдно за это недоразумение, что я будто впитала в себя глупость всех дур этого города. Но вернуться и что-то придумать не хватало совести и фантазии. К тому же я чувствовала себя униженной и подавленной красотой той девушки. Нет, даже не её красотой, а взглядом Артёма на эту самую красоту. После неё я смотрелась бы крайне блёкло и невзрачно. Не хотелось портить впечатление. Я всего лишь школьница-мизантроп. С такими не случаются сказки.

Руки судорожно нащупали в кармане пачку сигарет и облезлый лиловый «Крикет». С жадностью я закурила и, пуская дым в светлое январское небо, почувствовала, как к подбородку тянется слеза. То ли дым резанул глаз, то ли обида — душу. Чёрт знает. В любом случае, вот так вот рушатся иллюзии и заканчиваются странные знакомства. Больше никогда его не увижу, даже если мне придётся идти до дома полдня.

5. Ева и разрыв шаблона

Первое, что я сделала, едва добравшись домой, — удалила свою страницу в социальной сети. Удалила без сожалений, без колебаний и каких-то надежд. Я прекрасно помнила, что тот пресловутый листочек с моим именем остался под чашкой нового знакомого, и теперь отыскать меня в интернете не составит труда. Конечно, Артему вряд ли захочется это делать после моего ухода по-английски, но доля сомнения меня одолевала. Перестраховка никогда не повредит.

День не задался с самого утра, но к вечеру, вроде, все устаканилось. Меня окутывал полумрак тесной квартиры: в такой атмосфере заниматься самоедством было раз в сто приятней. Но я твердо решила, что это на пользу мне не идет. «Не получилось так не получилось. А что ты хотела?» — мысленно я гладила себя по головке, стараясь вытеснить из памяти кадры неудачной среды. Но, что бы я ни пыталась делать, ничего не могло меня увлечь: смысл книжных строчек исчезал, интернет казался пустым, а от одних и тех же игровых квестов было уже тошно. «Не думай о нем. Просто не думай», — вновь самовнушение. Лицом я раз пятьдесят утыкалась в подушку, но такой способ расслабиться помогал только героиням сериалов. Я не такая везучая, и моя жизнь длится больше сорока минут экранного времени. В большей степени я чувствовала стыд за собственную нелепость, а не какую-то романтическую тягу к парню. Нет, он, безусловно, классный, все такое, но проще поверить в рептилоидов, правящих нашей планетой, чем в любовь с первого взгляда. Да и вообще, для себя я давно выделила одно отличное правило, чтобы избежать проблем:

Никогда. Никогда. Никогда не влюбляться.

После нескольких часов раздумий и кусания губ я достигла предела. «Просто нелепая ситуация! Вы больше не увидите. Точно-точно!» — с крепким самовнушением произнесла я. И, знаете, помогло. Минут через десять я остыла и принялась за уроки. Гребаная школа превыше всего, как же иначе.

Два дня я очищала свою голову от всяких мыслей о той самой злополучной среде. Конечно, мантры я не мычала, в позе лотоса не сидела и в астрал не выходила. Но каким-то сказочным образом вышло недурно. Я бы от гордости дала пятню самой себе, но тогда из интроверта с социофобскими наклонностями я квалифицировалась бы в обыкновенного шизофреника и стала клиенткой своего отца. А съехать с катушек пугает не так сильно, как час в кресле перед «квалифицированным психологом».

— Давай там, постарайся, — папа легонько обнял меня, и я обмякла. Глаза мои в это время скользнули к настенным часам, и я поняла, что опаздываю в школу. Но выпускать родитель меня из объятий не спешил — с самого раннего утра я заметила его отличное расположение духа.

— Что случилось? — поинтересовалась я и под предлогом беседы выбралась из-под отцовых рук. — Ты какой-то веселый сегодня.

— Ну, есть немного, — улыбнулся он. С гордостью. По работе, значит.

— Рассказывай уж, — вздохнула я, присаживаясь у двери, чтобы обуть ботинки.

— Наконец после долгого перерыва я возобновляю прием как частный специалист.

По-моему, ты можешь только усугубить ситуацию своего клиента.

— Ого, поздравляю, — без единой эмоции произнесла я, затягивая шнурки.

— Ты не рада за меня? — отец явно взгрустнул. Его брови изломились, а уголки губ вернулись в обыкновенное положение.

— Нет, это очень круто, — вновь безо всяких восторгов произнесла я. Затем накинула куртку, не глядя обмоталась шарфом и увенчала голову безразмерной шапкой. — Но мне уже пора. Удачно поработать.

— Приноси одни пятерки, дорогая.

— Да, обязательно, — ответила я, хлопнув дверью.

До школы я уже второй день добиралась новым маршрутом. Точнее, как сказать, новым. Я просто садилась на автобус и проезжала одну остановку. Наверное, кондуктор и пассажиры считали, что я инвалид какой-то или в край обленившаяся школьница. Но мне было ровно все равно на их домыслы. Стараясь не поскользнуться, я выбежала из транспорта и, скрывшись за углом, закурила. Сегодня день был по-особенному морозным, что меня не на шутку удручало. От холода вечно слезились глаза и конечности деревенели. Но еще более грустным фактом было то, что моя утренняя сигарета была последней. Растягивая удовольствие, я простояла около двух минут, окутанная дымом. А затем, мысленно попрощавшись с пачкой, которая подарила мне столько расслабляющих минут, поплелась в сторону школы.

Как и всегда, нудные часы в кабинетах. Шесть уроков, и четверка за контрольную по геометрии. Я ни капельки не старалась, должна признать, но все равно было немного обидно. К концу третьего занятия я уже чувствовала себя выжатой как лимон, а разговоры моих новых подружек заставляли деградировать. Мне вообще-то было наплевать на то, что у Ленки уродливые туфли, а какой-то Рома наконец трахнул свою новую девушку, но беседы я обычно поддерживала унылым киванием. К середине обществознания казалось, что мозги просто кипят от шепота и хихиканья на задней парте.

— Можно выйти? — подняла руку я, и худая, как шпала, училка снисходительно позволила мне удалиться.

Я шагала по пустым коридорам, то и дело отмахиваясь от назойливых медных прядей, атаковавших мое лицо. В кабинетах стояла тишина, и только голоса преподавательниц смешивались в какую-то нелепую какофонию ненужных знаний. Я свернула в сторону туалета, перепрыгнула через порог и встала возле широкого зеркала, нависавшего над парой умывальников. На самом деле никакой нужды я не испытывала, но казалось, останься я в классе еще хоть на минуту, расчленила бы всех присутствующих. Еле слышно вздохнув, пятерней я расчесала волосы и очень внимательно взглянула на свое отражение. Синяки под глазами уже были готовы стекать по щекам, а волосы отчего-то торчали в разные стороны, будто меня раз десять шибануло током, как в идиотских мультфильмах. Отдышавшись, я уже собиралась уходить, как в стороне кабинок услышала какой-то шум.

— Да мне вообще-то похер, кто там что говорит... — я услышала девичий голос. Он не был мне особенно знаком, но почему-то было ощущение, что я его слышала однажды. — Она сама мне рассказывала, что у них порвался презик прямо в тот момент, когда он кончил. Нет-нет, у меня такого не было.

До меня донесся искореженный тихий смех.

— Да, в школе. Еще один посижу и свалю... — продолжала свой разговор девушка. — Я перезвоню тебе. Выходные будут нашими. Сегодня, надеюсь, успею сделать ублюдское эссе.

Дверь кабинки со скрипом отворилась. Я поняла, что была здесь лишней, но ноги одеревенели. Да и сваливать было поздно. Внезапно я услышала, как девушка выронила

телефон, а затем, подняв его, вновь выругалась: «Вот дерьмо». Все это время я представляла какую-нибудь потасканную одиннадцатиклассницу с пережженными белыми волосами и макияжем в стиле проститутки из пятого квартала. Но едва из-за угла показалась сама виновница разговора, я потеряла дар речи.

Первые несколько секунд Леся тоже смотрела на меня с крайним удивлением. Ставлю почку на то, что она не знала о моем присутствии. Но, быстро взяв себя в руки, она, будто меня не видя, подошла к умывальнику. Я отступила, сделав вид, что отрываю бумажное полотенце. Вода зашумела. Я обернулась, чтобы вновь удостовериться, что это она. Без сомнений. Отличница и до крайней степени милая девушка только что открылась передо мной в ином свете.

— Чего пялишься? — искривила уголки губ Леся, ответив сверлящим взглядом.

— А ты, что ли, диктуешь, куда кому смотреть? — не растерялась я, кидая скомканный кусок бумаги в мусорное ведро.

Леся не ответила и, демонстративно развернувшись, вышла из туалета. Нет, ее образ совершенно не вязался с тем разговором. Может, ее тело захватили пришельцы, или это ее злобная сестра-близнец? Окей. Я тяжело вздохнула и, дождавшись, когда девушка уйдет подальше, вернулась в свой класс.

Все остальные уроки я сидела, полностью погруженная в себя. Говорить обо всем подружкам не хотелось — я не была уверена, что это вообще нужно. Ну да, притворяется Леся милой школьницей, получает хорошие оценки, правит сердцами местных гопников. Но мне-то какое дело? Пусть себе делает, что хочет. Ведь лицемерия и мне не занимать, хотя до такой степени, как та, я обнаглеть не успела.

Звонок с последнего урока заставил мое сердце вознестись на небеса от райского наслаждения. Даже настроение поднялось, отчего я стала лояльнее к подружкам.

— Я страницу удалила, — сообщила я им, пытаюсь не выдать какого-то негатива, с этим связанного. — Пишите в ватсап. Ну, или смски на крайняк.

— А что случилось? — Рите обычно любопытства было не занимать.

— Да так, — загадочно отмахнулась я.

— Так, погодите, — Маша взяла ситуацию под контроль. — Это связано с парнем, да?

Мы так медленно одевались, что в раздевалке почти никого не осталось.

— У тебя, что, парень появился? — Рита почти взвизгнула от удивления.

Почему-то в этот момент мной овладел дьявол. Я победно ухмыльнулась, медленно развернулась к девочкам и со скукой в голосе объявила:

— Да, привязался тут один.

— И что? Вы встречаетесь? — Маша не отставала.

Я запихнула сменку в сумку и таинственно пожала плечами. Надо ли говорить, как у этих дурочек захватило дух.

— Завтра расскажешь? — хлопнула меня Рита по спине. — Мы на курсы опаздываем.

— Возможно, — вновь я сопроводила свой ответ снисходительным пожатием плеч. — До завтра.

— Пока! — со вздохами Маша и Рита помахали мне и молниеносно выбежали из раздевалки. Я обмоталась шарфом и тут же почувствовала уныние: «Зачем я это все наговорила?..»

Стоило покинуть здание школы, как мороз остервенело впился в щеки. Я терпеть не могла январь. Вместе с февралем и декабрем. Март тоже иногда попадал в немилость, если

очень снежил. Но нынешний период был самым отвратительным за всю зиму. Минус пятнадцать, рассыпчатый снег и сугробы моего недовольства. Я брела домой, взглядом уткнувшись в носы своих ботинок, будто на свете не было ничего интереснее царапин на желтоватой замше. Мною овладела какая-то жуткая меланхолия и отвратительное чувство стыда. Мало мне шока с Алесей, так еще и сама себя потом подставила. Кто меня вообще за язык дергал такое говорить? Сущее вранье. Если Артем и вспоминает обо мне, так только в ночных кошмарах.

Разволновавшись от своих же мыслей, машинально я потянулась за пачкой сигарет, но тут же простонала от разочарования. Они заканчивались еще утром. Мне очень хотелось поскорее выбраться из этого зимнего ада и оказаться дома, но желание курить резало горло и подстегивало бежать в сторону ларька. Минут через пять я уже постучалась в окошко и нетерпеливо произнесла:

— Красный «Мальборо», пожалуйста.

— А лет-то тебе сколько? — скептически повела бровью продавщица, оценивая меня.

— Восемнадцать, — с наглостью заявила я, но в ответ услышала монолитное: «Паспорт».

— Я не ношу с собой документы.

Тщетное наступление.

— Паспорт, — вновь произнесла женщина, чем разозлила еще больше.

— Вы не можете на слово поверить? — я начинала вскипать.

Внезапно на своем плече я ощутила прикосновение чьей-то руки. Первое, что пришло в голову, — отец. Но нелепость этой мысли я отбросила и обернулась.

— Помочь?

За моей спиной стоял Артем. Я буквально шарахнулась и глотнула воздуха. Парень тут же опустил к окошку и произнес:

— «Мальборо», красный.

Прекрасно. Прекраснее быть не может.

— Как вообще получилось, что ты здесь оказался? — поинтересовалась я, позабыв обо всех своих желаниях.

— Следил за тобой, — без зазрения совести признался парень и протянул мне пачку сигарет.

— Как чертов сталкер? — возмутилась я.

— Именно.

Если я побегу, то это будет слишком нелепо?

— Ладно, — я отмахнулась от подачки, но потом сообразила. — Одну возьму.

Артем ловко распечатал пачку, и дрожащими руками я вытянула сигарету.

— Я машину оставил недалеко. Может, поговорим?

Я жадно подкурила трясущимися от холода и волнения руками. Чего ему нужно? Посмеяться решил? Сегодня он был еще красивее, чем тогда: от яркого солнца его темные волосы блестели, а красивые холеные руки были белыми, как снег.

— Я не хочу, — ответила я. И тут же задалась вопросом: а не лгу ли я самой себе?

— Ну же, — юноша нахмурил темные брови, насквозь пронзая меня своими серыми глазами.

Я медленно покачала головой. Уголек истлевшей сигареты приземлился на ботинок, и неловким жестом я стряхнула его. Говорить было о чем, я знала. Но не хотела.

— В тот день ты так неожиданно сбежала, — от холода студент переминался с ноги на

ногу. — Я даже и узнать тебя толком не успел.

Тут я начала медленно краснеть. Боже, я сейчас могу говорить о чем угодно: о теории струн, о предпосылках к возникновению Африканских государств, о теоремах и прочей лабуде. Но не о том, почему тогда я деранула из кафе. Тогда, собравшись с духом, я затаилась и как можно четче произнесла:

— Мне с тобой было неинтересно.

— А? — удивился парень.

Я входила в раж:

— Ты скучный. Очень. И мы слишком разные, чтобы общаться. Кроме того, мне неприятны такие люди, как ты. Поэтому... Поэтому оставь меня в покое.

Со всей силой я швырнула окурок на землю, и он провалился в сугроб. А я тем временем зашагала прочь, стараясь не обернуться. Щеки жгло от стыда, но я не могла позволить себе поступить как-то иначе. Пусть он лучше думает, что неприятен мне, чем знает о том, что я спасовала перед малейшей преградой.

— Подожди, — в спину я услышала крик. И, сама не зная зачем, обернулась. Ветер подхватил мои волосы и хлестнул меня ими по лицу, отчего я почувствовала еще более жгучую боль.

Мне казалось, что еще минута рядом с ним — и я влюблюсь.

6. Ева и старые новые знакомые

Любить безраздельно, любить безрассудно. Ну разве люди так могут?

Я накрыла лицо книгой и вздохнула, как отпахавшая по полудню лошадь. Сто страниц были проглочены мной за час с лишним, и теперь я боролась с желанием спать и продолжить чтение. Чтобы не терзать себя, я выбрала иной вариант: едва слышно я выскользнула из комнаты и на цыпочках отправилась на кухню. Время давно перевалило за полночь, в гостиной шумели фанаты на трибунах, а двадцать два человека с усердием гоняли мяч по полю. Отец был так увлечен футболом, что не заметил того, как беспощадно я разоряю холодильник. Ложкой без наслаждения я черпала шоколадную пасту, сидя на полу и спиной облокотившись на шумящий агрегат. В ушах тоже шумело. Типичные выходные, типичная Ева. Что-то внутри меня так расшаталось, что я не верила в то, что вообще доживу до утра. Стоило слепить веки, как я слышала голос Артема и видела его серые глаза. Такие глубокие, что я хотела утопиться в них, как Офелия.

— Ты чего там делаешь, а?

Господи, просто упялься в экран снова.

— Ничего, — отозвалась я, шустро засунув пасту обратно в холодильник.

— Почему еще не спишь, Ева? — сперва отец появился в дверном проеме, а затем медленно прошествовал ко мне.

— Да вот, — замялась я, вцепившись в кувшин. — Пить что-то захотелось.

Папа разочарованно покачал головой, а затем подушечкой большого пальца прикоснулся к уголку моего рта, стирая остатки шоколадной пасты. Я нечто прохрипела от недовольства и легкого стыда. Понятия не имею, зачем соврала. Просто захотелось.

— Мне кажется, мы мало с тобой разговариваем, — заметил он, усаживаясь на стул.

— Ну, у меня пока нет никаких психических и соматических расстройств, чтобы их обсуждать.

Из-за трясущихся ладоней я немного пролила воду, и тонкой струйкой та потянулась к краю стола.

— Я не только врач, но и отец.

Никудышный.

— Я знаю, пап. Но нечего сказать, правда. У меня все хорошо.

— Ты была таким жизнерадостным ребенком лет десять назад...

— Была, — отозвалась я и залпом осушила свой стакан. — Ты слишком часто вспоминаешь прошлое. Хватит хвататься за него.

— А ты не думаешь о будущем, — спокойно отозвался отец. — Разве это не хуже?

— Там реклама кончилась, — я кивнула в сторону гостиной. — Второй тайм. Пропустишь.

— Если я пропущу твои проблемы, то будет гораздо фатальней.

— Я обрадую тебя, — мой голос повысился, и я вновь ухватила за глиняный кувшин. — У меня нет проблем.

— Да есть же.

Удар об пол смешался с криком болельщиков по ту сторону экрана. Я тут же опустилась на пол, стараясь поскорее собрать осколки. Благо, на дне почти не осталось воды.

— Как знаешь, — папа покачал головой в привычной для него манере и двинулся

обратно в гостиную.

Безнадега какая-то.

Вернувшись, я погасила свет и вновь рухнула на кровать. Каруселью в голове неслись мысли, а я все пыталась сосредоточиться хоть на чем-то отвлеченном. «Интересно, зачем Артему нужна вся эта ерунда со знакомством? — поинтересовалась я сама у себя. — Могла ли я ему действительно понравиться? Это его упорство просто... удивляет. Разве не возможно, хоть на долю процента, что в нем действительно есть симпатия?..» В тот же миг я отчего-то вспомнила, что никогда не целовалась. Даже по-детски нелепо и по-взрослому развратно. Ни-ког-да. Губы вспыхнули одновременно со щеками, и я приложила к ним прохладные пальцы. Затем подушечкой указательного скользнула по нижней губе, глубоко вдохнула и представила влагу чужого рта. Передо мной был юноша, и его запах я не могла спутать ни с чьим иным. Мне казалось, будто наши рты сливаются, а ладонью я впиваюсь в его затылок сквозь шелк графитных волос. Глаза мои сомкнулись, веки затрепетали, а от лица ладонь скользнула ниже. Медленно от груди к животу волнами прибывало тепло и томную сладость.

Интересно, ладони Артема такие же горячие, как мои?

Пальцы пробрались под безразмерную футболку, обожгли кожу, а затем, будто ненароком, задели набухший сосок. Я не стала останавливаться, а тянулась все ниже и ниже, пока не встретилась с резинкой собственных трусов. Но и туда я зачем-то вторглась.

А его дыхание такое же сбивчивое, когда он чувствует волнение от прикосновений?

Под тканью белья, казалось, я просто огненная. Указательный палец провалился в мякоть моего лона, и я почувствовала, как оно набухает и увлажняется. Ртом я шумно вобрала воздух и слегка прогнулась в спине: моя бы воля — застонала бы, но некий стыд все-таки сдерживал. Словно наяву я видела расслабленное лицо Артема, слышала его сбивчивое дыхание и чувствовала прикосновения, которые зажигали меня, как спички свечу. Глубже и глубже. Сквозь скользкую горячую смазку, пока не достигла физиологической преграды, отчего низ живота внезапно будто игла уколола.

Ева, хватит! Что ты представляешь? Что ты делаешь?

Тут же я осеклась, и ладонь вернулась в богоугодное положение. Я была отвратительна самой себе в такие моменты. Но не принимать в расчет того, что я была человеком с обычными плотскими желаниями, было глупо. Это нормально. У всех есть фантазии. Все этим занимаются.

Но отчего-то я все равно заплакала.

— Ну же, живее. Те, кто все знал, уже давно сдали свои листочки.

Я ненавидела скрипучий голос Гордовой. Я называла эту учительницу, страдающую комплексом старой девы, по фамилии, потому что предпочитала не загружать себя знанием ее имени и отчества. Так было почти со всеми преподавателями в этой школе, абсолютно скучными и посредственными людьми. Хотя, если на чистоту признаться, дело было не в них, а во мне. В тех школах, куда я ходила до нынешнего переезда, ситуация была точно такая же. Никто и ничем не мог меня заинтересовать. Я чувствовала, что мне уже будто за сорок.

Я накрыла своим листком с контрольной всю стопку и сладко потянулась.

— Все написала? — за спиной звонко прозвучал голос Риты.

— Почти, — через плечо отозвалась я.

— Я решила всего два. У меня плохо с математикой.

Потому что вместо того, чтобы учиться, ты шляешься по впискам.

— Такой склад ума, наверное, — равнодушно заверила девушку я, и та быстро-быстро закивала головой, обрадовавшись тому, как лихо я оправдала ее глупость.

Моя соседка по парте, более чем странная девушка с волосами, нелепо выкрашенными в красно-бурый цвет, многозначно откашлялась. Видимо, она ненавидела постороннюю болтовню, так как с ней никто никогда не разговаривал. Рядом с ней стоял стаканчик кофе из Макдональдса, отчего я даже на капельку позавидовала. Старательно она прятала его за широкими спинами одноклассников впереди.

— Новая тема, записываем... — вновь завопила Гордова. Я пропыхтела от недовольства и приготовилась заполнять тетрадь бесполезными строчками. Но внезапно по своей неуклюжести я выронила ручку, отчего та покатила вперед, почти под ноги амбалов на передней парте. Мне почему-то их беспокоить не шибко хотелось, и я нырнула под стол в попытках дотянуться самостоятельно. Верите или нет, но у меня это почти получилось. Если бы я не качнула стол, а стакан со злополучным кофе не съехал на пол.

Сперва был легкий удар, потом подобие всплеска. Весь класс обернулся и наблюдал, как серо-коричневая жижа через проход ползет к доске. Буквально все замерли и с неким испугом взглянули на Гордову. Учительница зависла на несколько секунд: глаза ее словно кровью набухали, а сама она созревала для мощного мега-крика.

— Кто это сделал?! Встать! — безумно завопила она, отчего я поежилась. — Прудникова, ты!

Моя соседка испуганно осела и съежилась. Лицо ее стало белым, как пломбир, а губы будто посинели.

— Светлана Павловна, это моя вина, — я поднялась так резко, что успела удивить разом двадцать пять человек присутствующих.

— Лаврентьева! — опять тот же ор. Мне уже казалось, что ей все равно, на кого кричать. — После уроков будешь мыть здесь полы!

Одноклассники сочувственно начали вздыхать, а стоило мне сесть, как Рита траурно заметила:

— Ты попала...

Мне нужно было вернуться в тот самый класс, когда закончился шестой урок. Нехотя после звонка я оторвала седалище от стула и, забросив учебники в рюкзак, отправилась прислуживать Гордовой. Толкнув злополучную дверь и ввалившись в помещение, вместо ненавистной учительницы я увидела того, кого не хотела, — другого ученика. Белокурый парень со стрижкой средней длины старательно орудовал веником. Тихонько он насвистывал незамысловатую мелодию, в уши воткнув наушники. Я как можно тише закрыла за собой дверь, взяла второй веник и начала без старания мести грязь с ближнего ряда. Мне хотелось чувствовать, что я здесь одна, поэтому я распустила волосы и максимально накрыла ими лицо, чтобы тот самый незнакомец лишней раз не пялился. Свое монотонное занятие я продолжала уже минуту: даже впала в некий транс, задумавшись о своем. Но из трансa этого меня вывела ладонь, которая самым наглейшим образом убрала прядь волос с моего лица. Я даже едва не задохнулась от такой наглости — губы парня растянулись в искренней улыбке и тут же он практически крикнул:

— Ева! Лаврентьева!

— Женя? — переспросила я, глазами впившись в лицо старого знакомого.

— Я самый, — мальчишка ударил себя кулаком в грудь, а потом так сильно скрепил объятия, что я едва не поперхнулась.

— О, неожиданно, — отстранила друга детства, не зная, что и сказать. — Не ожидала.

Я подняла глаза к его лицу и увидела того же Женьку Скворцова, которого знала до десяти лет. Те же белокурые волосы, правильные черты лица, зелено-желтые глаза, сияющие энтузиазмом, искрометная улыбка и правильная осанка. Я узнала даже тот самый шрам на верхней губе — в детстве Жене случайно попали по лицу обломком кирпича во время игры в войнушку. Я всегда была «капитанкой», а он — генералом.

— Странно, что мы учимся в одной школе, а только встретились, — заговорил он.

— Да, согласна, — как-то смущенно пробормотала я, запуская ладонь в медные волосы. — Но я здесь всего две недели учусь. Может, поэтому.

— Все равно странно, — пожал плечами парень.

Конечно, я всегда хожу с опущенной головой, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Если честно, мне было не по себе. В детстве с Женей мы были очень дружны до тех пор, пока отец не решил, что нам пора перебраться поближе к центру. У меня не было интернета, а по телефону почему-то созваниваться мы не стали: казалось, что это довольно постыдно — будто влюбленные. Я знала, какой помнил меня друг — отчаянной, огненной и безудержной. Такой я была. Была. То, что предстало его взгляду сейчас, не соответствовало образу шестилетней давности. Я знала, что превратилась в унылый ком безнадёги и депрессии, пропахший табаком и печалью. Мне было необычайно стыдно за себя. Я даже жалела, что мы встретились.

— Как же все-таки круто, — как заклинание повторял парень. — Очень круто. Общаешься с кем-нибудь из того двора?

— Нет, — покачала головой я, вновь хватаясь за веник. — Давай закончим поскорее.

— Так это ты сегодня тут кофе пролила?

— Он был не моим. И я случайно.

— О, знала бы, как сегодня Гордова о тебе отзывалась, — парень расхохотался. Он разговаривал со мной так, будто между нами не было той пропасти из нескольких лет разлуки. Хотя он всегда был таким, сколько я знала его. И не могу солгать, что мне это не нравилось.

Вскоре мы, общаясь о старом, закончили уборку. Ненароком вспомнили все шалости, войнушки, друзей, врагов и глупые разговоры. Не забыл Женя и упомянуть о том, что здесь учится уже четвертый год. Он был моим ровесником, поэтому оказался в параллельном классе, как раз в том, где классной наставницей была Гордова. С ним было приятно, но я все еще ощущала странную неловкость, которая связывала по рукам и ногам. Я не ставила перед собой цели понравиться и не рассматривала Скворцова как объект для романтических утопий. Просто самой себе я казалась какой-то несуразной: будто вот-вот скажу глупость, повернусь не так или вовсе вдохну не в ту секунду. Но парень был на удивление лоялен ко мне. Мы даже заболтались немного. Время близилось к трем часам.

— Ладно, — взглянув на время, заявил он. — Не передать словами, как я рад встретить тебя.

Его объятия вновь сомкнулись на моих плечах, а я вздрогнула, на автопилоте сжавшись всем телом. Ростом он был чуть ниже Артема, но рядом с ним я все равно казалась просто кукольной.

— Нифига не выросла, — дополнил свою реплику Женька, и вновь тишину разрезал его

добродушный смешок.

— Меня устраивает, — недовольно проворчала я.

— Да я ничего не говорю. Мне пора. Я футболом занимаюсь. В четыре секция, а есть еще хочется. Из-за этого дежурства не поел толком.

Он потрепал меня по волосам, а затем, взяв мою ладонь в свою, положил в нее ключ.

— Отдашь на вахту, Ева. Ладно?

— Конечно, — серьезно ответила я.

Стоило двери захлопнуться, как я сползла на мокрый пол и взглядом уперлась в изъеденный грибком потолок.

Что я делаю не так?

Ровно через полчаса я вернулась домой. Я знала, что сегодня у отца выходной, поэтому надеялась, что он позаботился об обеде. Желудок ворчал, когда я уже поднималась по лестнице. Стоит ли говорить, как громко он загудел, когда, отперев дверь, я вдохнула аромат свежесваренного супа? Я разулась, а в дверях тут же наткнулась на папу. Как скала он навис надо мной, приложил палец к губам, а затем произнес:

— Тише, у меня клиент. Разогрей себе суп и поешь в своей комнате. И не шуми, ради всего святого.

Можно подумать, я танцую от радости, когда возвращаюсь в эту обитель уныния.

— Не буду, честно, — я отстранила отца от себя, а затем на цыпочках засемила в сторону своей комнаты. Но любопытством я всегда отличалась. Не взглянуть на идиота, который платит деньги моему отцу за бездейственные разговоры, было грешно. Проходя мимо комнаты, которую отец использовал как кабинет, я повернула голову в сторону открытой двери. Тут же зрачки мои расширились, а рюкзак выпал из ослабевших рук.

— Привет, — ладонью махнул мне Артем, восседавший в клиентском кресле, и лучезарно улыбнулся.

К такому жизнь меня не готовила.

7. Ева и две новые проблемы

От сердца к кончикам пальцев. От кончиков пальцев к вискам. Затем вновь к сердцу. Странное чувство, напоминавшее гибрид шока и смятения, носилось по моему телу, щекоча под кожей. А Артем все смотрел на меня и смотрел, будто так и должно было быть. Хотя здесь и думать ни о чем не нужно: он приперся к моему отцу только для того, чтобы попялиться на меня, уколоть парой фразочек и заставить в очередной раз понять, насколько я несовершенна. Колени расслабились, и я, ухватив портфель крепче, спряталась за стену, чтобы перевести дух. В тишину тут же вплелся мягкий приятный смех Артема. Издевается...

Нет, так дело не пойдет.

Бесшумно я скользнула в свою комнату и захлопнула дверь с таким остервенением и такой силой, будто боялась, что незваный гость вот-вот ворвется сюда. Но нет. Теперь он восседал за гипсокартонной стеной и что-то рассказывал моему отцу. Какие могут быть проблемы у парня, который ездит на «ауди» и улыбается так, что можно рассудок потерять?

Даже не раздевшись, ничком я рухнула на кровать и впечаталась лицом в подушку. Хотелось завывать от бессилия и осознания того, что я попала в чьи-то цепкие лапы. И если раньше я считала, что парень, который находится в пяти метрах от меня, просто пытался разжечь свои будни огнем моих волос, то теперь я вообще не была ни в чем уверена. Лихорадило так, будто я подхватила Эболу или новый вирус-убийцу вселенной. Нет, вы только вообразите.

Он.

Там.

За стеной.

Тихо я простонала и перевернулась на спину. Глаза мои вцепились в потолок, а руки с ногами раскинулись в разные стороны, как будто вообще отказывались принимать участие в этом цирке. В такой позе я и лежала целый час, пока не удостоверилась, что входная дверь захлопнулась и теперь в доме нет посторонних. Тогда я подскочила с постели и вырвалась из своей темной, как тюремная камера, комнаты в коридор.

Отец выглядел победителем. Самодовольно, но в то же время сохраняя спокойствие, он направился на кухню, включил электрический чайник и уселся на стул. Я в тот момент, наверное, выглядела как эпилептик на грани приступа: мне даже можно было поставить диагноз и без колебаний отправить в дурдом. Но папа, поглощенный осадком после сеанса, молча выстукивал незамысловатую мелодию по краю стола в ожидании своего пуэра.

— Что он тут делает? — поинтересовалась я, стараясь успокоиться и унять сердце, танцующее тектоник.

— Я психолог, милая. Он — клиент, — отец наконец-то одарил меня чистым взглядом. — Чаю?

— О, — стон сорвался с губ. — К черту чай.

Затем я рухнула на стул напротив.

— А что тебя так удивило? Я же и раньше принимал всяких людей дома.

— Не в том дело, — покачала головой я. — Просто знаю этого парня.

— Знаешь? — удивился отец. — Ничего не путаешь? Откуда?

Конечно, откуда страшенькая школьница может знать богатого красивого парня? Это не кино, папа, ты прав. Но система как-то пошатнулась.

— Да так, — отмахнулась я. — Откуда он тут взялся?

— Как всегда, — мой довольный собеседник пожал плечами. — Просто позвонил.

Сказал, что ему меня порекомендовали.

Тебя? Порекомендовали? Окстись!

— И все-таки?

— Ничего сверхъестественного. Чего ты так разволновалась?

Действительно, стоило только заговорить об этом безобразии в моем собственном доме, как тут же руки затряслись, а голос был готов вот-вот сорваться.

— Да ничего. Это не из-за него, — временно я решила сойти с темы. Даже попыталась улыбнуться ностальгически. — Просто встретила друга детства. Женьку. Помнишь его?

— Конечно, — отец удивленно вскинул брови и направился заваривать чай. — Как так получилось? Случайно встретились?

— Еще как... В школе. Представляешь, учусь уже вон сколько, а только увиделись, — поведала я. Даже сама немного отвлеклась. — Он тут давно учится. И футболом занимается. Кстати, от чего ты лечишь этого парня?

Отец медленно наполнил свою чашку зеленым месивом из заварочного чайника, а потом дополнил все это кипятком. Мне нравилось наблюдать, как он заваривает чай. Он обожал любой: черный, зеленый, белый, фруктовый. Я, честно сказать, любви особенной к напитку не питала, но этой маленькой церемонии научилась давно.

— Я не могу тебе сказать. Это непрофессионально с моей стороны. Фактически и практически ты посторонний ему человек.

Вот сейчас обидно было.

— Да, — театрально вздохнув, произнесла я. — Понимаю. Если бы я была врачом, то тоже непременно бы хранила свою врачебную тайну.

Отец заметно напрягся, пытаясь что-то прочесть на моем лице. Я же продолжала:

— Да... Ты не можешь сказать об этом постороннему, но будущему психологу можешь...

— Что? — папа едва не поперхнулся. — Ты хочешь быть психологом?

— А почему нет? — поинтересовалась я, отправив в рот кусочек рафинада. — Прекрасная профессия.

Конечно, я лгала, но знала, что из отца просто так веревки не совьешь.

— Рад за твой выбор. Но ты пока не психолог. И еще можешь много раз передумать. Я не скажу.

— Ну пожалуйста! — возмутилась я, скривив губы и изломив брови.

— Это противоречит врачебной этике, Ева. Если ты действительно станешь психологом или врачом, то поймешь меня.

Я надулась, нахмурилась и демонстративно отвернулась к окну.

— Фобии, — сдался мой отец. — Ничего особенного.

— И чего он боится? — оживилась я.

— Все, хватит! — папа наскреб всю свою строгость и вложил ее во взгляд. — Тебя это не касается. Делай уроки.

Фраза «Делай уроки» созвучна с «Пошла к черту». Все более чем ясно.

С театральным раздражением я задвинула табурет, на котором сидела, и выразительно взглянула на отца. Мол, еще пожалеешь, что не сказал мне ничего.

— И все-таки психологи — страшные зануды, — поставив точку в разговоре,

воскликнула я и почти бегом, чтобы не развивать демагогию, рванула в свою обитель.

Фобии... Чего он может бояться? Собак? Пауков? Высоты или чего там многие опасаются? Артем не казался мне странным или вообще тем человеком, которому нужен специалист. Хотя если поразмыслить, то среди богатеньких давно идет мода на частных психологов. Вроде: «О, у нас столько проблем из-за этих денег. Одни стрессы, от которых не спасает даже белый океанский песок и покупки вроде машины, которая стоит раза в три больше, чем квартира Лаврентьевых». Чепуха. Я не верила во все эти волшебные беседы, которые заставляют тебя забыть о бездне внутри. А она тем временем с каждым днем становится все глубже. Сначала ты копаешь ее ложкой, а затем — огромным экскаватором, загоняя себя в еще большую депрессию. Если бы я верила в реальную помощь, то без сомнений обратилась бы к отцу. Но в последнее время мне стало казаться, что тут даже Бог, существуй он, был бы бессилён. Нет, ни в коем случае я не жалею себя и не пытаюсь оправдать свою астеническую слабость и меланхолическое раздолбайство. Просто я... Просто.

Шаг. Шаг. Еще. Деревянными ногами я шаркала по заледенелому асфальту, как один из солдат Урфина Джюса. Я чувствовала обжигающую наледь даже через подошвы ботинок, а ветер то и дело упрямо накидывал снег мне в капюшон. В тот момент взглядом я даже не пыталась охватить прекрасный утренний мир, который третий месяц обнимала зима: в половине девятого было все еще довольно темно. Темнота, кстати, если не друг молодежи, то мой друг точно. Даже не знаю, что я любила больше: скроллить «Reddit» с куском пиццы в руках или курить, выдыхая дым в ночное небо.

Да, о сигаретах... Чуть не доходя до школы, я остановилась и осмотрелась вокруг на предмет учителей или одноклассников-сплетников. Не то чтобы мне было не все равно... Но расстраивать и без того жизнью обиженного отца лишний раз не хотелось. Считаю, мы всегда оказываемся чуть хуже, чем родители о нас думают.

Я стянула перчатки с рук, затем из бокового кармана сумки достала зажигалку и пачку сигарет. Пальцы мои заледенели через секунду, будто я опустила их в жидкий азот. Но первая затяжка, ударившая в голову, заставила позабыть о том, что я мерзну, и переключиться на свой утренний ритуал. Обычно это занимало не больше трех минут — ну, поджечь, докурить и потушить. Но сегодня все вышло немного иначе.

— Зажигалка есть?

За спиной я поймала девичий голос, который уже однажды слышала. Медленно я обернулась и нахмурилась: передо мной во всей красе стояла Леся и выжидающе пялилась, будто я вот-вот паду ниц и преподнесу ей свою холопскую зажигалку.

— Для тебя нет, — ответила я и вновь отвернулась.

— Да чего я тебе сделала-то? — с недовольным удивлением поинтересовалась девушка.

В тот момент в голове моей зародилась мысль. И правда, что?

— Ладно, на, — я сдалась, протянув «крикет». Леся закурила и вернула зажигалку обратно. И стоит. Стоит рядом, не уходит. Черт.

— Спасибо, — выпустив клуб серого дыма, сдержанно произнесла она. — Давно куришь?

Да какое тебе дело? Это мое место, моя курилка. Вали отсюда, отличница легкого поведения.

— Три года, — соврала я и вновь поглядела на собеседницу. Темнота рассасывалась, и я

могла получше разглядеть Лесю (хотя, если честно, мне было вполне наплевать). Ее светлые пряди, торчащие из-под шапки, доставали почти до груди, а брови были темные, совсем не в тон волосам. Хотя то, что ей так идет, нельзя было отрицать. Алеся была обладательницей больших выразительных глаз какого-то неуловимого цвета — то ли желтых, то ли серых, то ли еще каких. Одета она была по-простому, но стильно. Мне нравилась ее черная стеганая куртка, обычные узкие брюки и сапоги, достающие почти до колен. Единственное, что раздражало, так это шапка цвета детской жевательной резинки — принцессно-розовая. Но блондинке, которая прикидывается сахарной отличницей, такие вещи позволительны.

— Я тоже давно. Только никто не знает.

— Кроме меня, — пришлось самодовольно хмыкнуть.

— Ну, ты же не скажешь никому? — девушка глубоко затянулась и выразительно взглянула. — И не говорила никому про тот раз?

— Можно подумать, кому-то это интересно, — пожала плечами я. — А если даже кому-то и да, так точно не мне. Зачем ты притворяешься, что вся такая правильная? Тебе самой не тошно, что прячешься тут с сигаретой в ссаном дворе?

— Ты не притворяешься, но все равно прячешься, — скептически повела бровью Леся. — Просто мои родители делают для меня слишком многое. Не думаю, что они заслужили знать, что такое «трудный подросток». К тому же, сдерживая себя, учиться гораздо проще.

— Я прячусь здесь, чтобы не расстраивать отца, — вступилась я за саму себя.

— Вот видишь, та же хрень, — новая знакомая пожала плечами. — Как тебя, кстати, зовут? Забыла спросить.

— Ева, — мрачно отозвалась я, взглянув на сигарету. Оставалось еще, по крайней мере, несколько затяжек. Не сказать, что мне было неприятно Лесино общество, но мне она казалась довольно въедливой.

— Алеся. Леся, — представилась девушка. — Зови как хочешь.

Лживая сука подойдет?

Ее сигарета почти истлела. Курила она явно быстрее меня и с большим наслаждением. Как-то профессионально, что ли...

Внезапно из темноты двора послышался стук двери и скрипучий ор дряхлой бабки. Закутанная в тряпье, она неслась прямо на нас со скоростью, которую ученые еще не смогли открыть. «А ну-ка пошли отсюда, малолетние курилки!» — хрипела она, а из ее рта вырывались клочья пара, будто она дышала огнем. И если первое время бабка бежала, опираясь на палку, то через несколько секунд она воздвигла ее над головой и начала махать в разные стороны. Скорость ее неизменно увеличилась, и мы, бросив бычки под ноги, рванули в сторону переулка. «Я пожалуюсь директору вашей школы, проститутки!» — продолжала она кричать вслед. Нам ничего не оставалось, кроме как бежать. Делали мы это не так молниеносно, как карга. Я отставала от Леси, которая явно преуспевала в занятиях спортом. Заметив это, новая знакомая ухватила меня за рукав, затем за руку, и через минуту мы уже почти стояли за одним из домов недалеко от школы. Почему почти? Неожиданно затормозив, Алеся поскользнулась на неровной наледи и с полувизгом «Ай-яй-яй» задницей рухнула на землю. Нетрудно догадаться, что невзначай она потянула за собой и меня. Обе мы валялись на земле, пока внезапно громко не засмеялись в унисон.

— Ты видела ее? — захлебываясь в собственном смехе, спросила Леся. — Видела ее дубину? Она нас едва не отколотила.

— «Проститутки!» — передразнила бабу я и подавилась смешком.

— Да уж, — вздохнула девушка, делая попытку подняться. Я последовала ее примеру. До занятий оставалось всего десять минут. — Знаешь, лучше не опаздывать. Если не поторопимся, то явно влетит. Если не тебе, то мне точно минус один к карме.

— Да-да, — согласно закивала я, принимая помощь в виде поданной руки.

Вместе мы добрались до здания школы, которое находилось едва ли в двухстах метрах от того места. Школьный двор всегда кишел учениками незадолго до звонка, точно как мусорное ведро опарышами. Тут же Леся переменялась в лице — губы ее тронула прелестная улыбка, а глаза распахнулись, готовые смотреть на мир со лживой радостью и театральной откровенностью. С Алесей здоровались, на нее смотрели, ее любили. А я шла рядом, пытаюсь сделаться незаметной. Но не тут-то было: на меня тоже начали поглядывать, а то и переговариваться.

— Гребаные уроды, — шепнула мне на ухо новая знакомая, не теряя невинной улыбки.

В ответ я хмыкнула, а затем отвлеклась: прямо передо мной, всего в пяти шагах, стоял Женька. Он тут же посторонился и рассеянно помахал мне рукой. Я попыталась изобразить радость, но стоило бы взять мастер-класс у кое-какого профессионала. Изображать какие-либо эмоции, кроме отвращения, выходило скверно.

В раздевалке Леся завидела свою свиту, но прежде, чем двинуться к ней, обратилась ко мне:

— Знаешь, Ева, мне кажется, мы могли бы быть подругами.

Да, друзья нужны мне как перчатки Венере Милосской.

— Возможно, — серьезно кивнула я в надежде отвязаться.

Нет, пока из всех людей, что я встретила, эта странная девица показалась мне наиболее адекватной в плане общения со мной. Но ее странное амплуа и двойная жизнь заставляли сомневаться. Правда, думать в тот момент об этом времени не было — я сунула сменку в пакет, повесила его на свою куртку и поспешила в класс. Знания, черт бы их. Знания превыше всего.

После уроков часть учеников отпустили пораньше: многие, включая и меня, не попали в почетный список допущенных к экскурсии в местный музей. Ладно парни, которые даже на выпускной готовы прийти в спортивных, или пергидрольные блондинки, похожие на порноактрис. Но я-то чем не угодила? Тем, что не умею делать вид, будто мне интересно, или тем, что не готова лизать задницы учителям за мифические пятерки, которые отнюдь не показатель того, что я реально молодец?

Одевшись, я выползла на мороз и, глядя под ноги, поспешила к себе домой. Сегодня было не так холодно, как на днях, поэтому можно было не торопиться. Но всячески я противилась желанию начать двигаться помедленнее, чтобы поглазеть на красоты спального района. Все бы ничего — минут через десять я была бы дома, но исход моего скорейшего туда попадания решила рука, которая тактично опустилась мне на плечо.

— Привет еще раз, Ев.

Женька. Все такой же жизнерадостный, хоть и чувствовалось странное смущение. Будто он хотел водопадом вылить на меня какую-то информацию, но не знал, какой подход тут нужен.

— Что? — поубавив шаг, поинтересовалась я.

— Погода отличная, — констатировал факт друг детства.

— Неплохая, — дежурно согласилась я.

— Куда идешь?

— Домой, — мое терпение начало постепенно убавляться. — Что за идиотский вопрос?

— Прости... — парень максимально смутился и совсем потерялся. — Я хотел спросить.

— Валяй.

— Ты с Лесей общаешься?

Этого еще не хватало... Нужно было приходиться по отдельности.

— Не очень, — отозвалась я. — А что?

— Я видел вас вместе утром. Все-таки общаешься...

Отлично. Через шесть часов после знакомства с ней начались проблемы.

— Допустим, — вздохнула я, пытаюсь подвести того к нужному моменту.

— Я, наверное, не должен... Точнее, мы с тобой друзья ведь. Ну, детства, все такое...

— Мы не виделись, по крайней мере, больше пяти лет, — скептически заявила я.

— И все равно, — уверил меня Женя. — Это ничего не меняет. В общем...

— В общем?.. — уставившись в ожидании, замерла я.

— В общем, Леся мне очень нравится. Безумно. Уже год. Мы учимся в параллельных классах уже несколько лет, но подойти и пообщаться просто нет смелости. Знаешь, мне кажется, что таких девушек уже просто нет — она красивая, скромная, порядочная. Короче, идеал идеалов.

В принципе, этого стоило ожидать, начиная с идиотского вопроса про погоду.

— А от меня ты чего хочешь?

— Как чего? — возмущился Женька и насупился. — Содействия.

— У нее есть подружки, которые с ней общаются гораздо теснее, чем я.

— Но им я не доверяю.

— Им нет, значит... — самодовольно ухмыльнулась я и продолжила свой неспешный путь.

— Естественно. А тебе — другое дело. Мы же друзья.

— Детства, — вновь возразила я.

— Вот именно! — воскликнул парень.

Я и не знала, что он стал настолько невыносим.

— Ладно, — я вновь остановилась, желая наконец отвязаться от него. — Чем смогу, тем помогу. Но я не уверена, что тебе все это на пользу.

— Ревнуешь, что ли? — усмехнулся парень и ширнул меня локтем в бок.

— Чтобы заревновать, надо еще полюбить. В общем, мне пора. Не ходи дальше за мной.

— Так ты поможешь? — Женька запустил пальцы под черную свисающую шапку, почесав затылок. Наконец-то он остановился и прекратил тащиться за мной.

— Чем смогу, говорю же, — ответила я, утомленная всей этой беседой.

— Я напишу «ВКонтакте», и мы все еще обсудим! — крикнул друг детства вслед.

Я не ответила, а двинулась в сторону того самого переулочка, где утром нас с Лесей едва не убила бабка. И чего Женька привязался? Знал бы он эту девушку из разряда тех, которых «не осталось». Он, наверное, таких ругательств-то не слышал, какие она юзает. Слепой и влюбленный, мать его. Своих проблем хватало, так затесались еще две.

Ева, Ева, что вообще происходит? И как тебе остановить этот локомотив хрени, творящейся вокруг тебя?

Крепись.

8. Ева и что-то очень странное

Иногда мне казалось, что я сдаюсь. Нет, одно дело — бросить решение задачи по математике, если никак не можешь понять ее, вырубить игру, если трудно пройти очередного босса, или дрогнуть книгу на середине, если погиб твой любимый персонаж. Другое дело — сдать, если не понимаешь, что делать со своей жизнью дальше. Плыть по течению и ждать, когда бурная река существования прибьет тебя к какому-нибудь берегу, где можно будет, смирившись, обосноваться? Борьба тяжело, а особенно тогда, когда не знаешь, что делать, если победишь.

Ночью мысли не отпускали меня. Я рефлексировала до изнеможения, каждые пять минут переворачивая подушку прохладной стороной. Закрывала глаза, а веки трепетали, никак не расслабляясь. Напряжено было и тело. Меня будто колотило мелкой нервной дрожью. Видимо, я была склонна к депрессиям, и это губительное свойство передалось мне от матери. Я думала обо всем: об Алесе и ее странностях, о Женьке и его идиотской просьбе, об отце с его странным желанием делать нашу жизнь лучше и, конечно, об Артеме. Тут уж я совсем начинала ворочаться под натиском вопросов. Я прекрасно понимала, что он пытается внести свой лейтмотив в мою жизнь не просто так. И теперь все ассоциировалось с ним — курение, дорога из школы домой, запах кофе, автомобиля и даже собственный дом. Не сделает ли он мне больно? Не изменит ли жизнь в худшую сторону? Хотя куда уж хуже...

В конце концов, к трем часам ночи, не выдержав балагана в своей голове, я провалилась в сон. И казалось, что я поспала всего минуту в тот момент, когда в мою комнату зашел отец и, предупредительно растолкав, поинтересовался:

— Ева, ты не проспала? Почти восемь. Разве ты успеешь в школу?

Я с трудом разлепила веки.

Спасибо, что хоть свет не стал включать.

— Я плохо чувствую себя. Наверное, заболела. Горло режет, — соврала я, вновь закрывая глаза.

Обычно я не проявляла особенной лени, на занятия ходила регулярно, хоть и без удовольствия. Поэтому папа поколебался и ответил:

— Конечно, оставайся. Я уезжаю по делам до обеда. Привезу тебе что-нибудь от простуды. Покопайся на кухне: там должны таблетки остаться.

— Конечно, — невнятно пробормотала я.

Сквозь непрекращающуюся дремоту я ощутила отцовский поцелуй на лбу. Затем полоска света, проникавшая из коридора в мою комнату, исчезла: папа закрыл дверь.

Ничего не хотелось, кроме как добровольно отдаться зыбкой трясине сна. И ментально я так и поступила.

Вновь глаза я открыла около десяти утра. Сквозь узкие щели в плотных занавесках в комнату просачивались лучи февральского солнца, стрелами втыкаясь в глаза. От безнадеги я накрылась одеялом с головой, но через несколько минут, очнувшись, выползла во внешний мир как гусеница. Только я все еще была отвратительным ползающим существом — бабочка из меня так себе.

Ну, здравствуй, незапланированный выходной.

Вскоре я приняла душ, позавтракала под кривляние ведущего на музыкальном канале,

убралась на кухне, затем — в гостиной. Я привыкла работать по дому в одиночку: отец редко поддерживал меня в этом, так как работал почти на износ. Но иногда я представляла, как быстро и весело проходила бы уборка, будь со мной рядом мама.

Я не помнила ее. Совсем. О том, что у меня была мать, напоминали только фотографии, сделанные давным-давно на пленочный фотоаппарат. Я часто садилась в кресло, на колени положив старый альбом. И там я видела ее — женщину с прямыми, как водопад, медными волосами и улыбкой, которая вскрывала меня, как консервный нож банку. И я роняла слезы на желатиновое покрытие снимков, трясущимися руками зажимая их края. Я не верила, уже много лет не желая признавать того, что у меня нет матери. Мне казалось, что это несправедливо, неправильно и абсолютно жестоко. Я любила ее, но при этом ненавидела. Ох, когда я попаду в ад, тогда точно с ней поквитаюсь.

На мне до сих пор болталась безразмерная футболка, которая после влажной уборки тоже по неаккуратности стала влажной. Я отправилась в свою комнату и, остановившись перед шкафом, стянула с себя вещь, в которой обычно спала. И все было как обычно, если бы в зеркале я не заметила на шее какое-то пятно. Наклонившись, я потерла его пальцами, и оно тут же поддалось, исчезло. Но мои глаза скользнули ниже артерий. В зеркальной глади я увидела саму себя, почти полностью обнаженную. Никогда не интересовалась, если честно, своим телом, а сейчас будто увидела его впервые. Худая девочка с бледной, почти как молоко, кожей, бледными веснушками и волосами, спадающими на небольшую грудь. Ладонью я коснулась темноватых сосков, заметив, что те напряглись, затем скользнула ниже, к животу. У меня была тонкая талия, выступающие ключицы и острые кости бедер, чуть ниже от которых вьющимся пушком спускались волосы, укрывающие самое сокровенное женское начало. Я смутилась — даже покраснела. Но лишь в этот момент ко мне пришло осознание того, что я взрослею. И это тело уже не принадлежало грубой девчонке, которая когда-то играла в войнушку наравне с неугомонными парнями. Это было тело юной, но взрослеющей девушки. По коже пробежали мурашки, но я продолжала пристально разглядывать себя: оборачивалась, глядела на спину, изгиб позвоночника, спускающийся к пояснице, затем вновь трогала грудь и недоумевала, как я не могла раньше этого не замечать.

Ева, ты красива...

«Нет, — строго заявила я себе. — Не надо об этом думать. Просто внушаешь себе мысль о собственной непосредственности. А сама словно неуклюжая утка». Со злостью я швырнула ногой упавшую на пол футболку и выгребла из шкафа первое попавшееся белье. После этого оделась, привела в порядок волосы и решила приступить к повседневным делам. Чуть подробнее — начать новый сериал. Но готовность запустить «торрент» прервал звонок в дверь. Взглянув на часы, я удивленно отметила, что время перевалило за полдень, но гостей я точно не ждала.

— Кто там? — поинтересовалась я, пытаюсь как следует разглядеть фигуру в глазок.

— Артём Акиншев, — ответили мне с той стороны. — Я на прием. Извините, если рано.

— Чего тебе? — со злостью вскрикнула я, рефлекторно стукнув по дверному косяку.

— Это ты, рыженькая? На прием, говорю же, — ответил парень. — Открывай давай.

Я прохрипела что-то от недовольства, но дверь распахнула. И он зашел, ослепив меня своим видом: драповое пальто идеально сидело на нем, словно на «лондонском денди», темные волосы, на которых таял пух снега, слегка увлажнились, а щеки розовели от мороза.

— Пришлось оставить машину возле Института. Здесь у вас сложно найти место для

парковки, — заявил он.

После этого Артем сбросил обувь, повесил на вешалку пальто и направился в папин кабинет, будто пришел к себе домой.

— Отца нет, — растерявшись, сказала я, прижавшись к стене в смущении. — Ты не перепутал время?

— Время? — удивился парень, а затем, засучив рукав, взглянул на циферблат своих дорожных часов. — Нет, час, как обычно.

— Но... — едва успела произнести я, как в моем кармане зазвонил мобильный. Я быстро извлекла его из домашних шортов.

— Да, папа, — ответила на звонок я, случайно ударив себя по щеке брелоком.

Артем засмеялся.

— Милая, я задерживаюсь. В страховой какая-то очередь. Еще три человека передо мной.

— К тебе тут пришел клиент, судя по всему, — мрачно отметила я.

— Да, Акиншев. Не мог ему дозвониться и отменить. Позаботься о нем, а я буду максимум через полчаса.

— А если он не сможет подождать? — громко поинтересовалась я, многозначно взглянув на гостя.

— Если не сможет подождать, то мы обязательно восполним сеанс. Я еще позвоню ему.

— Передам, пап, — вздохнула я. — Отбой.

После разговора пришлось тяжело вздохнуть и скрестить руки на груди. Отличный день медленно и постепенно скатывался в бездну неприятностей.

— Он сказал позаботиться обо мне, — улыбнулся мне Артем. — Я слышал.

— Да, сказал, — кивнула я. — А еще он передал, что если не сможешь подождать, то сеанс восполнится. Ты ведь не сможешь, правда?

— Смогу, — пожал плечами гость. — У меня полно свободного времени. Какова рекреативная программа на ближайшее время?

— Могу лишь развеселить чаем, — со злостью произнесла я, направляясь на кухню. — Только буду развлекаться я, наблюдая, как в мучениях ты умираешь от яда, который я туда насыплю.

— Знаешь, после таких слов мне придется лечиться у твоего отца в два раза чаще. Ты всегда говоришь то, что думаешь? — рассмеялся Артем, следуя за мной. — У вас тут, кстати, миленько. Все такое... маленькое и уютное.

— Если у тебя дома туалет с нашу квартиру, то это твое упущение, а не наше.

После этого я поставила кипятиться чайник, а сама села напротив Артема. Вальяжно он развалился на стуле, локтями подперев подбородок. К его запястьям все еще плыли потрясающие рыбки, которые не один раз успели мне присниться.

— Черный, зеленый? — поинтересовалась я.

— Вообще-то я люблю фруктовый.

— Такого нет, — закатив глаза, ответила я.

— Но я такой люблю, — сделав акцент на третьем слове, не уступал парень.

— Знаешь что? — вспыхнула я. — Если ты чего-то хочешь, то возьми и привези. У меня здесь не кофейня, где за деньги тебе даже мочу тираннозавра подадут.

— Ладно-ладно, — начал отмахиваться Артем. — Не хотел тебя обидеть. Черный. С имбирем и апельсиновой цедрой.

— С каким, к черту, имбирем и цедрой?! Обычный. Черный. Чай!

— Не кричи, — гость зажал уши руками и многозначно взглянул на меня. — Перепонки лопнут. И настроение опускается. Ты мне нанесешь такую моральную травму, что придется ходить сюда семь дней в неделю.

— Тогда я сама в психушке закроюсь, — отчеканила я и наполнила кружки кипятком. Затем я взялась за фаянсовый чайничек, на дне которого покоился свежий чай, и наполнила заваркой кружки. Тонкая, почти черная струйка разбавила воду, сделав напиток янтарным.

— Пахнет приятно, — снисходительно заметил гость.

— Пахнет как чай, — равнодушно отозвалась я.

Вновь усевшись напротив Акиншева, я взглянула на его лицо, стараясь что-нибудь прочесть. Но легче осилить скрижаль на древне-арамейском, чем расшифровать этот взгляд и вечную полуулыбку. «Чего тебе от меня надо?» — мысленно поинтересовалась я у Артема. Тот отпил, кивнул в знак одобрения и произнес:

— Рыжая как ведьма. И несносная ко всему прочему. Я думал, ты милая девочка, а оказалась кем-то из девятого круга ада.

— Похвально, что ты знаешь Данте, — скривившись, заявила я. — Если бы это еще добавляло тактичности. Я не собиралась тебе нравиться, не собираюсь и сейчас.

Подперев подбородок ладонью, Артем вздохнул:

— Сервис у вас тут так себе.

— Равняемся на клиентов, — не растерялась я. Затем добавила: — Зачем ты меня преследуешь?

— Вовсе не собирался, — скривился гость. — Сначала это была симпатия, нечего скрывать. Потом, когда ты сбежала, любопытство. А уж когда заявила, что у тебя нет времени и желания общаться, упрямство.

— На симпатии стоило закончить, — вздохнув, заметила я.

— Сюда я хожу потому, что в отличие от других врачей твой отец не зануда.

— Но приперся ты сюда, чтобы до меня добраться.

— Пятьдесят на пятьдесят, — с важным видом отозвался Артем и сделал глоток.

— Синий тебе не идет, — продолжала препарировать парня я. Действительно, эта рубашка, сколько бы она ни стоила, мне на нем жутко не нравилась.

— Ты всегда говоришь то, что думаешь? — поинтересовался он.

Я издала тихий мученический стон и заправила волосы за уши.

— Если бы это было возможно, то я была бы самой счастливой и самой мертвой.

— Ты красива, — внезапно серьезно произнес он. — Но только когда молчишь.

Вмиг моя бравада куда-то исчезла, а щеками начинал завладевать румянец смущения. На бледной коже он проявлялся моментально.

— Е-если ты привык добиваться всего деньгами, пафосом и комплиментами, то со мной это не пройдет!

Я тут же взвилась со стула и выплеснула недопитый чай в раковину. Из крана зашумела вода, и остервенело я начала полировать чашку.

— Нет, я серьезно, — продолжил парень. — Хочешь на свидание?

— Нет, — закрывшись волосами, ответила я и продолжила с показным усердием драить посуду.

— С меня самый лучший подарок. Самый дорогой, какой ты только захочешь.

Ноги начали подкашиваться от злости. Да, меня когда-то пытались унижить, пытались

заставить сдаться, чувствовать себя не самой собой, но купить... Купить меня еще не пробовали.

— Самые дорогие подарки — это уважение, преданность, дружба и любовь. Их нельзя купить за деньги, — раздраженно обернувшись, выпалила я. — Или в твоём Институте учат только считать финансы и зубрить законы?

Я видела, как Артем изменился в лице. Его серые глаза, скучающим взглядом бегавшие по кухне, внезапно будто загорелись — золотые нити, тянущиеся к зрачкам, были словно проводки, которые в одно мгновение оказались под напряжением. Парень выпрямил спину, а его рот оказался расслабленно полуоткрыт.

— Ты допил чай? — словно ничего не было, поинтересовалась я.

— Допил, — медленно кивнул гость.

— Тогда я вымою твою чашку.

С этими словами я обтерла руки полотенцем и направилась напрямик к парню. Подходить к Акиншеву близко не хотелось, ибо я чувствовала, что произойдет нечто непоправимое. И оказалась права — едва я хотела поднять чашку, как юноша перехватил мою руку и, сжав запястье, потянул меня на себя.

— Что ты делаешь?.. — полушепотом, замерев, словно монумент, удивилась я.

Я чувствовала его дыхание, тепло кожи, силу пальцев и напряженность взгляда. Я глядела прямо в бездну его зрачков, видя там свое отражение. Еще секунда — и между нашими лицами лишь сантиметр. И самое главное — я лишилась рассудка. Не могла пошевелиться, ведь мое тело предало меня в самый ответственный момент. Его губы почти коснулись моих...

— Ева, я дома! — раздалось с порога.

Как по команде мы отстранились друг от друга, и молниеносно я бросилась в коридор к отцу.

Вслед я слышала лишь приглушенное: «Ева!»

— Все хорошо! — едва не сорвавшимся голосом сообщила я отцу.

Всю трясло. Я лгала. Все было одновременно пугающим и прекрасным. Такого чувства я никогда не испытывала. В животе закружилась центрифуга, создавая внутри массивную черную дыру. Наслаждение перемежалось со злостью.

Господи, зачем он это сделал со мной?!

— Тут тебя клиент дожидается. Мы попили чай...

В дверях появился виновник моих страданий. Вежливой улыбкой он одарил отца, а затем они пожали друг другу руки в знак приветствия. Я, словно боясь повторения, отошла от парня на несколько метров, а затем попятилась в свою комнату.

— Как чувствуешь себя? — поинтересовался отец, пока я не успела совсем сбежать.

— Лучше... — напряглась я. — Но температура, видимо, есть.

— Да, — лукаво взглянув на меня, произнес Артем. — Я заметил, что она горит, да и трясет её немного. Спасибо за чай, Ева. Невероятно вкусный.

— Рад, что она тепло приняла вас, — обратился к клиенту мой отец. — С ней такое редко бывает.

Затем папина ладонь легла мне на волосы и слегка растрепала их.

— Отдыхай, милая, — продолжил он.

Какой отдых? Я сейчас коньки отброшу из-за того, что твой неадекватный клиент до меня домогался.

Ей-богу, уверена, что этот парень лечится от психопатии!

9. Ева и две сотых процента

— Снова снег хлопьями... — с долей причитания протянула я, ловя на перчатки тающий пух.

В ответ на мои слова Алеся вздохнула, подняла голову к вечернему небу, а затем произнесла:

— Зато весной и летом будем вспоминать зиму, которой будто и не было.

— Тянет тебя на философствования, я смотрю, — на моих губах мелькнула усмешка, и, чтобы поддержать имидж циника, я закурила.

Было странно, что Леся позвала меня провести время вдвоем. Мой пятничный вечер был ничем не занят. Разве что тем, что обычно скрашивало скуку. Как раз я собиралась приняться за чтение фанфика по любимому сериалу, но сообщение в социальной сети меня как током шарахнуло. Не знаю, что нашло на эту двуличную бестию, но отказываться не хотелось. Странно, но лишь с ней и Артемом я могла себе позволить быть той, кем я являлась на самом деле. В каком-то смысле тоже двуличие, только не такое страстное.

Хорошо, что наши дома были недалеко друг от друга: мы устроились на резной скамейке на нейтральной территории. Я часто бывала в этом сквере, но в отличие от сегодняшнего дня не замечала, как тут может быть красиво.

— Лесь, — я смущенно закусилла нижнюю губу, а затем вовсе решила затянуться для храбрости. — Какие парни тебе нравятся?

Господи, пусть за эти несколько дней Женька осознает, что он гей или асексуал.

Девушка оправила свою привычную розовую шапку и хитро поинтересовалась:

— С чего ты спрашиваешь?

Я постаралась состроить равнодушный вид и пожала плечами.

— Просто решила спросить. Вроде как интересно.

Алеся грустно улыбнулась и тут же потянулась за пачкой в карман. К слову, она так и не поделилась со мной причиной, по какой позвала меня сюда. Вроде бы все это значило «просто так», но мы-то знаем, что таким образом ничего не бывает. У всего есть причина, и мне казалось, что я могла ее разглядеть: в моей новой подруге таилась какая-то скорбь, хандра. Негатив затягивал, как воронка, и корчить невинную улыбку для гопников, шлюх и прочего сброда ей было все тяжелее.

— Ну, — немного подумав, решила моя собеседница. — Мне нравятся высокие, красивые, с деньгами. Еще не жадные. Желательно старше лет на пять...

Мысленно я вздохнула. У меня вообще не было никакого типажа — я понятия не имела, чего мне нужно, но тут образ парня казался слишком расплывчатым. Высокий — это больше двух или ста восьмидесяти хватит? Красивый — это как модель у «Хьюго Босс» или просто смазливый личика достаточно? А что насчет денег и жадности? Обязательно «Метрополь» или обычное кафе подойдет?

— А качества какие? — не отставала я.

— К черту качества. Все решается в совокупности. Какая мне разница, щедрый ли парень, если он не собирается меня уважать? Или пусть он добрый, но каблук. К черту.

Девушка закончила мысль и закурила. Тем не менее я заметила, что разговор немного разволновал ее. Чтобы расслабиться, она прикрыла глаза и задала встречный вопрос, к которому я не была готова:

— А тебе?..

— Ну... — я сразу начала отвиливать от ответа. — Разные парни...

— Сама сказала, что нужно быть конкретнее. Покажи пример.

Я окончательно смутилась. Это не ушло от Лесинога взора, и она не преминула возможностью подразнить меня.

— Напористые... — неожиданно для себя выдала я. — И авантюрные.

— И ты знаешь таких?..

— Одного.

Подруга мягко рассмеялась все с той же едва уловимой грустью.

— Просто так получилось, — попыталась загладить сказанную глупость я, но с Алесей сложно совладать. — На самом деле этот парень отвратительный. И лишь эти два качества заставляют меня не выгнать его из моего дома пинком под задницу.

В ответ на изумленно поднятые брови собеседницы, я пояснила:

— Он клиент моего отца-психолога.

— И насколько он ужасный?

— На девяносто девять и... восемь. Да, именно настолько.

— Значит, ты влюблена на две сотых процента. Для начала уже неплохо.

— Нет! — вскрикнула я так, что парочка, прогуливающаяся мимо, обернулась. — Ни за что не влюблена!

Слава богу, щеки, чуть красные от легкого мороза, не выдали пунцовой краски, размазанной по коже. Лицо сразу же начало гореть, а кончики пальцев покалывало так, будто туда кто-то иголок натыкал.

— Я тоже так думала. Когда-то, — девушка грустно усмехнулась и отвела взгляд. — Он остановился возле меня на машине. Тогда был конец лета. Жуткий дождь, самый ненавистный, мелкий и холодный...

Сперва я не поняла, о чем она, но вскоре по деталям догадалась.

— Спросил, не подвести ли куда. Светловолосый, приятный, классно пахнущий какими-то дорогими духами. Настроение было паршивое. Абсолютно никудышное. Что в рай, что в ад — все равно. Я согласилась, и оказалось, с ним приятно говорить. Он сыпал комплиментами, улыбался, шутил. Я даже и не думала притворяться, чтобы произвести впечатление. Но он и так был впечатлен. Я никогда не водила дружбу с богатыми мужчинами за тридцать. Как-то это скверно для юной девушки. Ну, мол, продалась, все дела. Я в тот момент вообще считала, что влюбленность равнозначна потере себя. Но влюбилась, даже не ожидая этого. Мы часто встречались: катались по городу, ходили в кино, кафе. Моя комната превратилась в клумбу, а украшения уже некуда было девать. Я не чувствовала чего-то странного, доверяла, и мне казалось, что это навсегда. Правда, так думала и моя предшественница. Он оказался женат.

— Что? — изумленно произнесла я.

— Женат. Причем целых десять лет. Я только пошла в первый класс, а он уже отмечал свою свадьбу в тот момент.

— Он знал, что тебе шестнадцать?

— Когда познакомились, то не знал. Я не думала, что все это затянется дальше, чем просто «подвести до дома», сказала, что мне восемнадцать. Потом раскрылась, но он будто и так уже догадался.

— Вы порвали отношения? — сочувственно спросила я.

— Я порвала, а он — нет. Часто звонит, пишет, обещает, что разведется. Глупо было верить с моей стороны. С тех пор меня тошнит от всего мужского пола, а если вдруг наступит ремиссия, я больше не наступлю на те же грабли.

— Довольно тяжелая история. Особенно для семнадцатилетней девочки, — мой вердикт был неутешителен. — Думаю, его действительно нужно забыть.

— Это не вопрос. В какой-то мере условие самой себе, — кивнула Леся.

— А ровесники? Не думала о них?

Девушка иронично скривила уголок рта:

— Сброд.

— Понятно, — вздохнула я, мысленно пожалев Женьку.

— Твоему парню не больше двадцати?

— Эй! — вновь настало время возмущаться. — Он не мой парень. Ни в коем случае! Он бесит меня своими кривляньями и неумной напористостью.

— Это временно, — с нотой опытности поведала девушка. — Потом это будет казаться плюсом.

Я надулась, как воздушный шар, и нервно стукнула мыском по заледеневшей луже. Больше всего меня раздражало в данный момент то, что Алеся вот так запросто болтала о том, о чем понятия не имела. Я и Артем. Полнейший бред. Если сначала он мне и нравился, самую малость, то к нынешнему моменту меня просто в ярость приводила любая мысль о нем. Его фривольность, хитрая ухмылка и чертовы блестящие глаза. Играется мной, словно вещью, дурит голову, развлекая себя любимого. Нет. Этот человек заслуживает моих чувств только в параллельной вселенной.

Домой я вернулась к девяти. Благо по субботам в нашей шарашкиной конторе не было занятий, и я могла посвятить время любимым вещам. У меня была целая ночь для того, чтобы прятать душу между страниц и строчек. Но едва я схватилась за недочитанную книгу, как любая прочитанная строчка выветривалась из головы за секунду. «Нет, только подумать, — возмущенно восклицала я в собственной голове, — две сотых процента. Да я ненавижу его на все двести!» Особенно злила меня наша с Артемом последняя встреча. Что он вообще пытался сделать? Я не верила, что поцеловать, но тепло лица, которое меня в тот момент насквозь прожгло, я ощущала до сих пор. И чем больше я пыталась втирать себе мысль о неприязни, тем больше подсознательно сомневалась. Отец бы точно дал название этому странному психологическому явлению, но он был последним человеком, с кем вообще хотелось бы об этом разговаривать.

Ладно. Не читать. Играть. Но один из героев внезапно стал казаться мне подозрительно похожим на этого чертового парня: голос, жесты, действия. Казалось, я схожу с ума, выискивая в каждом деле, где могла, напоминания о нем. Так позлившись еще часа два, я залегла спать в надежде, что хотя бы во сне он оставит меня в покое. Но не тут-то было. Утром в моей голове очень ясным осадком осталось сновидение с непосредственным участием Артема. Он гнался за мной даже в подсознании, и я ощущала, что все сложнее сражаться с противоречивыми чувствами внутри себя. Он как снег на голову, чертов зимний снег. Знали бы вы, как я ненавижу зиму. Теперь еще больше.

Не сказать, что я очень любила литературу. Современная — вот это да. Антиутопии, романы о безумных девчонках, фэнтези... Читать классиков было скучновато. Но я не пренебрегала, листая все книги, которые нам задавали читать в школе.

Я почти расковыряла крышку стола, когда прозвенел звонок с урока. Мои «подружки» тут же замахали в сторону двери. Дескать, в столовую пора, набивать животы. Я, скинув вещи с парты в сумку, уже собиралась к ним присоединиться, как внезапно услышала свое имя из уст учительницы. Немолодая женщина с весьма благородной сединой и очках в узкой оправе поманила меня к своему столу. И стоило мне приблизиться, как в ее руках я заметила свое сочинение.

«Ясно, — смекнула я. — Сейчас будет что-то недоброе».

— Ева, — она произнесла мое имя, взглядываясь в текст.

Я обратила взгляд в сторону дверного проема и дала девчонкам знак не ждать меня. Те пожали плечами и моментально испарились.

— Ты сама писала это? — продолжила женщина.

Я нервно передернула плечами и ответила:

— Да.

— Знаешь, если это действительно так, то я в приятном шоке.

Что она несет?

— Эм... Не понимаю, к чему Вы ведете.

— Ты что-нибудь пишешь? Кроме сочинений, имею в виду.

— Нет, — покачала головой я. — Только читаю.

— Должна признаться, я очень впечатлена. Не очень похоже на обычное школьное сочинение. Ты знаешь, мы должны следовать четким критериям. Но если я скажу, что ты сделала все неверно, то совру. Очень взросло, мудро и стилистически удачно. Ты не думала о том, чтобы попробовать себя в чем-то подобном?

Я не понимала, к чему она клонит.

— Писать, Лаврентьева, писать. Много и с удовольствием. Это лишь мой совет. Прислушиваться или нет — твое личное дело. Но если что-то получится, то обязательно поделись со мной.

Я не привыкла к похвале, отчего сердце забилось по-странному быстро. И это чувство не оставляло меня все остальное время, что я просидела на уроках. Даже минуя школьные ворота, я все еще была удивлена.

Нет, только подумайте: Еву кто-то похвалил не в параллельной вселенной.

Я с нескрываемой улыбкой вдохнула морозный воздух и глазами начала выискивать знакомую розовую шапку. И вот она, Леся, идет и улыбается, как будто только-только сошла с небес аки Дева Мария. Светлые волосы, заплетенные в косу, едва заметный макияж, делающий ее лицо еще более милым, и добренькие глазки. Едва она шагнула за порог ворот, я настигла ее с дружественным воплем.

— Тише, — уголки Алесиных губ скривились. Девушка приложила палец к губам, чтобы я вела себя спокойнее. — Ты под чем-то, что ли?

— Нет, — закатив глаза, ответила я. — Просто настроение хорошее.

— Отщипни мне, — усмехнулась Алеся. Вместе мы зашагали по расчищенному от снега тротуару.

— Могу только сигаретой угостить, — толкнула девчонку в бок я.

— У меня свои есть в таком случае.

— Ну... как знаешь.

Едва мы отошли от школы метров на триста, я потянула Алесю за старую кирпичную арку. Курить хотелось невыносимо, оттого я казалась весьма настойчивой.

— Ты с ума сошла? — поинтересовалась она. — Тут меня точно кто-нибудь спалит.

— Хоть одну живую душу видишь? — как вождь народов, я подняла руку в указывающем жесте. Небольшая улочка и впрямь была пуста.

— Ладно, — сдалась девушка. — Чертов день. Согласна.

Спрятавшись за каменную кладку, я периодически посматривала наружу. Не идет ли кто. Затем мы закурили, и надобность эта отпала. Слишком уже увлеклись медленным самоубийством.

— Этот урод вчера опять мне звонил, — пожаловалась Леся.

Признаться, для меня подобные разговоры были впервые. Я почти никогда не заводила близких знакомств. Настолько близких, что можно было обсуждать нечто крайне личное. Поэтому сейчас чувствовала себя немного неловко. Алесе, судя по всему, тоже было не с кем искренне поделиться, поэтому доверяла она мне, казалось, безраздельно.

— Тот самый женатик?

— Он самый. Его зовут Дима, кстати. Ненавижу это имя.

Девушка будто прорычала, а затем начала яростно долбить сугроб ногой. Отчего-то мне казалось, что если я влюблена всего на две сотых процента, то ее статистика просто зашкаливает.

С удовольствием Алесья сделала глубокую затяжку и выдохнула в морозный тяжелый воздух. Я стояла поодаль. И внезапно заметила, как девушка оторопела. Глаза ее расширились, а сигарета едва не выпала из рук.

— Что случилось? — нервно поинтересовалась я, выползая из-за колонны.

На нас смотрела пара до жути знакомых глаз. Напротив стоял Женька без возможности вымолвить и слова.

10. Ева и желание нравиться

Пока сигарета пикировала к ногам Леси, мне показалось, что Женька успел сотню раз посмотреть то на меня, то на свою возлюбленную. Он выглядел растерянным, жалким и обманутым. Я понимала: он лелеял образ «не такой, как все», а в итоге получил кучку депрессивного дерьма. Проще налить суперклея в глаза, чем по-новому взглянуть на такие сложные вещи.

— Ева! — возмущенно заявил парень. — Зачем ты... зачем...

— Что я? — пришлось удивиться. Нет, признаться, не ожидала, что стану виноватой.

— Это губит здоровье! — нахмутив брови, он обратился к Лесе, а затем вновь ко мне. — Зачем ты учишь ее курить? Я не ожидал от тебя такого. В детстве ты была совсем другой.

Ну, у меня не было парочки молочных зубов, и ростом я была почти на полметра ниже — ты прав.

Да. Попала я в крайне неловкую ситуацию. Сбросить вину — подставить новую знакомую. Принять — оклеветать саму себя непонятно из-за кого. Нет, конечно, Леська местами классная, но мы не были настолько близки, чтобы ради нее я могла опуститься в глазах друга детства.

Алеся поджала губы. Теперь настала ее очередь поочередно глядеть на присутствующих. «Боже, просто проямли что-нибудь приторно-искареженным голосом, и он поверит тебе», — глазами сигналила девушке я. Но Лесин радар, видимо, был выключен. Она опустила взгляд к земле, а затем засунула ладонь в карман, откуда тут же показалась пачка сигарет.

Что ты, блин, делаешь, многоликая?

Леся поднесла сигарету ко рту на глазах у изумленного Женьки, а затем закурила, чиркнув голубой зажигалкой. И было в этом простом жесте столько вызова, столько прямой мужской брутальности, что я мысленно лайкнула.

— При чем тут Ева? — с усмешкой поинтересовалась девушка. — Я курю достаточно долго. Просто не распространяюсь об этом.

Женька что-то невразумительно крикнул, а затем в панике схватился за собственную шапку. Наверное, если прислушаться, то можно было услышать, как в его голове рвется шаблон.

— Так и будешь пялиться на нас? — продолжила атаку Алеся. — Может, ты вообще извращенец? Поперся за двумя девушками в подворотню.

— Мне... Было любопытно! — с гордым смущением заявил парень. — Я не подумал...

— О, полный шлак, — простонала Женькина собеседница, сделав глубокую затяжку. Помнится, на первых порах мне было странно наблюдать, как ангелоподобная отличница убивает себя никотином. Причем с таким упоением, что я ей немного завидовала.

— Две дуры! — вспыхнул юноша, швыряя шапку на снег. А затем, рассерженный, он бросился прочь, оставляя на снегу огромные следы от своих модненьких ботинок.

«Расскажет!» — проскочило у меня в голове, и мы с Лесей посмотрели друг на друга с полным пониманием. Она выручила меня, а я не могла бросить в беде ее. Тут уж точно был мой ход.

Схватив Женькину шапку, я засунула руку в сугроб и достала оттуда знатную горсть снега. Ее я запихнула прямо на дно шапки и стремглав бросилась вдогонку. К счастью, этот

чертов спортсмен не бежал, а просто очень быстро шел. Явно раздраженный, так как сжимал кулаки.

Книги на сайте - Книголюб.нет

— Постой! — настигнув парня, я с силой ухватила его плечо, а едва он обернулся, напялила ему на голову полную снега шапку.

— Идиотка, что ли? — выпалил он, но вроде немного остудился. Щеки его перестали гневно пылать, а голос практически выровнялся.

— Не умрешь, — отозвалась я.

— Ну чего, говори.

Я оглянулась, заметив за углом Лесю, которая тут же подбадривающе закивала мне.

— Знаешь, — издали начала я. — Мы, люди, все не очень совершенные по своей природе. Иногда для того, чтобы удержаться за безумно несущийся мир, нам приходится притворяться. Чтобы было легче, чтобы не оскорбить других или не разочаровать кого-то. Думаю... Каждый имеет право на какую-то тайну. Правда?..

— Нет.

— Ладно-ладно, спортсмены не понимают лирику...

В тот момент, кажется, я еще больше его разозлила.

—..но, прошу, сохрани Лесин секрет. Честно, я не помню, видела ли тебя когда-то таким, но точно могу сказать, что это жутко. Ты же не хочешь, чтобы все парни нашей школы стали такими же?

— Ты не дипломат, Ева, — вздохнув, ответил Женька. Сняв шапку, он вытряхнул слипшийся комками снег и вывернул ее наизнанку. — Но из уважения к нашему с тобой детству и моим каким-то чувствам к этой... этой Лесе я никому ничего не скажу.

— Спасибо, — кивнула я.

Мне почему-то стало немного скверно. Любишь кого-то, кажется, что знаешь его, лелеешь шанс признаться. А тут — бац — совсем другой человек. Получается, ты сам себя обманул. Ну и тебя немножко тоже.

— Не выдам, передай ей, — нахмурившись, парень поглядел на стоящую поодаль возлюбленную. Правда, какая тут теперь романтика, если твоя Беатриче и Лаура в одном флаконе цыбарит хлеще, чем какой-нибудь поэт-декадент.

— Передам.

— Пока, — юноша махнул рукой и зашагал прочь, предварительно пнув какую-то ледяную глыбу.

— По... ка, — едва слышно произнесла я, а затем обернулась, взглянув на Лесю.

— Пусть хоть кто-то знает, — безразлично выкрикнула она. — Все задрало. Пошли еще по одной.

Стоит ли говорить, что она нравилась мне все больше и больше?

Несмотря на то, что сегодня приключилось, дома я все равно оказалась раньше обычного. Не знаю, этично ли радоваться болезни учителя, но неделя без Гордовой была для меня фестивалем любви к школе. С последнего урока нас отпустили, поэтому у меня было время запрятаться в своей комнате, чтобы не встретиться с Артемом, который припирался сюда все чаще и чаще.

Из кабинета отца я слышала легкие смешки, а затем, на цыпочках пробравшись ближе, заметила, что в дверях стоит женщина. Со спины эту блондинку разглядеть было трудно, но

фигура у нее была знатная.

Отец и женщина. Что-то с чем-то.

Я громко прокашлялась, чтобы привлечь внимание. Но их взаимный смех заглушил мои попытки. Тогда я сделала вид, что чихаю. Да так, будто чихала не хрупкая десятиклассница, а борец ММА.

— Ева! — всполошился папа. Чуть покрасневшийся, в лучшем пиджаке он выполз в коридор и растерянно пояснил: — У меня новая клиентка. Оксана Владимировна.

Я оценила женщину с ног до головы. Ничего такая: большеглазая, тонконосая, не ярко накрашенная. Она приторно пахла чем-то сандаловым.

— Здравствуй, — поздоровалась папина клиентка, приятно улыбнувшись.

Интересно, что с вами? Комплекс Электры, панические атаки или пауков боитесь?

— Добрый день, — отозвалась я.

— У вас очень красивая дочь.

Ой, ну началось. Нет, скидок он не делает: самим есть нечего.

— Спасибо, — поблагодарил ее папа, чуть смутившись. — Красивая, но дикая. Такую не перевоспитаешь.

— Вам-то все под силу, думаю, — засмеялась та.

Все было похоже на сцену из какого-то флаффного сериала. Правда, идиллия оборвалась звонком в дверь.

— Откроешь? — поинтересовался у меня отец.

Может, за тебя и сеанс провести?

— Открою, — ответила я и нехотя поплелась в прихожую.

— Меня заодно проводишь, — за спиной я услышала голос Оксаны.

— Жду опять во вторник в то же время, — крикнул ей отец.

— Конечно, — закивала с улыбкой женщина, пока обувала сапоги. Казалось, что уголки ее губ вообще не способны разгибаться.

Я повернула ключ несколько раз, и перед моими глазами предстало знакомое лицо. Я отлично знала, кто это, поэтому заранее отрепетировала покер-фейс.

— Добрый день... — произнес Акиншев, немного замаявшись на пороге. Его удивила женщина. Но он быстро освоился и скользнул в квартиру. Я ненавидела толкучки, а тем более в том случае, когда я оказывалась импровизированным швейцаром. Так я и стояла бы, если бы не одна деталь. На ключице женщины я заметила татуировку. Не такую, какими увлекаются модные подростки: черную или цветную. Она была синеватой, больше походившей на ту, что колют зекам, шальным дедам и прочему биомусору. Но откуда у красивой женщины, успешной и богатой, судя по нарядам, такая гадость на теле? Тут же Оксана подвинула ворот, и татуировка скрылась из вида. Правда, она не заметила, что я спалила ее.

— Всего доброго, — в руках Оксаны звякнули ключи от автомобиля. — До вторника.

— До свидания, — втроем попрощались мы.

Артем еще не начал раздеваться, как в его руках я заметила картонный пакет. Вопросительно я взглянула на парня, а тот, не растерявшись, протянул его мне.

— Что это? — пришлось поинтересоваться. Любопытство заставило меня засунуть туда свой нос.

— Чай. Несколько видов. Купил вам с отцом в подарок в одной из чайных лавок.

— О, не стоило, Артем, — начал показушничать папа.

Я тем временем извлекла три железных коробочки: черный, зеленый и белый чай. Мне, честно, было наплевать, что там. Но отцу, думаю, точно приятно.

— Я заварю, давайте, — ринулся на кухню он, но предварительно обратился к клиенту. — Проходи пока.

Ненавижу такие моменты. Артем в полушаге от меня. Смотрит с полуулыбкой. А я что? Растерянная, готовая сквозь землю провалиться после того случая. И все равно хмурю брови, кривя рот в надежде показать неприязнь.

— Как дела? — невинно поинтересовался юноша.

— Минут пять назад было все отлично.

Тот усмехнулся и облокотился на стену. Проходить в обитель психоанализа явно не спешил.

— Твои как? — неожиданно для себя поинтересовалась я. Нет, я просто хотела быть вежливой, ничего более.

— Учеба в заднице, — пожал плечами парень. — Дали темы для курсачей. Никогда не писал ненужной фигни для людей, которым это не нужно.

— Мне не понять, — лаконично прекратила эти откровения я.

— Ты хорошо учишься? — поинтересовался Акиншев.

— Сносно.

— Не стараешься?

— Какое тебе дело до моей учебы? — гневным полусшепотом спросила я.

— Не хочешь — не отвечай, — слился парень.

— Наконец-то ты это понял.

На кухне отец начал остервенело стучать чашками и ложками. Стоило ему приступить к завариванию чая, как он выходил в какой-то астрал, а по кармическим каналам к нему поступала информация, сколько сахара кому класть.

— Я... пойду, — скривив нарочито приторную улыбку, заявила я, махнув в сторону своей комнаты.

— Удачи, — произнес Артем. Но, едва я успела отойти на шаг, ухватил меня за рукав и добавил: — Мое предложение как-нибудь встретиться все еще в силе.

— Ни за что, — отчеканила я и, вырвав руку из его горячей ладони, направилась к себе в комнату, даже не решившись пообедать.

Пнув рюкзак под кровать, я сбросила с себя тесный пиджак, расстегнула верхнюю пуговицу клетчатой рубашки и рухнула на кровать, потянувшись так, что дыхание сперло. За стеной отец уже что-то бурно обсуждал со своим клиентом — если мой ноутбук не шумел, то вполне можно было услышать их голоса. Правда, понять, о чем они говорят, было практически нереально. Я напряженно слепила веки, пытаюсь разобрать речь. Тщетно. Зато я то и дело обращала внимание на то, что голос Артема более походил на музыку. Такую приятную, такую необычную, что под нее глаза закрывались. Сама того не заметив, я молниеносно окунулась в дневной сон под бормотание за гипсокартонной стеной.

В половине шестого меня разбудил отец. Я разлепила веки, приподнялась на локтях и смутно поняла, что на улице уже стемнело.

— Кто ты? Где я? Какой сейчас век? — осипшим голосом произнесла я, подражая столетней старухе.

— Хватит придуриваться, Ева! — с теплотой ответил мне отец и тут же резко нажал на электрический выключатель. По моим глазам ударил желтый свет лампы.

— Ладно-ладно, — сдалась я и, растрепанная, вскочила со своего места. — Сделаю я уроки. Обещаю.

— Когда я дежурный врач, все время переживаю за тебя, — вздохнул папа. — Иногда хочется позвонить среди ночи, чтобы узнать, все ли в порядке.

— Если бы ты позвонил посреди ночи, то у меня все явно было бы не в порядке, — угрюмо отозвалась я. — Через тридцать дней мне семнадцать. А через год и месяц я стану совершеннолетней. Ты так и будешь угнетать меня?

— Вообще-то я хочу, чтобы все было как можно лучше... И чтобы ты мне в этом помогала.

— Окей, — всплеснула руками я, а затем присела в нелепом реверансе. — Чем я могу тебе помочь?

— Артем оставил свой бумажник в прихожей. Полчаса назад позвонил и сказал, что заедет за ним в восемь. Я к этому времени уйду. Отдашь за меня?

— Почему он растяпа, а я должна отдуваться?

— Ты сказала, что поможешь...

— Да, да! — я вновь рухнула на кровать и взялась за мобильный. — Помогу, чем смогу.

— Я... Дал ему твой номер.

— Мой номер?! — я едва не выругалась. Еще телефонного террора мне тут не хватало.

— Будет лучше, если он предупредит тебя заранее, разве нет? Вроде бы он хороший парень. Ему можно доверять.

Я бы на твоём месте так не думала.

— Наверное, можно, — я вновь оказалась в вертикальном положении, а затем опустила голову, начав остервенело орудовать по спутанным волосам расческой. — Я плохо с ним знакома.

Не знаю, вранье это было или нет.

— Тем более, — не переставал настаивать папа. — Какая тебе тогда разница?

Я встряхнула медной гривой и, выпрямившись, с укором взглянула на отца. Правда, он глядел на меня с укором ответным. Да так, что пришлось поежиться. Я прекрасно знала, что часто расстраиваю его по пустякам. Но со своим сучьим характером справиться было так же сложно, как оседлать бешеного быка на родео.

— Ладно, — сдалась под натиском этого взгляда я. — Отдам. Оставь в прихожей.

— Спасибо, — ответил отец и оставил на моей макушке поцелуй.

Стоило ему только выйти из моей комнаты, как я пнула джинсы, валявшиеся на полу, и тихо выругалась.

Через час папа всячески выразил свои волнения обо мне (он всегда так делал, когда сваливал на ночное дежурство) и ушел, оставив меня в одиночестве. Правда, не сказать, что его присутствие как-то разбавляло мое уныние. Брэдбери это удавалось куда лучше.

Оказавшись в своей комнате, я зачем-то выдвинула ящик и достала оттуда пенал, до отказа набитый косметикой. Я встряхнула всё содержимое на комод и начала перебирать декоративку, недоумевая, когда я успела столько всего накопить. Да, я часто покупала карандаши для глаз и бровей, тени, консилеры и всяческие женские «обманки», но почти никогда ими не пользовалась. Отец сказал бы, что это потенциальное желание нравиться и страх его реализовать. Но на самом деле в парфюмерном недалеко от дома часто бывают скидки.

После нехитрых манипуляций с базой и тональником я начала орудовать лайнером в

попытках нарисовать стрелки. И в момент, когда моя рука съехала, прочертив угольную линию аж до виска, я вдруг спросила себя: «Зачем?». В будние дни я ограничивалась едва заметным макияжем, а тут на пятиминутную встречу «Мону Лизу» на лице рисую.

Из зеркала на меня смотрела Ева, кусающая розовые губы. Советчиком она была так себе. Поэтому, взяв себя в руки, я закончила начатое. Правда, под конец меня испугал мобильный. Звонок настиг меня так внезапно, что я едва вновь не украсила себя чертой от айлайнера.

— Алло, — как можно невозмутимее ответила я.

— Рыженькая, — голос в трубке был немного искажен, но спутать его с каким-то иным было сложно. — Я подъехал. Около вашего дома опять не парканешься, поэтому я с левой стороны от выезда.

— Мне тащиться лишние сто шагов? — с вызовом поинтересовалась я.

— Я подойду к подъезду, а потом понесу тебя на руках.

— Я никуда не собираюсь, — пришлось отрезать, а затем нажать отбой.

Довольная собой, я влезла в серый свитшот, напялила джинсы, которые, по словам папы, надевать можно было только с вазелином, и направилась в прихожую. Окончательно облачившись в зимнее обмундирование, я заперла квартиру и начала медленно спускаться по лестнице, словно сама себя вела на казнь. Почему-то мое сердце стучало как ненормальное, с каждой ступенькой лишь повышая скорость.

«Отдать кошелек», — мысленно пожимала плечами я. — «Просто отдать кошелек».

ТОГДА НА КАКОЙ ЧЕРТ ТЫ НАКРАСИЛАСЬ КАК НИКОГДА В ЖИЗНИ, ЕВА?

Довольно давно я не чувствовала себя настолько странно. Будто сама себя рвала на куски.

11. Ева и внезапные открытия

Одна, две, три... Я толкнула железную дверь подъезда и тут же натянула на нос бордовый шарф. В тот момент я, наверное, была похожа на какую-нибудь шахидку в веселенькой парандже. Но теплый пласт шерсти от моего лица тут же отодвинула мужская рука в мягкой перчатке.

— Эй, — возмутилась я, заметив, как отступивший Артем игриво хмыкнул. Он спустился с парочки ступенек спиной вперед, будто просил следовать за ним.

— Холодно, да? — поинтересовался он, лукаво улыбаясь.

Нехотя я сделала несколько шагов навстречу и скучаяще ответила:

— Немного.

Артем все удалялся. Он уже спустился с крыльца, и мне пришлось неуклонно следовать за ним.

— Может, заберешь свой бумажник? — поинтересовалась я, вертя вещь в руке.

— Я тоже хотел тебе кое-что отдать...

Мне надоела эта странная игра, и я с размаху швырнула в парня его же кошелек. На удивление ловко он перехватил его и, ухмыльнувшись, убрал во внутренний карман.

— Ты куда-то собиралась? — поинтересовался Акиншев.

— С чего ты взял?

Мы уже почти дошли до его машины. Я понятия не имела, зачем вообще согласилась с ним идти дальше. Кошелек вернулся к хозяину, дело сделано, а я могу спокойно дочитать главу, которую так и не закончила.

— Ты накрасилась.

От его слов мои щеки тут же вспыхнули, и я моментально натянула шарф на лицо. Мне хотелось кинуть в него куском льда, но как настоящая леди я сдержалась и горделиво фыркнула, давая понять, что он не прав.

— Просто было вечером свободное время.

— Твой вечер не может быть свободным, — произнес Артем, открывая передо мной дверь автомобиля. На несколько секунд я заколебалась: сперва отступила, а затем подняла глаза к лицу парня. Он смотрел выжидающе. Тогда я рухнула на переднее сидение и поморщилась от легкого хлопка дверью.

— Почему не может? — поинтересовалась я, повернув голову в сторону собеседника, который уже сел на свое водительское место.

— Потому что его ты проведешь со мной.

— Мы ни о чем не договаривались, — пожала плечами я. Тут же последовал щелчок, по которому я поняла, что двери заблокированы.

Вот урод.

— Ладно, ты меня похитил, что дальше?

— Поболтаем, попьем кофе.

О нет, только не то кафе снова.

— Знаешь, мне нечего тебе сказать...

— Пристегнись, — Артем проигнорировал мои слова. По-моему, он всегда пропускал мимо ушей то, что ему не хотелось слышать. Тем временем я оказалась в ловушке и, так как с этим ничего нельзя было поделать, решила использовать ситуацию в своих целях.

— Я согласна, но при условии, что ты расскажешь мне, от чего лечишься у моего отца.

— Зачем тебе это знать? — удивился Артем, заводя авто.

— Может, ты маньяк, — пожалала плечами я.

— Может, — спокойно согласился парень. Его серьезность слегка напрягла меня.

Мы тронулись, выезжая со двора на полупустую трассу. Водил Артем довольно хорошо, хоть, судя по возрасту, опыта у него было немного. Рулил он играючи, иногда посматривая на меня. Я уже уткнулась глазами в экран телефона, для иллюзии занятости перетаскивая приложения с места на место. Вскоре это занятие начало меня раздражать, и я отвернулась в сторону окна, созерцая круглые огоньки желтых фонарей, не убранные с деревьев гирлянды и пестрящие неоновые вывески магазинов. Даже такой захолустный городок превращался в магическое место, когда наступала ночь.

Мы остановились около «Макдональдса», заехали со стороны окошка для автомобилей, и Артем набрал целую кучу всего. «Брат попросил», — пожал плечами парень. «У него брат есть?» — удивленно подумала я, в момент осознав, что я практически ничего не знаю об Артеме.

— Будешь что-нибудь? — спросил Акиншев.

— Кофе разве что, — вздохнула я, потянувшись за своим кошельком. Рукой Артем остановил меня, а затем постучал пальцем у виска, мол, ненормальная. Я ударила его бумажником по плечу, а затем закинула вещь в сумку.

Вскоре в машине стало соблазнительно пахнуть всякой вредной ерундой. Я грела руки об огненный стаканчик, изображая вселенскую скорбь эмансипированной женщины. Затем мы тронулись и вновь выехали на трассу, а через несколько минут я заметила, что мы направляемся к черте города — дальше начинались поля, а за ними длинной строчкой тянулась лесополоса.

— Ты придумал место, где спрячешь мой труп? — скептически обратилась к Артему я.

— Считаю, что дело сделано, — уверенно закивал тот. Я видела в нем некий оптимизм, но краешком души чувствовала, что он скорее наносной, чем настоящий. Губы Артема улыбались, а глаза грустили. Его потрясающие серо-золотые глаза...

О чем ты вообще думаешь в тот момент, как он везет тебя непонятно куда?

— Куда мы едем?

— Хочу показать тебе кое-что.

— От тебя чего угодно жди... — насупилась я.

Мы свернули с трассы, направившись по дороге, усыпанной гравием. Камни хрустели под колесами машины, и я представляла, что с таким же треском буду ломать жизнь Артема, если он попытается что-то сделать со мной. Вскоре мы проехали еще несколько сотен метров по темному пути, и где-то возле груды камней Артем заглушил машину.

— Это озеро, — удивленно полупшепотом произнесла я.

— Озеро, — согласно кивнул парень.

Место плохо освещалось, но даже сквозь сумрак было видно, как оно красиво. Несмотря на то, что по ту сторону открывался вид на индустриальный район, а недалеко от нас шумел бетонный мост объездной.

— Вообще-то я не очень люблю озера, но это какое-то особенное, — добавил Артем.

Он разблокировал двери автомобиля, и я вынырнула на улицу, глубоко вдохнув морозный воздух. Водоем был небольшой, замерзший и едва припорошенный снегом, но все равно здесь было какое-то мрачное очарование. Особенно нравились мне голые деревья с

тонкими тянущимися к нам ветвями.

— Один раз заехал сюда случайно. Летом. И почему-то завис. Когда все зеленое, гораздо красивее, — поведал Артем.

— Мне и так нравится, — отозвалась я, уже спускаясь к ледяной глади озера.

— Осторожно, — предупредил меня парень, и я обернулась, улыбнувшись.

У...лыбнувшись?

Ева? Ты улыбнулась ему?

Медленными шагами парень достиг меня и остановился в метре от берега. Он закурил, спокойно наблюдая за огнями вдалеке: город с этой точки казался единой иллюминирующей линией. Я старалась не оборачиваться, чтобы вновь в груди не защекотало странное чувство. Я понятия не имела, что со мной, но надеялась, что это лечится.

Акиншев сделал очередную затяжку и откашлялся. Я обернулась, окинув его взглядом. Глаза парня блестели на морозе, как тогда, в день нашего знакомства. Он выглядел необычайно одухотворенным, не таким, как прежде. И каков он был на самом деле?..

— У меня фобия, — внезапно нарушил молчание Артем. — Я боюсь, что меня похитят.

— Похитят? — после неловкой паузы едва не прыснула со смеху я.

— Меня уже похищали, — серьезно заметил парень.

Я резко осеклась и замолчала, давая тому возможность продолжать.

— Мне было пять, когда родители наняли мне новую няньку. Они сами были вечно заняты, и виделись мы только по вечерам. Я не помню даже черт лица той женщины. Она просто была. Однажды мы вышли погулять. День был осенний, холодно уже. Она одела меня потеплее, и мы пошли сначала в магазин, а затем — в парк. Плохо помню, как потерял ее руку. Но в какой-то момент няньки просто не оказалось рядом. Меня схватил мужчина. Бросил на заднее сидение машины и быстро завел авто. Окно было приоткрыто, и я слышал, как беспомощно кричала та женщина. До сих пор вспоминаю, а по телу дрожь.

Артем говорил с придыханием — мысленно переживал каждую секунду того дня. А мне ничего не оставалось, кроме как слушать его, изломив брови от удивления.

— Мне было страшно, — продолжил он. — Так страшно, как никогда не было. Я дергал ручку машины и захлебывался в слезах. Мне казалось, что я больше никогда не увижу маму, папу и брата. Но внезапно за нами направилась погоня. Голос из динамиков, вой сирены, бешеная скорость... Когда мы были на мосту, мой похититель не вписался в поворот: тормоза завизжали так, что я чуть не оглох. Меня тряхнуло, а затем я ударился головой. Плохо помню, что случилось. Но вроде автомобиль перевернулся на большой скорости. Болели ноги. Обе оказались сломаны. Что было после — лучше не вспоминать.

Несколько секунд я молчала, шокированная этой историей. Мне стало стыдно за свои слова. И почему-то я живо представила маленького Артема, похищенного, измученного и испуганного.

— Прости, — пробормотала я. — Не стоило спрашивать.

— Ну, это было твоим условием... — отозвался Акиншев, мыском ботинка втирая окурок в снег.

— Мне было любопытно.

— Я ни в чем тебя не виню. Эта история — часть меня. А значит, рано или поздно я бы поделился ею с тобой.

Я сглотнула, в непонимании почесав висок. До меня не совсем дошел смысл его слов, но что-то подозрительное в них я уловила. Рано или поздно... Он что, еще долго меня так

мучить собрался?

Мне не хотелось смотреть на Артема в тот момент. Ну не могла я показаться пред ним в анфас с таким грустным лицом. Проще было утопиться в ледяной воде этого озера. Но почему-то обернулась. И он смотрел на меня. Глазел и глазел, а потом губы его дрогнули в какой-то измученной беззлобной улыбке. Не знаю, какое усилие я тогда приложила, чтобы не разрыдаться от бессилия. В тот момент я смотрела сквозь показную язвительность и вежливость Артема. Правда, дотянуться до настоящего было слишком тяжело для слабой и безынициативной девчонки.

Секунд десять мы стояли и смотрели друг на друга, замерев. Затем я поднялась на верхний берег и по своим следам подошла к машине.

— Отец будет звонить и волноваться, — придумала аргумент я. На самом деле меня выворачивало наизнанку от нелепого чувства интимности. Мы плохо знали друг друга, и все это казалось мне очень откровенным. Как эротика по ночному каналу в десять лет.

Парень согласно кивнул, разблокировав авто. Вскоре мы уже отъезжали от озера, где я оставила маленький кусочек своей души. Вновь трасса, фонари и редкие взгляды Артема.

— Один препод достал, — как ни в чём не бывало начал свои рутинные разговоры он. — Не хочет принимать контрольную. Ну, мол, я пропустил день, когда все писали...

Я сонно закивала, мыслями вновь и вновь возвращаясь к озеру и грустным взглядам. Понятия не имею, как он мог так легко переключаться с минорного настроения на мажорное. Мне этого не удавалось, и до сих пор я сидела под впечатлением. Залпом я допила остывший кофе и с силой смяла картонный стакан.

—..ну, вот, — продолжал он. — А первокурсник такой говорит: «Разве мы не в этой аудитории?». Знаешь, как смешно было. Правда, потом...

Все его слова сливались в одно. Я медленно, но верно начинала клевать носом. Голова моя склонилась, а веки слепились, будто я сутки не спала. Не знаю, что это было — реакция на стресс, как сказал бы отец, или просто душевная усталость, как решила бы я, но клонило в сон. Я дремала всю дорогу до моего дома, но прекрасно почувствовала, как парень заглушил машину.

— Я провожу тебя до подъезда, — заявил Артем. После я почувствовала, что он повернул голову в мою сторону и тихо удивился: — О, ты спишь!

Я постаралась сделать так, чтобы моя попытка притвориться выглядела как настоящее погружение в бессознательное. Признаться, не знаю, зачем я это делала. Кажется, хотела почувствовать, как он разбудит меня.

— Ну-у... — протянул парень. — Мы приехали.

Я вновь не шелохнулась, хотя хотелось рассмеяться от странной растерянности в его голосе. Я привыкла к самоуверенному Артему, который вламывается ко мне домой с чаем или затаскивает меня в свою машину обманом.

— Ты так и будешь спать? — с тихим раздражением произнес он. Затем будто смирился. — Ладно, спасибо за сегодня. Приятный был вечер. Хоть и не очень долгий.

В тот момент я понадеялась, что он не разоблачит обмана из-за моего громкого сердцебиения и красных щек. Его слова задевали меня, как кошачьи когти свитер: Артем оставлял на мне зацепки, из-за которых потом приходилось полночи ворочаться с боку на бок.

В какой-то момент я хотела сделать вид, что просыпаюсь, но внезапно ощутила рядом со своим лицом чужое тепло. Акиншев тихо подвинулся ко мне, а затем оказался

непростительно близко. Мне стоило распахнуть глаза, очнуться и наотмашь врезать наглцу, но меня будто парализовало, как в прошлый раз.

Притворись, что не чувствуешь, Ева!

Но было поздно. Я ощутила на своих губах что-то странное и теплое. Знакомое, но в то же время волнующее. Происходящее впервые. Это были губы Артема: чуть шершавые от ветра, кисловатые и мягкие. Он обхватил ими мои губы и чуть углубил поцелуй. Слава богу, что из-за куртки нельзя было ощутить, как сердце пытается проломить грудную клетку.

Через несколько секунд парень отстранился и молча вернулся в свое положение.

— Эй, приехали! — толкнул меня в плечо он.

— Да? — я постаралась как можно правдоподобнее изобразить пробуждение. Даже зевнула так, что едва не вывихнула челюсть. Руки пришлось спрятать в карманы, чтобы Артем не заметил дрожи.

— Только что, — слукавил парень.

— Да, спасибо, — активно закивала головой я, вылезая из машины. — Провожать меня не нужно. Я дойду.

— Я бы настоял.

— Я тоже имею право настоять. Правда, на обратном.

— Ну, дело барское.

— Именно, — как можно более спесиво заявила я, вытаскивая свою тушу из машины на мороз. — Удачи.

По-моему, получилось как-то грубо. Но больше всего меня волновало не состояние Артема, а мое собственное. Губы как раскалённой кочергой прижгли. Так уж они пылали. И как он мог себе позволить сотворить со мной такое, пока я сплю?..

Он поцеловал тебя! По-це-ло-вал.

«Господи, если ты есть, сделай так, чтобы он не заметил моего притворства», — взмолилась я, подбегая к подъезду. Трясущимися руками я отворила дверь и ворвалась в плохо освещенное омещение. Там я прижалась спиной к стене и постаралась сровнять дыхание. Очень хотелось верить, что мое поведение не показалось ему подозрительным.

С губ сорвался всхлип. Я крепко зажала рот ладонью, пока поднималась по лестнице, и почему-то не опускала руку даже оказавшись в квартире.

Поцелуй. Поцеловал. Тебя. Он. Впервые. Это было то самое. Оно. Чувство Прикосновение. Ева. Он поцеловал.

«Замолчи!» — мысленно заорала я, пытаясь заткнуть голос в своей голове. Нет, я была бы рада, если бы мой первый поцелуй украл парень, который сильно нравился. Мне. Но Артем... Я не понимала, что испытываю к нему. Неприязнь смешивалась с симпатией, интерес с презрением, а восхищение с ненавистью. Мое сознание вертелось в безумной центрифуге.

И все-таки я была честна с самой собой. На долю секунды, но была. Он поцеловал меня. И хотелось еще.

12. Ева и вторая ступень принятия

В мире вообще есть что-то более опасное, чем парни? Думаю, даже комета, снесшая мне голову, была бы менее катастрофична, чем этот самовольный и потерявший совесть человек. Я была готова рвать и метать, едва зашла в квартиру: нога тут же пнула гардеробный шифоньер, а кулак с силой ударился о зеркало. Хорошо, что дома не было отца, а иначе он бы сразу вызвал бригаду своих дружков к такой нелепой психопатке, как я.

Сровняв дыхание, я уселась на кухне, взяв в руки коробку с черным чаем. Вдохнув аромат прелых листьев, я вновь вспомнила лицо чертового дарителя. Меня объяла злость, которая перемежалась с щекотливым чувством под ребрами. А едва я окуналась в то самое ощущение поцелуя, как низ живота словно вспыхивал удовольствием, заставляя меня сомневаться в собственной адекватности. Обычно по возвращении домой я мигом включала компьютер и за пять секунд находила, чем заняться. А сейчас даже сил подняться не было — лицом я впечаталась в кухонный стол, рассыпав чай по синей скатерти.

Меня кусали десятки вопросов, начиная с «Зачем Артем это сделал?» и заканчивая «Не псих ли он часом?». Конечно, его история тронула ороговевшую душу: он был милым и спокойным, когда рассказывал ее, все дела... Но Акиншев — это Акиншев...

Боже, Ева, он даже не спросил разрешения поцеловать тебя!

«А... о таких вещах вообще спрашивают?» — поспорила с внутренним голосом я, на секунду встав на защиту своего растлителя. Одним словом, я была в полнейшем замешательстве, и мне предстояло хорошенько подумать о том, что делать дальше.

Приняв горячий душ, я выползла из тесной запаренной кабинки, прошлепав босыми ногами к себе в комнату. В конце концов, решение пришло само: ничего не делать. Мне было интересно взглянуть на реакцию Артема. Будет ли он делать вид, что ничего не произошло, совсем обнаглев, или же отреагирует по-иному.

В общем, моя цель никогда ни в кого не влюбляться летела в бездну. Каждая секунда напоминала о том, что Артем мне хотя бы не безразличен. И это дико злило. Как там говорил отец о пяти ступенях принятия? Отрицание-гнев-торг-депрессия-принятие? Кажется, я залезла уже на вторую.

— Ева!

Отстань, я умерла.

— Ева-а...

Читай мысли.

— Я съем твой эклер...

— Нет! — вскочила я, метнув гневный взгляд в сторону Леси.

— Не кричи, — вполголоса произнесла девушка, вежливо улыбнувшись ребятам, которые обратили внимание на мой крик.

— Ну да, еще не все знают, что ты водишься с дикой новенькой, — вздохнула я, накрутив медную прядь волос на палец.

Алеся пожалала плечами и, словно невзначай, откусила-таки от моего пирожного.

— А мальчики из моего класса говорили, что ты ничего.

Я тут же смутилась, ощутив, как покалывает щеки. Чтобы скрыть стеснение, я огрызнулась:

— Плевать. И вообще. Ты откусила!

— Ну и что?

Алеся была прелестной даже с набитым ртом.

— Ты какая-то загруженная, — добавила она, отпив чай. В столовую на третьей перемене мы всегда ходили вместе. — После выходных.

— Не знаю, с чего ты взяла... — неуверенно пробубнила я, хватаясь за коробку с соком.

Внезапно я услышала мерзкий скрип столовской табуретки, и рядом со мной оказался Женька. Он подтащил свой стул к нашему столу и уселся, будто его звали.

— Я просто здесь посижу, — фыркнул он. — Ничего не значит.

— Хочешь эклер? — кивнула на пирожное я.

— Эй! — возмутилась Леся. — А мне, значит, не надо.

— Тише, — покачал головой Женька. — Будешь шуметь — станешь не такой, как обычно.

Я согласно закивала, наблюдая, как парень запикивает эклер в рот. Школьный пиджак шел ему не меньше, чем спортивный костюм. Все из-за телосложения. Артем, конечно, постройнее...

Артем? О, да. Артем...

Я в очередной раз астенически выдохнула и вместо еды принялась за грусть. Кусок в горло не лез, а уголки губ тянулись к подбородку.

— Вкусно, — демонстративно облизав пальцы, Женька взглянул на Лесю.

— Заткнись, — полупшепотом отреагировала она. А затем обратилась ко мне еще тише: — Я тебя ненавижу.

— Взаимно, — закатила глаза я.

Парень взглянул на массивные часы, а затем поинтересовался:

— Вы всегда ругаетесь?

— Какая тебе разница? — Леся пошла в наступление.

— Мы не ругаемся, — спокойно пояснила я.

Женька скорчил рожу своей бывшей возлюбленной, а затем, назло нам проскрипев стулом, вышел из-за стола.

— Чего ему теперь-то нужно? — подперев подбородок кулаком, поинтересовалась Леся, гневливо смотря тому в спину.

Мне оставалось лишь покачать головой.

После занятий я безрадостно отправилась домой. Вообще-то я всегда хожу туда и обратно без особого веселья, но в последние пару дней хотелось совсем удавиться. Меня то в жар, то в холод швыряло. Привычная жизнь пошатнулась от того, что всего лишь какой-то парень поцеловал меня. Да, я в курсе, люди не только целуются, а еще трахаются, женятся и заводят детей. Интересно, для каждого человека движуха подобного масштаба — главное событие года, или только я настолько скучно живу?

Кое-как я взобралась на свой этаж, погромела ключами и завалилась в квартиру. Мне хотелось закричать о том, как дико я устала и вообще хочу сдохнуть, но шум на кухне заставил меня помолчать. Я прислушалась, различив женский голос. Память у меня, конечно, не ахти, но тонкий и пленяющий тембр той самой Оксаны-с-татуировкой я забыть не могла. Отец, нарушив свои принципы, поведал мне, что она оправляется после развода с мужем. Бедняга отхватила отличный «Ниссан» и однушку в центре. Должно быть, если добросовестный психолог выдал мне врачебную тайну, то эта женщина ему все-таки

нравится.

— Па-ап! — давая знать о себе, позвала отца я. Он вышел из кухни, растаскивая за собой аромат свежесваренного «каркадэ».

— Привет, милая.

— Ты не один? — шепотом поинтересовалась я.

— Нет, — таким же шепотом он ответил мне.

Неужели ты живешь не менее скучно, чем я?

— Ладно, я не мешаю.

— Спасибо. Мы скоро закончим. Это не то, что ты подумала.

— Я подумала, что это как минимум странно, оттого, что вы беседуете на кухне.

— Это совпадение. Прошу, иди.

Я чуть улыбнулась, мол, «поверила я тебе, конечно». А затем на цыпочках пробралась в свое логово. Оттуда было слышно, как громко смеется Оксана Владимировна, переживая о разводе с мужем. Вроде бы приятная женщина, которая носит сороковой размер обуви и пахнет жасминовым кондиционером для одежды, но что-то меня напрягало в ней. Мне было все равно, хочет ее мой отец или нет. Я испытывала не ревность, а какое-то чувство тревоги. Словно ты в курсе о завтрашней годовой контрольной и понимаешь, что в ней будет то, чего вы не проходили.

Я лежала на кровати, поглядывая на часы. Скоро знакомые руки нажмут домофонную кнопку, а затем ноги в темно-коричневых ботинках будут стирать бетон ступенек. Ручку двери обхватит горячая ладонь, потянет ее на себя, и на пороге собственной персоной возникнет Артем.

Кстати о звонке...

Я подпрыгнула, будто меня облили ведром холодной воды, и бросилась к двери. Обычно я открывала сама, но сейчас больше всего мне хотелось развернуться и убежать обратно.

— Ева, открой, пожалуйста! — выкрикнул с кухни отец.

Я хотела впечататься головой в стену, но все-таки послушно сняла домофонную трубку. Мне выдался шанс скрыться, но он добавил:

— И входную отопри.

Со скоростью света я начала рыскать по всем карманам, чтобы найти ключи и открыть дверь до того, как парень поднимется на этаж. Но когда я все-таки их нашла и провернула в замке, Акиншев потянул дверь на себя.

— Привет, — спокойно произнесла я. Мои глаза коснулись его губ, и мысленно я ужаснулась. Наверное, в тот момент мое лицо походило на восковую маску: я пыталась вообще не выражать никаких эмоций.

— Привет, — ответил парень, явно заметив неладное. И я точно бы сдала себя, если бы не Оксана и мой отец, вышедшие с кухни.

— О, вы теперь там сеансы проводите? — невзначай поинтересовался Акиншев.

Я тихо хохотнула в кулак.

— И тебе здравствуй, Артем, — вежливо улыбнулся отец. — Если хочешь, можем и там.

— Боюсь, придется отказаться.

Оксана Владимировна не оскорбилась, а, кивнув пришедшему, поинтересовалась:

— Вы на машине приезжаете?

— Да, а что? — кивнул Артем.

Я отползла в сторону, чтобы не толпиться в прихожей. Парень тем временем разулся и

влез в гостевые тапочки.

— Просто интересно, где вы ее ставите. Вечно приходится парковаться там, где запрещено.

— Иногда бросаю около универа. Он тут, недалеко. Такое застекленное здание. Сегодня поставил за домом. Почти около детской площадки.

— Ясно, — закивала женщина, накидывая норковый полушубок с помощью моего отца. — Всем до свидания.

Дружно мы попрощались с Оксаной, а затем отец и Артем скрылись в кабинете, чтобы обсуждать абсурдность его похищения. Можно подумать, он кому-то очень нужен.

Я поплелась на кухню, чтобы хлебать мерзкий суп, сваренный мной пару дней назад. Вообще-то я нормально готовила, но в дни тяжелых раздумий все валилось из рук, и даже еда получалась как побелка на вкус. Больше всего меня интересовала реакция Артема на недавно произошедшее. Пару раз он писал мне в социальной сети и даже оставил три лайка на постах, но я на корню обрывала все общение, чтобы не ляпнуть глупость. Общение в сети было проще, чем вживую, и я боялась, что наговорю лишнего.

«Как же меня взбесил этот твой дружок!» — мои глаза пробежали по экрану телефона. За едой я обычно водила пальцем по сенсору, листая ленту. Фотка Леси меня раздражала: милый образ шел ей, но теперь казался каким-то несуразным. Будто во время общения со мной Сатана занимал тело прелестной девочки.

«Не обращай внимание», — набрала в ответ я, отправляя в рот ложку супа.

«Почему ты сегодня сбежала так быстро после уроков?»

Настало время вранья. На самом деле я и сама не знала, зачем ушла, не попрощавшись. Обычно мы вместе доходили до остановки, успевая покурить в подворотне.

«Папа попросил прийти пораньше.»

«Вообще-то этот идиот опять ко мне привязывался! Ты была мне нужна!»

«Шли к черту.»

Таков был мой вердикт.

Я забросила тарелку в раковину, выпила чаю и занялась кухонными делами. Отведя взгляд за окно, я вгляделась во тьму нашего двора. Фонари перед подъездом не горели второй день.

По шуму в коридоре я определила, что Артем уходит. Наконец-то я смогу громко разговаривать и выражаться так, что папа будет ругать меня. Изо дня в день ничего не менялось.

— Всего хорошего, — попрощался Акиншев с моим отцом.

— До встречи, — отозвался тот.

Я уже была готова вдохнуть полной грудью и надеть заляпанные спортивки, как внезапно надежды рухнули. Минуту спустя я услышала папин сокрушенный голос:

— Ева! Он опять забыл!

Интересно, он решил, что это второй раз подействует?

— И что?

— Отнеси, пока не переделась. Ты успеешь его догнать.

Я отреагировала тяжелым вздохом, взяла темный шарф парня и через несколько мгновений уже была на улице. Было так темно, что я плохо видела, но удаляющуюся высокую фигуру различить было легко. Я решила, что сделаю так: пойду за ним, подкрадусь к машине, а когда он сядет в нее, то испугаю, постучав в заднее стекло. Кралась я медленно,

попутно вдыхая аромат шарфа Артема. Как чертова сталкерша, ей-богу!

Мы проходили через безлюдную часть дома, куда вовсе не выходили окна. Здесь было темнее, чем на дне Марианской впадины, и все бы пошло по моему плану, если бы не резкий визг тормозов и мужчина в черном капюшоне. Едва я успела понять, что происходит, незнакомец схватил Артема, зажал ему рот и потащил в черное авто без номеров.

13. Ева и знакомство с родителями

Жизнь не готовила меня к сложным ситуациям. Обычно я находилась в зоне своего комфорта, изредка выползая, чтобы выполнить какие-нибудь занудные квесты мерзкой реальности. Но сейчас я ощутила горечь во рту — таков был вкус страха. Нет, я боялась не человека в черном капюшоне или эту чертову «двенашку» без номеров. Я боялась за Артема. А если быть точнее — за себя. Мне было страшно, что я больше никогда его не увижу.

Авто молниеносно завелось. Я пронзительно завизжала, отступив в испуге. Но тело меня не подвело: рука будто сама по себе ухватила огромный кусок льда, который я запустила в лобовое стекло машины. Тут же по нему паутиной расползлись тонкие частые трещины. Водитель сдал назад, пытаясь выехать, а я все звала на помощь.

— Помогите! — мой крик размазывался по стенам. Глазами я жадно ловила лица людей в окнах.

Внезапно раздался негромкий удар: задом «двенашка» ударилась об угол дома. Дверь машины открылась, и вышедший из нее человек двинулся прямо на меня. Я не видела его лица и глаз, но думалось, что он в гневе.

— Помогите! — уже тише закричала я, пятясь назад. В руках я упрямо сжимала шарф Артема. Руки дрожали, а ноги парализовало от страха.

— Заткнись, если не хочешь сдохнуть, — процедил сквозь зубы мужчина.

Я хотела сделать еще шаг назад, но поскользнулась, копчиком ударившись о ледяной настил. Так страшно мне еще никогда не было: похититель навис, и не чувствовалось разницы, что он сделает со мной — все варианты были одинаково ужасны. Из-за его спины, из машины, я слышала звуки борьбы, и, едва незнакомец занес надо мной кулак, я крепко зажмурила глаза. Секунда, две, а может, вечность, но я ощутила рядом с собой упавшее тело. Когда разлепила веки, то увидела Артема, который напал на своего похитителя сзади, пытаясь его повалить на землю полностью.

— Я звоню в полицию, — истерично выкрикнула я, наблюдая за тем, как вновь спешно заводит свою «двенашку» второй мужчина. Лед окрасился в розоватый — Акиншев ударил мужчину лицом об асфальт, а я тут же накинула шарф на шею отморозка, пытаясь затянуть его так сильно, чтобы он сам подох. Похититель кряхтел, дергался, но, видимо, удар об лед лишил его возможности продолжать борьбу. Его сообщник бешено дал по газам и, еще раз вмазавшись задом в угол, направил машину прочь из переулка.

— Хватит, — дрожащий голос Артема выдавал пережитый ужас, но парень старался не показывать этого мне. Его ладонь легла на мою, и я ослабила хватку, переставая стягивать горло потерявшему сознание мужчине. Юноша сдернул с того капюшон, но человек все равно остался незнаком нам. Ему было около тридцати. С отросшей щетиной и разбитым лицом он выглядел как злодей из боевиков. Правда, в тот момент он был не опасен.

Меня наконец-то переклинило, и я захныкала, освобождая тело от натиска страха. Артем обнял меня, крепко сжав плечи своими руками. Это было очень романтично: я, он и полуживой похититель в отключке. Но в тот момент мне было наплевать на детали. Мне было так плохо, что казалось, словно я могу потерять сознание в любую минуту. И только Артем, который тоже заплакал, удерживал меня от этого. Мы оба пережили нечто ужасное, но главным было то, что мы победили. Вдвоем.

— Какая машина? Еще раз?

Полицейские в участке были не очень дружелюбны. Я сидела на деревянном стуле советской эпохи, глядя в глаза сухопарому мужчине с темными усами. Его серые глаза пронзали меня, будто преступница тут я.

— «Лада». Двенадцатая модель, говорю же, — вновь вздохнула я, утирая платком покрасневший нос.

После того, как мы вдоволь наплакались, Артем перевязал шарфом руки мужчины, а я вызвала полицию, которая моментально среагировала на вызов. Акиншеву повезло, что похитить его хотели не очень опытные и дальновидные люди. Правда, сути это не меняло. Во рту до сих пор стоял вкус горечи.

— Номеров не было, — добавила я. — Тонированная. Я уже третий раз все это рассказываю.

— Это нужно для протокола, — отозвался полицейский. После его слов в помещение зашел еще один.

— За несовершеннолетней явился родитель, — сообщил он, и я тут же встрепенулась.

— Мы скоро закончим, — заявил мой «новый друг».

Не знаю, может, он решил, что я каким-то боком причастна ко всему, но вытягивал из меня информацию знатно. Впереди меня ждало множество испытаний вроде опознания, дачи дополнительных показаний и вопросов местной прессы.

— Родитель, войдите, — крикнул полицейский моему отцу, и тот тут же ворвался в тесную комнату, пахнущую кофе.

— Я звонил тебе раз двадцать, — воскликнул папа, едва его руки сомкнулись на моих плечах. Он прижался губами к моему виску, и я едва удержалась от того, чтобы вновь не заплакать.

— Дома оставила, — едва слышно пробормотала я. — Не знала, что так получится.

— Конечно, не знала, — сокрушенно закивал он, заботливо заправив прядь моих волос за ухо.

Полицейский скептически наблюдал за сценой воссоединения семьи, а затем громко крикнул:

— Акиншев, войдите!

Артем с виноватым видом забрел в комнату и опустился на такой же деревянный стул, как у меня.

— Артем, я не знаю, что и сказать, — в растерянности покачал головой мой отец. — То, от чего мы тебя спасали, настигло тебя прямо у моего порога.

— Я избавлялся от страха быть похищенным, а не от самого похищения, — вздохнул в ответ парень.

— Потерпевший, — перебил разговор полицейский, — взгляните. Знаете ли вы кого-то из этих людей?

Наши лица осветил повернутый монитор. Артем подошел ко мне и, опустив ладонь мне на плечо, уткнулся носом в экран. Рядом с физиономией того самого мужика красовались еще несколько.

— Это люди, причастные, возможно, к похищению. Смотрите внимательнее.

Я напряженно вглядывалась в некрасивые порочные лица, а затем ответила:

— Я не видела водителя.

— Я тоже плохо его разглядел. В машине было темно.

Отец вышел из помещения, направившись на улицу. Я знала, что он перенервничал — таким я его давно не видела. Полицейский уже собирался повернуть монитор обратно, как внезапно колесиком мыши прокрутил список вниз. Взгляд мой тут же ухватил знакомое лицо.

— Оксана! — вскрикнула от неожиданности я.

— Какая Оксана? — удивился мужчина.

— Да, точно, — закивал Акиншев. — Это одна из клиенток отца Евы. Она ходила на прием прямо передо мной.

— Ее зовут не Оксана, — хмыкнул полицейский, внося записи в маленький рабочий ноутбук. — Она наводчица. Дважды судима. Возможно, эта женщина продала информацию похитителям. О том, где вас легко подстеречь.

— Жесть, — нервно вздохнула я, глазами обратившись к Артему. Правда, он тоже был растерян.

Внезапно за стеной мы услышали шум, а затем, гроыхнув дверью, в помещение ворвался мужчина.

— Артем! — громко крикнул он. Затем, завидев парня живым и невредимым, успокоился. — Все хорошо?

— Лучше и быть не может, пап... — пробубнил тот с долей смущения.

Человеку, внезапно явившемуся сюда, было около пятидесяти. Одет он был странно, будто только-только вернулся из девяностых: меховая шапка и куртка из матовой кожи с енотовым воротником выдавала в нем воротилу минувших десятилетий. Лицо его было обеспокоенным, но не жестким. Со своим сыном они были уловимо похожи — особенно их роднили глаза и идентичные брови.

За отцом Артема тут же вошла женщина в норковом полушубке. Ее светло-русые волосы были ухоженными, но заметно растрепанными. Видимо, она не была готова к такой ситуации.

— Добрый вечер, — скромно поздоровалась я.

Чета поздоровалась в ответ, и Акиншев старший тут же начал разглядывать меня. В это время его жена ринулась ощупывать сына. Убедившись, что все хорошо, она обняла его с облегченным вздохом.

— Это Ева, — представил Артем меня своим родителям. Он поднялся со своего места, подошел ко мне и по-хозяйски обнял рукой за плечи. Так, что я поежилась. — Она спасла меня.

— Спасибо, Ева, — женщина в норковом полушубке сомкнула объятия на моей шее. От нее очень приятно пахло.

— Если ты помогла нашему сыну, — заявил Акиншев старший, — я не знаю, как отблагодарить тебя.

— А я считаю, что нужно разобраться еще. Вдруг она сама причастна ко всему, — раздался голос у двери. В проеме стоял юноша, безумно похожий на Артема. Только он был чуть ниже ростом, и волосы его были стрижены не так коротко.

— Помолчал бы уж лучше! — огрызнулся Артем, а затем всплеснул руками, сгоняя раздражение. — Пап, он опять начинает.

— Коля, хватит! — мужчина кулаком пригрозил младшему сыну.

Тот принял вальяжную позу, сверля меня глазами. Я отвечала таким же свирепым взглядом. Мы, наверное, могли вырабатывать энергию для всей страны. Этот Коля сразу мне

не понравился: спесивый и заумный, он был полной противоположностью незатейливого и обходительного Артема.

После всех этих коротких бесед полицейский вновь принялся за вытягивание информации. Правда, немного смущало то, что все семейство Акиншевых стояло за моей спиной. Я обернулась, вновь взглянув на Колю, а тот скривил уголок рта в усмешке.

Интересно, откуда у этих милых людей такой бракованный сын?

— Назовите адрес, — мужчина приготовился что-то вбивать в документ.

— Улица Чкалова, дом двадцать семь, квартира сто пятая, — произнесла я.

— Не самый лучший район, — Коля будто ждал этого момента. — Там вообще нормально люди живут? Нет смысла ведь удивляться всему этому.

— Молодой человек! — повысил голос полицейский. Затем он обратился ко мне: — Мы можем предоставить услуги психологической помощи для...

Нет. Хватит с меня психологии на ближайшее десятилетие.

— Нет, — пришлось перебить. — Все нормально.

— Тогда вы свободны, Лаврентьева, — оповестил полицейский, и я наконец-то оторвала седалище от стула. После двухчасового пребывания здесь ломило все кости: стресс всегда отражался самым причудливым образом.

— Отойди, — произнесла я, едва поравнялась с парнем в дверях.

— А если нет?

Я обернулась, глазами желая попросить помощи Артема, но он был уже занят. Пришлось выкручиваться самой.

— Никакой альтернативы, — как можно жестче парировала я. В глаза бросилось уязвимое место юноши: несмотря на холод, на его ногах были надеты светлые брендовые кроссовки.

Коля, казалось, просто вытянулся меж дверей. И все смотрел на меня, смотрел и лыбился, как идиот. Ей-богу. Весь этот спектакль мне надоел, и с размаху пяткой я наступила на мысок его обуви. Белая резиновая каемка тут же стала какой-то серой и влажной, а ткань мятного цвета впитала пятно.

— Ты что, дура? — гневным полусшепотом поинтересовался парень, подскочив.

Воспользовавшись моментом, я проскользнула мимо, стараясь убраться как можно быстрее. Я была в курсе, что брат Артема — мой ровесник, но вел себя этот юноша как мерзкий ребенок. По словам Акиншева, Коля очень умный и все свободное время проводит за учебниками, «чтобы не гнить в платном институте в городе вроде этого». Если честно, слабо верилось. Особенно в тот момент, когда мы все-таки встретились.

Родители Артема произвели на меня нейтральное впечатление. Они не были слишком назойливыми, спесивыми или же совсем безразличными. Интересно, как такие спокойные люди смогли воспитать двух детей абсолютно по-разному.

На пороге отделения полиции я встретила отца, который залпом пил дешевый кофе из автомата. Я сдавленно улыбнулась ему, но он понял, что мне грустно.

Едва мы поравнялись, папа опустил ладонь мне на голову и произнес:

— Пойдем, милая. Надо хорошо поспать. Сон — лучшее лекарство.

Я кивнула, наслаждаясь морозным воздухом. Спать впрямь хотелось.

На следующий день я не пошла в школу. Вся эта ситуация выбила меня из строя, и в кровати я оказалась не после полуночи, а в десять вечера. Странно, что всякие мысли тоже

оставили меня в покое, и с чистой душой я проспала до десяти утра. Нет, могла бы и дольше, если бы звонок в домофон не оборвал мое сновидение.

Я встрепенулась, надела штаны и стремглав вылетела в коридор. Я уже ненавидела человека, который покусился на мой покой в такой день.

— Кто? — поинтересовалась я, сняв трубку.

— Доставка цветов для Лаврентьевой Евы.

— Доставка чего? — уточнила я, не поняв с первого раза.

— Курьерская доставка цветов, — повторил человек.

Что за хрень, а?

Я открыла дверь и принялась ждать. Через несколько минут на пороге вырос молодой человек в кепочке с громадной охапкой белых роз. Их там было штук пятьдесят с чем-то, не меньше.

— От кого это? — поинтересовалась я у курьера.

Тот как-то скромно заулыбался и ответил, что им такие вещи не говорят. Затем он посоветовал поискать открытку или вроде того, но ее я не обнаружила.

Закрыв за ним дверь, я осталась с огромным веником на руках. Цветы очень вкусно пахли, щекоча лицо лепестками. Никакой подписи, естественно, не было. Я тут же схватилась за мобильный и набрала номер Артема. После череды долгих гудков, испытывающих мое терпение, парень все-таки отозвался.

— Алло, — сонно произнес он. — Ты хотела меня разбудить?

— Видимо, это хотел ты.

— Я не понимаю, о чем речь.

— Не понимаешь? — гневно поинтересовалась я, опускаясь на пол с букетом. — А как насчет курьера, который явился в десять утра?

— Судя по твоему поведению, это был наркокурьер, — невозмутимо ответил Артем.

— Прекрати шутить! Мне это не нужно!

— Не нужно что?

— Эти чертовы цветы. Вся эта благодарность в виде мертвых розочек. Спасибо, конечно, но это лишнее.

— Какие розочки? Какой курьер? — кажется, он впрямь не понимал, о чем речь.

— Идиот, — громко заклемила Артема я и нажала отбой.

Неужели эти цветы не от него?..

14. Ева и сотни осколков

Леся едва поверила в мою историю. Пока я рассказывала о мерзких похитителях и не очень приветливых полицейских, она кривила свой прелестный рот и закатывала глаза так, что оставались видны лишь белки. Но, в конце концов, она сдалась под натиском фактов. Легкий вздох сорвался с ее губ, а ладонь легла на мое плечо.

— Ладно, — заговорила девушка. — Не переживай. Все обошлось.

— Ну, как сказать, — передернула плечами я.

У меня скорее было ощущение, что все только начинается.

— Интересно, сработал ли эффект подвешенного моста? — задумчиво изрекла Леся, приложив мизинец к краю рта.

— Какого еще моста? — толкнула в бок подругу я.

Та тихо рассмеялась, а затем пояснила:

— Ну, это когда два человека попадают в экстренную ситуацию, а испуг и пережитый стресс запускает в них чувства друг к другу. Не знаю, как объяснить. Что-то из психологии. Спроси у своего отца — он, наверное, должен знать.

Он что надо-то не знает. Куда там до мостов подвесных.

— Ладно, — я замахала руками, пытаюсь отойти от темы. — Все это не очень важно. Хотела еще кое в чем признаться.

— В чем же?

— Кажется, у меня появился тайный поклонник.

Я произнесла это таким заговорщицким тоном, что глаза Леси округлились от удивления, а рот ее тут же растянулся в улыбке.

— Как поняла? — выпалила она.

— Вчера утром мне привезли огромный букет. Без подписи.

— Ну, так это твой Тот Самый. Разве нет?

Если бы все было именно так, то Тот Самый давно был бы мертв от моего праведного гнева.

Я покачала головой, а затем ответила:

— Он сказал, что точно ничего не присылал, а хорошо притворяться не умеет.

— Значит, за твое сердце развернулась двойная борьба, — таинственно протянула Алеся.

Она тут же придвинулась очень близко и, обдав мое ухо горячим дыханием, поинтересовалась:

— Кто второй?

Я вздрогнула, поморщилась и чуть отстранилась:

— Не знаю и знать не хочу.

— Господи, ну и зануда, — парировала девушка, натянуто улыбнувшись какому-то знакомому в толпе.

Мы грелись возле батареи в школьном коридоре, глазами провожая местных персонажей. Девочки с претензиями, мальчики без тормозов... Больше всего в тот момент мне не хотелось видеть Женьку. Но он вырос будто из ниоткуда и уселся рядом со мной. Алесей парень пренебрегал специально, чем часто раздражал ее. Если честно, я не могла адекватно понять его отношение к ней — извечные подколы и преследования больше

походили на выходки мерзкого детсадовца, чем на поведение здорового семнадцатилетнего спортсмена. Кстати, о возрасте...

— Что ты хочешь на день рождения, Ев? — без всяких церемоний поинтересовался Женя.

Я сжала зубы, будто готовясь к пощечине.

— У тебя скоро день рождения? — изумленно поинтересовалась Леся. Тут же она обиженно заметила: — А мне ты не сказала.

— Прекратите! — я вскочила со своего места, одергивая пиджак.

Тут же мимо прошла одна из учительниц, погрозив нашей компании пальцем. Парень и девушка мгновенно отлипли от батареи, но, не желая стоять рядом, разошлись по сторонам.

— Это не так уж и важно, — заметила я, увернувшись от бегущего по коридору младшеклассника.

— Важно, — возразила мне Леся, но звонок на урок оборвал неприятный разговор.

— Я пойду.

Времени и желания спорить не было. Да, мой день рождения действительно наступит скоро. Да, мне целых семнадцать, я почти взрослая, но отмечать ничего не хочу. Меня ждет любимый папин торт, который я терпеть не могу, нелепый подарок и очередная псевдовдохновляющая родительская речь. Каждый год одиннадцатое марта проходило по одному и тому же сценарию. В принципе, я была довольна этим и никаких поздравлений от новоиспеченных друзей не ждала, находя это для себя, напротив, жутко смущающим и странным.

Остальные два урока длились бесконечно долго. Обычно я залипала, тыкала в телефон или рисовала на полях, но сегодняшней холод постоянно кусал колени, и я деревенела. Слава богу, мучения скоро закончились, и со спокойной душой я выползла из здания, утонув в лютом морозе.

— Я заждалась, — сделала мне замечание Леся, стоящая возле ворот.

— В туалет зашла, — лениво отозвалась я, не чувствуя раскаяния.

Едва мы отделились от школы и завели непринужденную беседу, я почувствовала что-то неладное. Точнее, все вокруг меня было обыкновенным — отличница легкого поведения, сигареты, зима, унылый город... но что-то вклинивалось, мешая расслабиться. Я говорила с подругой, но мои мысли были заняты поиском подвоха: я хмыкала, глядела по сторонам и играла в детектива. Вскоре я поняла, в чем дело, и, усмехнувшись, сделала вид, что ничего не заметила.

...в два часа ночи, Ева. Мать его, я уже спала. Он маньяк. Пишет мне постоянно, звонит...

— Ты о Женьке? — поинтересовалась я, когда, наконец, начала слушать девушку.

— О, нет, — шумно выдохнула она, — было бы в разы хуже. Это парень с остановки. Я говорила про него недавно. Ну, такой со смешной модной бородкой.

— Это же был парень из магазина...

Леся махнула рукой, будто то, что я не запоминала всех ее ухажёров, минусовало мою карму до бесконечных значений.

— Ладно, — фыркнула она на повороте, где мы обычно расставались. — Я пойду.

— До завтра, — ответила девушке я и мягко улыбнулась. — Посылай маньяков к черту.

Выражение лица Алеси внезапно изменилось: она напряженно свела брови к переносице, а ее взгляд скользнул в сторону бесконечного потока людей.

— А Женьку? — совершенно не в тему поинтересовалась она.

Я не поняла, к чему она это спросила, поэтому на несколько секунд меня замкнуло. Леся тут же покраснела и нервно задергалась.

— Он тоже пристает к тебе?

— Нет! — выкрикнула девушка, метнувшись от меня в сторону. — Это я глупость сказала. Совсем не то хотела. Пока!

— Ну... пока, — пожала плечами я, глазами провожая удирающую Алесю.

Я вообще-то никогда не была экспертом в отношениях, но мне постоянно чудилось, что между этими двумя точно что-то есть. Нечто, о чем они сами не догадываются, зато со стороны все эти фырканья, ужимки и подколы выдают симпатию с потрохами. Будь я благодетельной подругой им обоим, то непременно бы помогла построить отношения, но мне было плевать на все это с высокой колокольни.

Черт, опять...

Я быстро свернула в небольшой переулок, через который редко ходила домой. Благодаря этому я оказалась зажата парой сталинских двухэтажек, тянущихся на несколько подъездов. Их серый кирпич со временем потемнел, как и мое настроение. Чаша терпения переливалась через край, холодными потоками негодования обдавая все тело изнутри. Я остановилась и, не оборачиваясь, выкрикнула:

— Ты еще долго будешь идти за мной?

Благо рядом не было прохожих, иначе бы меня сочли ненормальной. Не то чтобы мне вдруг стало не все равно...

— Само получилось, — слышалось из-за спины.

Я медленно обернулась, поправив шапку, съехавшую на лоб. Передо мной стоял Коля, переминаясь с ноги на ногу. Несколькими большими шагами он добрался до меня и решительно заявил:

— Я не псих. И не следил за тобой.

Я ухмыльнулась и прищурилась, изучая детали лица юноши с предельным вниманием. Было странно, что перед ним я совершенно не испытывала смущения. Может оттого, что он был мне неприятен, либо из-за того, что был ровесником. Его кожа была светлее, чем у Артема, волосы чуть длиннее, а лицо не такое вытянутое. Они были похожи, но объективно Коля был красивее. Затемнения под глазами делали его вид болезненным, но в то же время утонченным, а дурацкая шапка с помпоном и длинными завязками напоминала о том, что он еще ребенок.

— Зачем ты прислал цветы? — поинтересовалась я, вновь перейдя на шаг. Коля пошел рядом, засунув руки в карманы и уставившись глазами в снег. Белоснежный настил противно скрипел под его желто-коричневыми ботинками, но я старалась не замечать этого звука.

— Как ты догадалась, что это я? — поинтересовался парень, обратив ко мне взгляд.

— Я вообще-то не Шерлок, — невольно мой рот скривился, — но и не отъявленная дура.

— Не хочешь — не объясняй. Мне вообще-то не интересно.

— Поэтому ты протащился за мной через весь район?

Коля что-то прорычал и начал изъясняться:

— Это было благодарностью. За то, что спасла моего брата, — на несколько секунд он замолчал, а затем категорично добавил: — От того, куда ты сама его втянула.

Мне оставалось сделать глубокий вдох и считать до пяти. Он раздражал меня.

— Твой брат делает то, что хочет, даже несмотря на то, что ему говорят...

— Значит, ты против того, чтобы он ухлестывал за тобой?

Вопрос Коли меня ударил током. Я невольно дернулась, а затем опустила голову, закрывшись блестящими на морозном солнце волосами. И вообще, против я или нет?

— Да, я против, — победила во мне гордость. Слова слетали с губ, а сердце стучало как бешеное. Я чувствовала, что это признание откликнется мне, но это мерзкое чувство непокорности уже сожрало меня всю.

— Ладно, — невозмутимо заявил Коля, возведя взгляд к раскаленному холодом небу. Он прищурился от солнечного света, а его болезненные глаза заслезились. Я поджала губы, злясь на себя.

Ева, ты пускаешь все свои настоящие желания под откос...

Мы медленно приближались к моему дому. Недавно был сильный снегопад, так что продираться сквозь сугробы было почти нереально. Весна была на пороге, но ее будто никто не ждал — с каждым днем температура все падала, а снег становился выше и выше.

— Тебе так важно меня проводить? — взвилась я.

— Тебе понравились цветы? — поинтересовался парень, проигнорировав вопрос.

— Нет, — вновь огрызнулась я. — Их очень много, и все мертвые. Некоторые начали увядать. Мне некуда их поставить и...

Договорить я не успела. Коля ухватил меня за руку так крепко, что не было сил вырваться. Я удивленно взглянула на него, распахнув глаза. А он глядел на меня в ответ. Так мы простояли несколько секунд, словно парализованные. Затем он выпустил мою кисть из крепкой хватки своих пальцев.

Он... нервничает?

— Не хотел тебе говорить, — внезапно начал он, — но ты хорошенькая. И мне жаль тебя. Больше, чем остальных...

— Кого остальных? — пытливо я взглянула на Колю. Тот хмыкнул и продолжил:

— Тех, за кем ухлестывал Артем. Ты что, не заметила, что у него есть всё, чтобы девушки грызлись за секс с ним?

— Хватит...

— И, думаешь, он пренебрегает такой возможностью?

— Прекрати.

— Смешно! — выпалил Коля. Затем он откашлялся, глядя на то, как слезятся мои глаза. Не от мороза.

Я и слова не могла произнести. Ведь я действительно не задумывалась, что происходит в жизни Артема, когда он выходит за порог нашей квартиры. Я почти ничего не знала о его семье, вкусах, привычках. Я видела ширму, парня, который пытался мне понравиться. Почему-то я настолько погрязла в себе, что не было сил копаться в ком-то еще. А ведь он действительно мог делать все что угодно: врать, предавать свои слова, обещания и симпатии. Он — чертов парень на «Ауди», красивый и харизматичный. Было бы нелепо думать, что он, видевший многое, остановит свой выбор на мне. Я не в сказке. Черт бы меня побрал...

— Если ты мне не веришь...

— Мне все равно, — заявила я, разворачиваясь в сторону дома. На секунду я обернулась, в последний раз взглянув на Колю. Он был так похож на своего брата, что мне хотелось заорать, срывая глотку.

— Спасибо, — спокойно кивнула парню я, собрав всё самообладание в кулак. —

Хорошо, что ты сказал мне, но ведь я действительно не строила никаких планов.

— Никаких? — точно так же спокойно поинтересовался он, теребя завязку от шапки.

— Совершенно точно.

Я говорила как робот, отключив свое сознание. Коля махнул на прощание и скрылся за углом дома. А я хотела замерзнуть насмерть. Но вместо того, чтобы упасть на снег и ждать смерти, я открыла домофонным ключом дверь и начала подниматься по ступенькам. Папа должен был прийти поздно, а я обещала сварить для него суп. Все было как обычно, кроме того, что мое сердце казалось сейчас сотнями осколков. И если вдруг меня грыз вопрос «с чего бы верить гадкому парню, которого я вижу второй раз в жизни?», то ответ быстро приходил в голову. Я давно ждала, что кто-нибудь ткнёт меня носом в реальность.

Момент настал.

15. Ева и кактус, который может распускаться

Кажется, мне было тринадцать, когда я впервые поняла, что осталась за бортом. В очередной школе, где я успела проучиться целых два года, я еще пыталась заводить подруг. Ее звали Настя, у нее стояли блестящие скобы, и в моих глазах это делало ее лишь только круче. Высокая, со светлыми вьющимися волосами и карими глазами, для меня, входящей в пору подростковых взаимоотношений, она была путеводной звездой. «Тебе правда до сих пор никто не признался? Тебя совсем не волнует, что ты не нравишься парням?!» — однажды с неподдельным ужасом заявила Настя. Меня эти слова словно током ударили. Я взъерошила волосы, достающие лишь до плеч, натянуто улыбнулась и попыталась отговориться. До того самого момента я вообще не задумывалась о каких-то мальчиках — одноклассники были непропорциональными,дохлыми, с ломающимися голосами и россыпью юношеских угрей. Старшеклассники были солиднее, но пугали разницей в возрасте. В общем, выбор был не особенно велик, но с тех самых пор я почти постоянно начала думать о том, что непривлекательна. Я никогда нарочито не пыталась кому-то понравиться. Никто не любил меня настоящую. И дело было не в одежде, прическе или косметике — отец всегда старался над тем, чтобы я чувствовала достаток. Никому не нравилось что-то внутри меня. После череды привязанностей и любовных неудач я просто забила на все, решив подождать человека, которого действительно заинтересует Ева Лаврентьева. В последние пару месяцев мне начало казаться, что это случилось. Стоило быть честнее с самой собой. Я хотела, чтобы кто-то сказал мне: «Ты — это ты. Поэтому я люблю тебя». Хотела как никогда.

— Суп странным вышел, — хмыкнул папа после того, как отправил в рот пару ложек.

Новая приправа — слезы Евы.

— Я свежие томаты вместо пасты положила, — вздохнула я. Затем добавила: — Не хочешь — не ешь.

— Что за глупости, милая? Ем и с удовольствием. Если странно — не значит, что плохо.

Не... значит?

— Ладно, — без всяких эмоций отозвалась я, стараясь не поворачиваться к отцу. Он бы сразу заметил, что личико его любимого чада опухло. Я, наверное, плакала пару часов, прежде чем мне показалось, что я истратила всю жидкость в своем теле. Душевно ссохшаяся, я походила на восставшего из мертвых.

— Что-то случилось?..

Ты телепат?

— Я... пока не знаю, — честно ответила я.

— Это из-за парня?

Не хочешь в битву экстрасенсов?

Было странно, но мне впервые захотелось в чем-то признаться отцу. Ментально мы никогда не были близки, а сейчас словно к горлу раскаленная лава подкатила. Мне настолько хотелось что-то рассказать ему, что умолчи — и мир обернется пеплом.

— Мне... кажется... нравится один человек, — начала я.

Папа перестал стучать ложкой по тарелке и поднял ко мне взгляд. Он как всегда выглядел уставшим, но глаза его заблестели, наполненные интересом и надеждой. Он всегда так смотрел на меня, когда пытался приблизиться. И почему я не замечала этого раньше?

— Но я узнала о нем кое-что скверное. Не знаю пока, правда это или нет, но сердце подсказывает, что да.

— Ты уверена? — серьезно поинтересовался мой собеседник. Мне было приятно, что он тактично не спросил, кто это.

— Говорю же, не знаю! — вспыхнула я и тут же осеклась. — Но это в его характере. Он довольно беззаботный, но очень внимательный. Красивый. И глупым его тоже не назовешь...

— Если он не глуп, тогда сделает верный выбор, — чуть улыбнулся мне отец. — Ты слишком принижаешь себя, Ева, но в то же время не пытаешься встать на место другого человека. Я не обвиняю тебя. Таков характер. Но тебе, если хочешь стать счастливее, нужно научиться строить мосты.

Он протянул мне руку и ухватил за горячую ладонь. Я вздрогнула и смущенно отвернулась.

— Я верю в тебя, — продолжил папа. — Ты лучшая дочь, и другой мне не надо.

Если бы в моих глазах остались слезы, я бы заплакала. Но они кончились, делая ситуацию еще хуже. Мне было очень больно и стыдно. Я сжала его руку пальцами и ответила первое, что пришло в голову:

— Пап, суп остынет...

Он вновь улыбнулся и принялся за еду.

Я отправилась к себе в комнату, но вскоре заметила, что отец наводит порядок. Обычно он занимался этим перед тем, как к нему приходили клиенты, но уже было шесть часов, и я знала, что в это время к нему никто не записывался.

— У нас гости? — поинтересовалась я, выглянув из-за дверного косяка.

— Да, забыл сказать, Акиншев перенес на сегодня вместо завтра. Поэтому, пожалуйста, не шуми.

Я хоть раз издала лишний звук, пока ты работаешь?

— Что? Ар... То есть Акиншев? Я думала, он решил отказаться от помощи.

— Помощь никогда никому не вредила. Тем более такая.

— Ясно, — закусила край губы я.

Тут же я нырнула обратно в комнату и бросилась к столу наводить марафет. Быстро я протерла лицо тоником, намазалась тональным кремом и завела ресницы. Из зеркала на меня смотрела милая посвежевшая Ева. Я хотела поговорить с ним. Это все, что требовалось.

Остальное время я просидела возле двери, слушая, как Артем разговаривает с отцом. Как назло мне написывал его брат, явно пытавшийся завоевать внимание своими сарказмами и острыми шутками. Это немного раздражало, но в то же время нравилось: я могла льстить себе, что хоть кто-то проявляет ко мне интерес как к человеку.

Вскоре время сеанса начало близиться к концу. Я нарумянила щеки, вылетела в коридор и наспех оделась. На вопрос отца «Куда ты?» ответила, что за сахаром, и как ненормальная вылетела на улицу. Было еще морознее, чем днем. Я остановилась на ступеньках подъезда, облокотилась на перила и достала сигареты. Руки жгло от холода, но с жадностью я затягивалась и затягивалась, пока не начала кружиться голова. За десять минут ожидания я успела заоченеть, но звук открывающейся двери оставил позади все физические страдания. Сперва Артем удивился, увидев меня — он тут же оправил волосы и остановился. Мы молча глядели друг на друга, пока я не заговорила первой:

— Хотела кое о чем спросить.

— Спроси, — мягко улыбнулся парень. Тут же он встал рядом и закурил. К горлу вновь

подкатил ком обиды вместе с захлестнувшим меня смущением. Я была зла на весь белый свет. — Где, кстати, сахар?

— Не притворяйся, что не понял. Я ради тебя сбежала. Точнее, — я откашлялась, — чтобы поговорить.

— И что за вопрос не терпит отлагательств?

При свете тусклой белой лампочки над подъездом Артем выглядел еще более красивым. Темные волосы блестели, кожа казалась матовой, а в глазах плясали искры. Ему явно было интересно. Я отвернулась, чтобы не видеть его — щеки тут же покрывались пятнами, а сердце билось безумно быстро. Раз за разом, стоило только поднять глаза к его лицу, ощутить тепло рук или вдохнуть запах его одежды, я понимала, что меня, как болото, затягивает приятное чувство. Оно стекало вниз живота и щекотало каждую клеточку тела. Но сейчас мне было не до всего этого. Горечь разбавила все вокруг.

— Я нравлюсь тебе? — тихо поинтересовалась я.

Было не очень похоже на гордую строптивую Еву. Но это единственное, что слетело с языка.

— Нрависься, — кивнул парень.

Второй мой вопрос застал его врасплох. Я была серьезна как никогда.

— Зачем тебе тогда другие девушки?..

— Другие девушки... За это время была всего одна. Ну и та, другая, которая из спортзала. А откуда...

Мой подбородок затрясся. Я впрямь была чем-то вроде экспоната в галерее. Была тем самым уродливым чучелом в краеведческом музее, со стеклянными глазами и вздувшейся от горя тушей.

— Я тыкнула пальцем в небо, Артем, — простонала я, накрыв глаза ладонью. Слезы вновь покатились сами собой, хотя я не хотела плакать. — И попала. Вот так запросто.

— Я любил ее долгое время, — начал оправдываться парень. — Мы встречались еще в школе, но позже она уехала за границу на учебу. Да, она была хороша, как и мои чувства к ней...

— Да нет у тебя никаких чувств! — гневно прошипела я. — Твой брат сказал мне. Нет смысла оправдываться. Зачем тогда ты все это затеял? Зачем поплелся за мной, вторгся в жизнь? Это не игра!

— Ева, — парень сгреб меня в охапку, пытаясь успокоить. Из-за замерзших рук я не чувствовала тепла его кожи. Как могла я упиралась, но он был сильнее. — Но все это в прошлом. С другими не было ничего серьезного. Не так, как сейчас...

— Отпусти, Артем! — брыкалась я, стараясь освободиться. — Я узнала, каков ты настоящий. Встречался с бывшей, говоря мне, что нравлюсь. Ты лгал. Лжец! Ублюдок!

Акиншев попытался ухватить меня за лицо, но я ловко укусила его за палец. Он завыл от боли, и мне удалось вырваться. Я остановилась возле двери, шмыгая носом и утирая глаза. Я плохо различала лицо парня, но видела, что его скулы нервно дергаются. Он был красивым, умным и умеющим нравиться. Но он был лжецом. Я боялась предательства в отношениях, которые еще даже не начались. Артем так легко согласился с тем, что я ему сказала о тех девушках. Они были. Впрямь были...

— Я не хотел обидеть тебя, — он протянул ко мне руку, будто пытаясь выманить раненое животное. — Ты не давала мне надежд.

Я демонстративно спрятала ладони в карманы, не давая ему возможности вцепиться в

меня. Юноша тут же закурил, едва справившись с дрожью рук. Он был естественным, непредсказуемым и терпеливым. Но он лгал мне.

— Я стала виноватой? В том, что не давала намеков? Это ты слепой, если ни черта не видишь!

Я знала, что порю чушь, но в голове осел туман.

— Я не хренов телепат! — кажется, Артем начинал выходить из себя.

— Поэтому проще с тем, кто сразу говорит «да»? — усмехнулась я.

Акиншев прорычал от злости, сдвинув брови ко лбу. Первый раз в жизни я видела, как он злится. Что же, недаром говорят: правда глаза колет.

— Ты дура, — гневно он сплюнул на замерзшие каменные плиты ступеней. — А мой брат погубит тебя.

Я хотела возразить, но Артем будто превратился в другого человека. Серьезный, уставший и разозленный, он поднял воротник куртки и, оцетинившись, начал спускаться вниз. Я смотрела ему в спину, гордо всхлипывая. Больше всего на земле мне хотелось догнать его и извиниться. Но мысленно я диктовала себе, что он сам виноват во всем произошедшем. Я помнила прикосновение его губ к моим, но теперь не знала, было ли это искренним чувством или сиюминутным желанием.

— Ева, где сахар? — поинтересовался отец, когда я, вконец замерзшая, вползла в квартиру.

Все точки над «і» расставлены.

— Не было, — буркнула я.

— Это же супермаркет. Как такое может быть?

— Не было! — истерично выкрикнула я, направляясь к своей комнате.

Внезапно мой крик нарушил звонок в домофон. «Артем...» — едва слышно прошептала я. Мигом бросилась к трубке и сорвавшимся голосом спросила:

— Кто?

— Курьерская доставка для Лаврентьевой Евы.

О, Господи, только не веник снова...

Тот букет занимал почти полкомнаты и забил всю квартиру своим приторным ароматом.

Мальчишка-курьер поднялся на мой этаж, и в его руках я заметила большую коробку. Она, ей-богу, была в половину моего роста. Он громыхнул ею на полу в коридоре, попросил расписаться и тут же улизнул.

— Что это, милая? — отец, как и я сама, пялился на прибывшую посылку с недоумением.

— Понятия не имею, — пожалала плечами я и добавила: — Точно не опасно.

На самом верху коробки были довольно большие дыры. Открывать крышку я побаивалась, поэтому сперва направила глаз в отверстие. Глухая темнота. Тогда я попыталась просунуть в него палец, но тут же айкнула от боли. Рассерженная, я сорвала крышку и увидела внутри огромный кактус. Разделавшись с упаковкой, я полностью обнажила зелено-синее чудо в керамическом расписном горшке. К ногам тут же спикировала небольшая записка. Я развернула ее и забегала глазами по тексту.

«Ева! Этот кактус постоянно колется, но если о нем заботиться, то вы друг друга полюбите. Еще он очень красивый и иногда распускается так, как не могут другие кактусы. Он нравится мне. Н.А.»

Я нервно хохотнула, сжав записку в руке. Из глаз моих сами собой покатались крупные слезы. Больше всего на свете мне хотелось обнять кактус так сильно, как я только могу. Но мне было приятно, этого нельзя отрицать.

16. Ева и жгучая правда

Кажется, я отказала Коле пять раз, прежде чем согласилась. На перемене я напряженно посоветовалась с Лесей, и она подтолкнула меня дерзнуть. В принципе, терять мне было нечего, но после того раза в кафе у меня появилась душевная травма, которая заставляла меня избегать подобных заведений. «Только погулять», — написала парню в ответ я, и тот наконец-то удовлетворился.

Я не чувствовала волнения, смятения или трепета перед нашей встречей. В случае с Артемом все было наоборот, но ровно пять дней назад я навсегда похоронила его в своем сознании, мысленно взвалив на эту мертвую привязанность бетонную неподъемную плиту. Тогда в душе наступила странная пустота, которая затягивала меня в свою воронку перед сном. Я, конечно, вовремя могла выкарабкаться, накапав себе «корвалола», но вся суть ада в том, что он бесконечен.

Кроме того, внезапно меня перестали интересовать игры, сериалы и книги. Раньше я только и делала, что решала, чем заняться. Теперь же любое прикосновение к чему-то доселе дорогому меня обжигало. Я сидела возле кактуса, поглаживая его красноватые твердые иголки, и без интереса пялилась в экран мобильного. Иногда новостная лента и сообщения отвлекали меня, но все равно казалось, что сердце начало гнить. Мне было очень больно.

«Ну, ты выходишь?» — сумеречным мартовским вечером написал мне Коля. Я знала, что он ждет меня, но будто назло опаздывала. Прихорашиваться не было смысла: я ничего не ждала и не хотела. Но меня, быть честной, подкупало его внимание — я согласилась, чтобы сказать Коле спасибо.

Оставив записку отцу, я набросила куртку, замоталась шарфом и спустилась на улицу. В последние несколько дней погодой завладела оттепель, и мерзкая влажность въедалась в лицо с любимым, даже скудным, ветерком.

— Стремный район, — услышала я за спиной и от неожиданности вздрогнула. Стоило только обернуться, как я увидела силуэт, выныривающий из темноты.

— Ты напугать меня хотел? — вздернула нос я, сквозь полумрак вглядываясь в лицо Коли.

Он казался похожим на Артема, хотя ему не хватало того самого взрослого лоска. Но в отличие от его брата у этого парня были очень умные и пронизательные глаза. Акиншев, которого я проклинала, чаще всего был естественным, несмотря на фасадную важность. Коля же казался смышленнее и расчетливее.

— Решил в самый последний момент, — признался мой новый знакомый.

В ответ я фыркнула и, запустив руки в карманы, пошла вперед. Парень последовал за мной, и влажный снег начал проминаться под его ногами. Сперва я молчала, а он будто чего-то ждал. Через несколько секунд моя гордость была послана куда подальше, и я решила сказать то, что хотела:

— Спасибо за кактус. Было мило. Лучше, чем цветы, которые сегодня полетели в мусоропровод.

— Специфично, — криво усмехнулся в ответ Коля, поравнявшись со мной. Мне даже показалось, что слегка обидела его. Я встряхнула плечами и накинула капюшон поверх шапки.

— Зачем я тебе нужна?

— А зачем я тебе?

Неужели?

— Вообще-то это ты писал мне, прося встретиться.

— Но ты согласилась, — заверил меня парень. — Не захотела бы — не пошла. Это точно. Значит, нужен.

— Я хотела поблагодарить за кактус, — вздохнула я. — Лично.

Брат Артема почти не улыбался. Точнее, пытался не улыбаться — это было заметно. Он кривил рот, поджимая бледно-розовые замерзшие губы. Парень явно пытался казаться солиднее и взрослее. Но его улыбка не шла в сравнение с той, что дарил когда-то Артем...

Нет. Не думать о нем. Выбросить из головы. Забыть.

— Ты хотела про него поговорить.

— Про кого? — удивилась я.

— Про Артема, разумеется.

О, нет...

— Это не так, — настало время возразить. — Я уже сказала, что между нами ничего не было.

Мы медленно свернули на безлюдную улицу, которая приятно освещалась фонарями. Зима прошла, но это формально. Лично я весны не чувствовала, и мне казалось, что снег будет лежать вечно.

— В школе он учился скверно...

Может, стоит прекратить?

— Мне не очень интересно, — заявила я, жестом руки попросив остановиться. Но Коля будто специально играл на нервах.

— В бюджетный институт он точно бы не поступил. Пошел в этот. Мерзкое место.

— Мне реально плевать! — разозлилась я. Пришлось прилагать усилия, чтобы не повисить голос. — Если ты пришел говорить со мной о нем, то проваливай.

— Чего так беситься из-за парня, на которого плевать? — ухмыльнулся Коля, подтолкнув меня локтем. Я вздрогнула от того, что он вторгся в мое личное пространство.

— Я не бешусь, — с самообладанием произнесла я. И тут же сморозила полную глупость. — И зачем вообще говорить об одном парне, если гулять я пошла с совсем другим?

Коля замер, завис на несколько секунд, а потом энергично закивал.

— Вообще-то я не хотел тебя задеть, — начал извиняться мой собеседник. Он тут же изменился и вовсе перевел тему. — Знаешь, я хочу поступить в МГУ. Стать ученым или вроде того. Мне нравится все это. Ну, книги, школа. Ты поняла.

Я кивнула и решила поддержать разговор:

— А где ты учишься?

— В лицее. Он частный. Артем тоже там учился. Его чуть не выгнали.

— Опять о нем?!

— Ладно-ладно. Понял.

Я тяжело вздохнула, стараясь не раздражаться.

— А что тебе нравится? — поинтересовался Коля.

Крупная снежинка упала мне на нос, и я почувствовала, как капля стекает к губам. Парень взглянул на меня в ожидании ответа. Все это время он теребил завязку от шапки, то наматывая ее на палец, то оттягивая почти до треска.

— Книжки, игры, сериалы, — не задумываясь, отозвалась я. — Я не очень люблю всякую

активность.

— Ну-у... — протянул парень. Он явно не был готов к такой скуке. — Я думал, у тебя есть тайное хобби.

Жрать младенцев, например?

— Нет.

— Нет так нет.

Разговор явно не клеился. Я уже начала жалеть о том, что вообще выползла на улицу. Коля все еще шел рядом, шумно выдыхал воздух через нос и гордо вскидывал подбородок. Мы вновь сделали поворот, оказавшись пленниками еще одной зимней безлюдной улицы.

— Черт! — вскричала я, ногами поехав по льду. Руки мои раскинулись сами собой, и на все про все у меня была секунда — не больше. Я и понять-то не успела, что падаю. Что уж там говорить о действии. Зато мой новый знакомый отреагировал моментально — я уже планировала отбить копчик об лед, как почувствовала сильные руки. Парень успел подхватить меня, удержав за спину. Я испуганно пялилась на него, находясь в странном положении, пока шапка не сползла с головы. Коля помог мне окончательно встать на ноги и поднял вещь с земли.

— Спасибо, — смутившись, произнесла я. — Чуть не упала.

— Ты всегда можешь на меня положиться, — внезапно выпалил Коля.

Я тут же плотнула воздуха и в нерешительности отступила. Щеки мои порозовели, а язык перестал слушаться от таких воодушевляющих слов.

— В-в... каком смысле?

Мне точно никто такого в жизни не говорил.

— В прямом, — смущенно огрызнулся парень, запустив пятерню в темные волосы.

Совсем не такой, как Артем.

— Ну, — я попыталась сделать равнодушный вид, продолжив путь, — если будет надо, я обращусь.

И едва в меня ударила первая молния после того прямодушного заявления, как последовала вторая:

— Я хочу, чтобы ты стала моей девушкой. Думаю, ты мне очень нравишься.

«Что, так никто и не признался тебе?» — в голове прозвучал голос той самой Насти с классными скобами. «А это можно считать признанием?» — мысленно с запозданием в несколько лет поинтересовалась у нее я. Риторический вопрос поселился у меня в голове, а дар речи окончательно пропал. Я остановилась и начала недоуменно глазеть на парня. Вообще-то мне показалось, что это просто шутка.

— Что? — оскорбленно выпалил Коля. — Или я не так хорош, как мой брат?

— Нет, — замотала головой я так, что шапка едва не слетела вновь. — Я вообще молчала. С чего ты взял?

— В том-то и дело, что молчала!

Мне в тот момент почему-то стало жаль этого парня. Я действительно не хотела никаких с ним отношений. Он был вспыльчивым, заумным и порою невыносимым. Почти как я. Мы бы сожрали друг друга на втором свидании. Но в тот момент я не могла сказать ему «нет». Эта чертова безотказность иногда меня убивала.

— Я подумаю, — ответила я. И это было ложью. Я решила все в тот момент, как осознала его предложение. Тут же выдумала массу причин от «мы мало знакомы» до гороскопической несовместимости. Я откажу ему — это точно. Но не сейчас. Потом.

— Хорошо! — Коля тут же взбодрился и вытянулся. — Не подумай, что это с моей стороны необдуманно. Я понял, что ты — для меня, еще в тот момент, когда мы были в ментовке. Я не такой, как Артем. У меня даже девушки никогда не было.

Сердце опять заныло. Я очень хотела поскорее закончить этот разговор и вернуться к неудавшейся беседе. Парень это явно понял и отвел мысль:

— Я тут живу недалеко. Вон, видишь дома красные?

Я подняла глаза и попыталась разглядеть полосу из красивых многоэтажных домов. Они отличались от серых неприглядных хрущевок моей части района. Там, где они начинались, заканчивалась криминальная темнота и еще не выветрившийся запах «совка».

— Ясно, — пожала плечами я, делая вид, что мне все равно. В тот момент Коля что-то увлеченно печатал, а затем оторвал взгляд от экрана.

— Зайдем в магазин? — поинтересовался он.

Я кивнула.

Всю дорогу до нужного ему супермаркета Коля делился своей любовью к наукам. Он был умным парнем, разбиравшимся в физике, химии и прочих естественных дисциплинах. С его слов, он грезил о космосе и его исследовании. «Я точно прославолюсь, — гордо вещал он под мое незаметное зевание. — Получу премию. Нобелевскую. Это точно. Открою новые законы. Докажу недоказуемое...»

Я все это время пыталась не вслушиваться и считала минуты до момента, когда можно будет вежливо свалить домой. Но вскоре перед нами замигала неоновая вывеска нужного магазина, и я поняла, что свобода близка.

— Знаешь, — попыталась начать разговор я. — Пойду, пожалуй...

— О! — внезапно выкрикнул Коля. — Это Артем. Артем!

Человек, вышедший из магазина, обернулся, и я узнала в нем свою былую привязанность. Вновь мои внутренности словно облили кислотой — я задымилась, готовая орать от боли. Но молчала, наблюдая, как тот приближается к нам.

— Я тоже сюда шел. Мама просила кое-что купить, — кивнул Коля брату.

— Я уже все купил, — холодно заявил он, не спуская с меня глаз. Я помнила их лукаво смеющимися, а теперь в них плавал айсберг, на который напоролся «Титаник». И тут произошло нечто вовсе ужасное:

— Мы встречаемся, — как ни в чем не бывало заявил Коля.

— Это неправда! — побледнев, выпалила я.

Артем вскинул брови, напрягся и еще отчужденнее на меня посмотрел.

— Ты сказала, что подумаешь, — возмутился парень. Затем он обратился взглядом к Артему. — А ты говорил, что никто не захочет даже думать о том, чтобы со мной быть.

— Хватит, — попыталась остановить Колю я, но Артем меня перебил.

— Рад за вас, — произнес он, хмыкнув. Затем его слова отнеслись непосредственно ко мне: — Ты тоже быстро нашла, с кем провести время. Стоило ли тогда так полыхать по поводу моих знакомых?

Мне было безумно стыдно, но я почувствовала бы себя еще более неловко, начав оправдываться. Собрав волю в кулак, я ответила:

— Уже все равно.

Артем пожал плечами и махнул рукой. Медленно он двинулся к машине, в то время как я глядела ему в спину. На глаза навораживались слезы.

— Эм, — с неловкостью Коля потянул меня за рукав, — пойдем?

Я не видела улицу из-за слез, которые жгли мое лицо. Я безумно хотела, чтобы Артем обернулся и посмотрел на меня еще раз, но он лишь закинул пакет на заднее сидение, сел за руль, закрыв дверь машины. И дверь в свое сердце.

— Почему вы поругались? — поинтересовался Коля, глядя на то, как я расстроена.

— Я высказала ему все по поводу тех девушек, о которых ты мне поведал.

— Вообще-то я только предположил, — признался парень, пожав плечами. — Я не знаю точно. Раньше их было много, в последнее время — никого. Но это же не значит, что он вновь не начнет их менять. Я прав?..

ЧТО?!

17. Ева и тепло объятий

Не забуду Колиного лица в тот момент, когда я сказала ему, что он мне противен. Артем уехал, оставив нас с обоюдной горечью. А я все сжимала кулаки в карманах, не веря, что его брат мог так со мной поступить. Что получилось в итоге? Я выставила себя вспыльчивой легкомысленной дурой, которая готова сказать кому-то «да» после пары приятных слов. Не разобравшись ни в чем, не прислушавшись к сердцу, я вновь начала рубить с плеча. Сущий эгоизм. В этом я вся. Ошибка, созданная из ошибок.

Коля хватал меня за руки, пытался объясняться, кричал вслед, что я пожалею. В тот момент я вообще не думала о нем и его чувствах. Хватит. Поддавшись слабости единожды, начинаешь плавиться, как масло на сковородке, от моментально навалившихся проблем. Я до боли кусала свои губы и тут же глотала сочившуюся из ранки кровь. Снег под моими ногами хрустел, а я хваталась за скулы, пытаюсь заткнуть свои мысли. Плакать на морозе с моей-то проблемной кожей — вот беда.

Я часто проваливалась в яму стыда, а сейчас вовсе долетела до ядра Земли. Я уже представляла, что думает обо мне Артем. И мне было не наплевать, черт возьми! Впервые чье-то мнение казалось мне настолько важным, что я хотела изменить все, начиная от его колкой фразочки, брошенной в первый день встречи. Тогда бы я сказала что-то в ответ. Дела пошли бы по иному пути. И да, я в курсе, что признаю свою симпатию к Артему. Как жаль, что для этого мне пришлось потерять абсолютно все.

Когда я добралась до квартиры, то заметила, что дверь была открыта. На пороге я столкнулась с разувающимся отцом. Он заметил меня сразу, но обратился лишь после того, как педантично поставил свои ботинки на место.

— Видел твою записку. Думал, ты будешь позже.

Я приложила пальцы к уголкам глаз, чтобы не заплакать, чем тут же себя сдала. Мой голос дрогнул, а подбородок затрясся:

— Все в порядке. Правда. Ничего не случилось...

— Первым четверем словам я поверил бы. Но твое «ничего не случилось» тебя уличает в чем-то печальном. Ну же, милая, что такое? Кто обидел тебя?

— Папа... — шмыгнула носом я, и размотанный шарф выпал из моих рук. Неожиданно для нас обоих я ринулась к отцу и повисла на его шее, носом уткнувшись ему в плечо. Я заплакала, освобождая свой бездонный стыд и бесконечную печаль. Папина ладонь легла на мою спину, и впервые за долгое время я почувствовала себя защищенной и любимой.

— Скажи мне, Ева, — вновь произнес он, — мы разберемся во всем вместе.

— Не волнуйся, — я отстранилась и утерла с горящих щек слезы. — Ничего страшного. Мне неловко говорить об этом... Но, кажется, я влюбилась.

Отец раскрыл рот от удивления и взял меня за руки. Его взгляд — печальный, родительский, нездорово-заботливый — был для меня спасительным кругом. Если бы рядом не было его, я бы легла на пол и умерла от горечи и одиночества.

— Ты? Влюбилась? — кажется, он был удивлен даже больше, чем я ожидала.

— А ты думал, у меня совсем сердце атрофировалось?

— Нет, — возразил отец. — Просто все довольно неожиданно. И давно ты... чувствуешь к кому-то влечение?

Серьезно? Может, ты еще начнешь называть это либидо?

— Прошу, называй вещи своими именами, — сконфузилась я. — Видимо, давно. Но поняла это только сейчас.

— Хорошо, милая. Выпьем чаю. Тот, что приносил Акиншев, просто превосходный. Жаль, что этот молодой человек больше не придет на терапию...

— Как не придет?! — воскликнула я, отбрасывая ногой свои ботинки. Я помчалась за отцом на кухню и едва не споткнулась. Но затем я откашлялась и сделала строго-равнодушный вид. — То есть почему?

Папа занялся приготовлением чая — наполнил чайник водой и поставил его на плиту. За несколько секунд его молчания я успела отгрызть себе один ноготь.

— Я несколько раз говорил ему о том, что для избавления от фобии нужно заняться делом. Я имел в виду учебу, но он решил все гораздо интереснее.

— Как же? — невзначай поинтересовалась я, двигая от нетерпения свою чашку по столу.

— Устроился работать, — усмехнулся папа в ответ.

Артем и работа? У меня он почему-то всегда ассоциировался с обеспеченной беззаботностью. Коля это подтвердил. С чего вдруг?

— И кем он стал работать? — начала разводить папу на беседу я.

Тот нахмурился и ответил:

— Кажется, мы хотели поговорить о твоей влюбленности, Ева.

Вообще-то мы и так уже о ней говорим.

— Небось богатый папаша куда-то его пристроил. Такие парни, как он, не способны ни на что...

Я постаралась вложить в свою реплику как можно больше цинизма. Отцом порой было легко манипулировать — он тут же повелся.

— Ты не права. Артем теперь работает официантом в кафе неподалеку. Это никак не связано с делом его семьи.

Я задумчиво хмыкнула и отмахнулась, попытавшись показать равнодушие. Но внутри, честно, я сильно удивилась.

Могу представить, насколько такой официант может распугать клиентов.

— В общем, то, что мне кто-то нравится, сейчас не слишком важно. Важнее то, что перед этим человеком я очень виновата. И черт знает, как извиниться.

— Что за слова, милая? — недовольно поинтересовался отец, наполняя кружки кипятком. Клуб огненного пара взвился к потолку и тут же растворился в воздухе.

— Забей, — вздохнула я. — Так ты мне поможешь? Ну, как можно психологически тонко это сделать? Извиниться то бишь.

Папа поставил передо мной заваренный чай и положил рядом ложку для сахара. Сам же уселся напротив, почесывая подбородок. Мне кажется, он был смущен.

— В первую очередь тебе нужно понять, ради чего ты хочешь извиниться... Из чувства вины, из жалости, ради вежливости...

— Я виновата настолько, что должна буду просить прощения до конца времен. Как всегда я опростоволосилась и обидела этого человека. Но как сделать это так, чтобы раз и все — он простил?

— Ключевое слово — «хочу».

— Хочу... — задумчивым полупшепотом произнесла я. Все, что всегда действительно хотела — чтобы меня оставили в покое. А сейчас мои желания как-то кардинально

поменялись в сторону социума. Это было странно и приятно одновременно. — И как мне это поможет?

С важным видом отец сделал глоток, затем, растягивая время, медленно вернул чашку на место и откашлялся.

— Тебе нужно сделать так, чтобы он почувствовал твоё желание. Такие слова, как «прости», «извиняюсь» и «мне жаль», не подойдут. Если ты впрямь чувствуешь себя виноватой, то говорить будет сердце — «я хочу попросить прощения». Вот, что стоит сказать.

— С каких пор ты романтик? — лукаво улыбнулась я, допивая чай. Мне стало немного легче.

— С моей работой легко стать что романтиком, что психом.

Видимо, на твоё окружение это тоже распространяется.

— Ладно, — я почувствовала жгучее желание побыть в одиночестве. — Я пойду. Спасибо, что выслушал.

— Ева, — произнес мой собеседник, едва я дошла до дверного проема. Я обернулась, встретившись с ним глазами. Такими же глазами, как у меня.

— Сейчас с тобой говорил не психолог, а твой отец. Я люблю тебя.

Я сделала глубокий вдох, подавила спазм в ногах и выпалила в ответ:

— Я тоже люблю тебя, папа!

В общем, несколько последующих дней я ходила как выжатый лимон. Точнее, таким образом я выглядела почти всегда, но этот период был особенным — на моей цитрусовой сущности испробовали самую мощную соковыжималку. Синяки под глазами и постоянный рой кучи мыслей в голове выдавал во мне девушку с печальной историей. Особенно заметен был на моем лице горький мыслительный процесс — только ленивый в классе не подошел и не спросил, почему я смотрю в одну точку. Кроме двух девчонок, которые, кажется, меня стали презирать. Те самые, что вызвались побыть моими подружками в начале этого семестра. После того, как я сблизилась с Лесей, их общество мне стало в тягость, а они, кажется, на меня теперь точат зуб. Я методично «слилась», вечно ссылаясь на занятость, и они, похоже, немного оскорбились.

— Лаврентьева! — окликнула меня учительница русского. Меня словно включили в розетку: я дернулась, разлепила веки и подлетела к ее столу. Вокруг шумно общались одноклассники — урок еще не начался.

— Что-то не так? — поинтересовалась я, оттянув удушающий ворот лимонной рубашки.

— Во-первых, — начала она, пальцем подцепив мое железное кольцо в виде терновой ветви, — это не для школы, а для дискотеки. Во-вторых, я вновь удивлена твоим сочинением. Приятно удивлена.

— Правда? — поинтересовалась я без особенной радости и тут же отстранилась, чтобы она вновь не начала меня трогать. Краем глаза я заметила пару одноклассников, которые, кажется, смотрели в мою сторону, что-то обсуждали и смеялись.

Нет. Именно кажется.

Я вновь обратила взгляд к учительнице, как за спиной почувствовала сразу несколько глаз. Обернувшись, я увидела, как компания девочек смеется. И явно надо мной. Возможно, к спине приклеилась какая-нибудь ерунда. Я пошарила по ней ладонью, но ничего не было.

..на конкурс, Ева, — донеслось до меня. — Ты слышишь вообще?

— Да, — кивнула я, делая вид, что пытаюсь вспомнить тему разговора, но вместо этого краем глаза я наблюдала за собственным классом. Ученики смотрели то на экраны своих телефонов, то на меня, злорадно и удивленно хихикая.

— Да, согласна, конечно, — дабы отвязаться, ответила на все просьбы я и тут же отстранилась от учительского стола под возмущенный возглас о том, что она еще даже не договорила.

Я стояла у доски, растерянно глядя на свой класс. А все остальные глядели на меня. Я так и не успела стать здесь «своей», но никогда не жаловалась на дурное отношение. Большинство присутствующих казалось мне заурядным — я даже имен некоторых не помнила. Но сейчас все было по-другому. Я словно заново взглянула на одноклассников. На чьих-то лицах была усмешка, на чьих-то — осуждение.

— Лаврентьева, не думал, что ты на такое способна, — выкрикнул один из парней.

— На что? — озлобленно поинтересовалась я. Тот таинственно пожал плечами. Видимо, не хотел говорить прилюдно. Класс залился смехом.

С раздражением я покинула душное помещение, едва совладав с искушением хлопнуть дверью. Сейчас ненавидела своих одноклассников, хотя научилась относиться к ним нейтрально. Но странности на этом не закончились. Пара людей, которых я вообще не знала, что-то улюлюкала мне в спину. Я обернулась, и парень из параллельного класса мерзко улыбнулся. Я спешно зашла в туалет и едва хотела включить воду, как услышала разговор за поворотом.

— Ты уверена, что это она?

— Вообще-то нет, но кто знает. Я никогда не общалась с ней.

— Она новенькая. Кто бы знал.

Странная ситуация сводила с ума. Казалось, что я попала в дурной сон. Все что-то знали, а я единственная — нет. И больше всего удручало то, что это касалось именно меня.

— О чем вы? — я резко свернула за угол, где увидела двух девочек класса из восьмого. Они явно не ожидали такого подвоха.

— Мы молчали! — выпалила та, что посмелее.

— Ни о чем, — выдала другая.

Тут же поспешно они скрылись из поля зрения, едва не сбив меня на бегу.

Я так и не включила воду, чтобы умыться. словно в прострации, перешагнула порог туалета и вновь ощутила на себе сотни взглядов. В тот момент я четко решила найти Лесю, чтобы узнать о происходящем. Ее урок проходил этажом выше, и, поднявшись по лестнице, я очутилась в просторном холле с картинами учеников на стенах.

— Это она! — крикнул кто-то в спину.

— Да, та самая. Это ее фотки!

— Шлюха!

Я ощутила, как вокруг меня начала сгущаться любопытная толпа. Десятки учеников начали вставать кольцом вокруг меня. Я слышала угнетающий шепот и плавила под взглядами, полными осуждения. Но главным было то, что я не понимала, какого черта происходит.

— Ева! — на своем плече я ощутила девичью руку. Я тут же поняла, что это Леся. Она запыхалась и тут же схватилась за грудь, глухо закашляв. Толпа вокруг загудела в непонимании.

— Я искала тебя, — полушепотом заговорила девушка и, выпрямившись, добавила. —

Не переживай. Главное, мы знаем, что это неправда.

— Неправда что? — так же тихо поинтересовалась я.

— Те фото.

Какой-то парень из толпы сделал полшага вперед и громко поинтересовался:

— Ну, да, Леся, ты добрая, все дела, но зачем шлюху-то защищать? Если она это сделала, то какая разница? Особенно тебе?

Алеся беспомощно взглянула на меня, затем — на толпу. Я видела, как в неуверенности она ломает пальцы. Она не могла заступиться за меня, в чем бы ни было дело — так она могла раскрыть свой настоящий характер, которого так стеснялась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не страдай ерундой, — выкрикнул девушке ее одноклассник. — Эта шкура сама виновата.

— Сама виновата? — усмехнулась Леся, подняв голову. Я видела в ее глазах настоящую злость. И прежде чем я успела ее остановить, она заговорила: — Только такие куски дерьма способны поверить в этот бред, который еще и сделан криво. Если у вас, обмудков, глаза на заднице, то это ваши проблемы, а не Евины. Вы — школа быдла и настоящих тупых шлюх, которые считают себя непорочными. Я ненавижу вас и ваши мерзкие рожи!

Мне казалось, что ее не остановить. Все, что накопилось в девушке за это долгое время, дало о себе знать. Толпа ахнула, а Леся грозно сдвинула брови еще ниже.

— Я согласен со всем, что она сказала! — из толпы вышел Женя, встав рядом с нами. — Я не разделяю ее ненависти, но презираю вашу глупость. Ведь ясно, что это чья-то глупая шутка, а вы уже готовы к травле.

Мы обе взглянули на парня. Тот едва заметно подбадривающе улыбнулся, а затем продолжил:

— И если кто-то считал Алеся доброй, милой и невинной девушкой, то это далеко не так. Она циничная стерва и иногда ведет себя просто ужасно. И знает ругательств больше, чем все вы вместе взятые. Но такая Алеся в сто раз лучше той, которую вы знаете.

Мне, если честно, весь этот фарс начал надоедать. Я вздохнула, сделала несколько шагов вперед, а затем вырвала телефон из рук какого-то парня, листавшего фотографии. Тут же с моих губ сорвался стон разочарования. Знала бы я, что все настолько глупо — ни за что бы не поверила, что Леся из-за этого раскрыла свою настоящую личность. Конечно, она явно сочла, что меня это задело до глубины души.

Я увидела фотографию обнаженной женщины со стертой головой. И вместо ее головы была моя. Причем галимый кривой фотошоп при желании можно было разглядеть — автор коллажа даже не удосужился полностью стереть грубые края обрезки. Даже мой цвет лица отличался от всего остального. Но у любителей школьных сенсаций не было желания и времени разглядывать косяки — им безумно хотелось поверить в то, что здесь наконец-то что-то случилось. Я вновь вздохнула, подняла телефон над головой и, отступив, громко заявила:

— Если у меня и впрямь грудь такого размера, то почему я единственная, кто ее не видит?

В толпе раздалась смешки. Я продолжила:

— Я уверена, что половина из вас поняла, что это просто идиотская склейка человека, который только вчера сел осваивать фотошоп. Мне не обидно, если вы хотели этого добиться. Обижаться на глупость — дело имбицилов. Например таких, кто оказался автором

этих фото.

Внезапно взглядом я встретилась с Ритой, которая тут же опустила глаза к полу.

Ученики начали разочарованно вздыхать и расходиться. Многие с недоумением смотрели на гордую Лесю, которую поддерживал за плечо Женька. Я вернула телефон тому самому парню и повернулась к своей парочке.

— Это того не стоило, — обратилась я к Лесе.

Та демонстративно сбросила с себя руку парня и отозвалась:

— Зато мне стало легче. Рано или поздно это случилось бы. К тому же я наконец-то набралась смелости только благодаря тебе. Ради себя, думаю, я бы не смогла так поступить.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Не знаю, что нашло на меня в тот момент. Никогда этого не делала ни с кем, кроме отца — я крепко сжала в объятиях Алесю. Девушка улыбнулась, и я почувствовала тепло ее щеки, а затем щекочущие кожу волосы, которые пахли чем-то цветочным.

— Мы же подруги, — ответила она, похлопав меня по спине.

— А меня кто-нибудь обнимет? — с насмешливой обидой поинтересовался Женья.

Алеся отстранилась и взглянула на него из-за плеча:

— Интересно, почему говорил все это ты, а стыдно было мне?

— Ну, все, хватит, — всплеснула руками я. — Встретимся после занятий.

После моих слов все мы услышали звонок и с неохотой расползлись по кабинетам. По телу разливалось приятное тепло. У меня появилась настоящая подруга.

18. Ева и сбежавший разум

Я прожила всего шестнадцать лет. Точнее, почти семнадцать — время неистово неслось вперед, и я отчасти унывала, оттого что медленно, но наверняка приближаюсь к возрасту, когда мне придется принимать решения, зовущиеся «взрослыми». Но пока я наслаждалась своей цветущей юностью, и для меня многое случалось в первый раз. В том числе и сегодня.

Нет. Не то, о чем можно подумать.

У меня никогда не было близких подруг. Сплетни, секреты и взаимные восторги прошли мимо меня. А сегодня мало того, что Леся пришла ко мне домой, так еще и до утра напросилась остаться. Она накупила сладостей и приволокла половину бутылки какого-то красного выдохшегося вина. Дешевое, кислое, мне оно казалось самым лучшим, что я пила на свете. Вино со вкусом дружеской беседы — я не могла назвать это никак иначе.

— Как думаешь, — Леся сидела на полу перед моей кроватью, поджав ноги, — кто мог это сделать?

— Ты про фото? — поинтересовалась я, свесившись вниз головой.

Подруга тут же подхватила копну моих волос и начала заплетать их в небрежную косу.

— Да, — кивнула она, ловко орудуя пальцами.

Я зажмурилась от приятной щекотки и задумалась.

— Те девчонки, возможно. Я говорила о них. С которыми я начала общаться, когда только пришла.

— Мы можем их проучить.

— Как? — я почувствовала, что Леся закончила свое дело, и резко подскочила на кровати, тут же ощутив, как собственные волосы хлестнули меня по лицу.

— Мы подумаем, — ухмыльнулась собеседница, заползая ко мне на кровать. Она запустила руку в пачку чипсов и отправила горстку в рот с явным удовольствием. — Меня другое интересует...

Я поняла, о чем она собралась меня спрашивать, и тут же забралась под одеяло с телефоном.

— Ну-у, — простонала Алеся и начала стягивать его с меня. — Этот Артем, он жив вообще?

— Для меня нет, — прогудела я.

— Ты так и не смогла с ним помириться?

— Даже не пыталась.

— Почему?

Леся простонала и рухнула возле меня. Я выглянула из своего укрытия, а затем и вовсе сбросила жаркое одеяло. Девушка тут же закинула на него ноги, чтобы я вновь не сбежала.

— Потому что, — тихий вздох сорвался с моих губ. — Он не простит меня. Какой смысл? Вот смотри. Я приду. Сяду. Заведу с ним важный разговор. Он будет внимательно кивать. А потом скажет, что прощение не входит в его планы.

Алеся прыснула со смеху.

— Кто же так делает? — махнула рукой она. — Поверь, парни ничего так не боятся, как приглашения на этот самый «важный разговор».

— А как тогда? — я рефлекторно потянулась за стаканом и залпом осушила его, даже не поморщившись.

Леся грациозно перевернулась на живот и припала щекою к подушке. Она явно задумалась о чем-то, но тут же выкарабкалась из зыбкой трясины мыслей и произнесла:

— Дай ему возможность отдохнуть от инициативы. Не дави на него, но попытайся хоть что-то сделать сама. Он же нравится тебе...

Я покраснела, как рак, и чуть не пустила слезу. Мне было одновременно жаль, что я неадекватно вела себя, и радостно, что хоть кто-то меня понимает. Леся была замечательной — умной, опытной, рассудительной. Я доверяла ей, даже несмотря на то, что знала о ее собственных ошибках.

— Не могу заглушить в себе упрямство. Я была бы рада, если бы могла притворяться хорошей, как ты.

Алеся горько усмехнулась и повернулась ко мне лицом.

— Как видишь, надолго меня не хватило.

— Кстати, — я подскочила, защебив подруге волосы. Та вскрикнула, я извинилась и продолжила: — Почему мы говорим только о моих отношениях?

— А о чьих ты хочешь поговорить?

— О твоих...

— Нет смысла обсуждать то, чего нет.

Тобой как отцом не поманипулируешь...

Я сдалась, всплеснув руками:

— Просто подумала, что Женька...

Леся астенически вздохнула и, взглядом уперевшись в потолок, произнесла без единой эмоции:

— Нет.

— Что нет?

— Никакого Женьки.

Я решила, что логично будет не в свое дело не лезть. Карамельно-прелестная девочка была глубока, как яма. Порою оказывалось сложно ее понимать, а предсказывать поведение и вовсе. Но я была благодарна ей за то, что она рядом. Мне никогда не было так тепло от чьих-то объятий, как тогда, несколько дней назад.

— Я встречу с Артемом! — решительно заявила я, вздернув голову, словно воинственная валькирия.

Леся лукаво прищурилась и улыбнулась в ответ.

Я ее обожаю.

Узнать, где работает Артем, не составило труда. Кажется, Коля до сих пор чувствовал себя во многом виноватым. Я даже не удивилась, когда он сообщил, что его брат трудится в том самом кафе.

Да-да, именно оттуда я как-то раз рванула, осознав собственную никчемность.

Другое дело — самолично явиться с извинениями. Мне казалось, что проще сожрать собственный язык, чем признать, что была не права. «Но ты хочешь!» — агитировала себя я. И вроде становилось легче.

Я выгадала вечер, когда отца не было дома. Впервые за долгое время в ход пошли утюжок для волос и косметика, которой я почти никогда не пользовалась. Я старательно замазала бледные веснушки, рассыпавшиеся по моему носу и щекам, а затем подергала брови пинцетом. Кажется, именно так обычно делают девушки в фильмах, когда собираются на

свидание. Было не ясно, для кого я стараюсь, ведь я была не на сто процентов уверена, что Артем вообще захочет меня видеть. О каком уж свидании тогда вообще думаю... Помню его последний взгляд, полный пренебрежения и обиды. На меня тогда будто вылили воду из всех северных морей. Никогда бы не подумала, что его извечно расслабленное лицо и чуть улыбающиеся светлые губы могут так исказиться. Больше всего я боялась, что это повторится вновь, но Леся написывала мне мотивационные сообщения — я должна была рассказать ей обо всем завтра в школе, поэтому не было шансов улизнуть.

Я разгладила куртку, аккуратно намотала шарф и завершающим штрихом нанесла бальзам на губы, отчего те (наверное) стали привлекательно поблескивать.

Март, по-моему, от зимних месяцев не особенно отличался. Странно, что кому-то вообще взбрело в голову назвать это весной. Легкая оттепель закончилась, не успев начаться, и я опять закрывала лицо руками, чтобы клочья снега не врезались мне в глаза. Если все на моем лице потечет, то зрелище будет еще более жалким. Я переживала, это точно. Так, что в груди начинал полыхать пожар. Отец говорил, что это случается от нервов, но я-то была уверена, что просто медленно стораю изнутри.

Весь путь от дома до кафе я проигрывала различные сценарии в своей голове. Каждый раз что-то меняла, добавляла и обдумывала, но теории эти были одна хуже другой. Я закурила, остановившись возле больших оконных стекол, которые разделяли нас с Артемом. Эх, если бы только они.

Я нервно закашляла и выронила сигарету из подрагивающих окоченевших рук. Все происходящее было похоже на тревожный сон, но я была уверена, что такая гадость случается исключительно наяву.

Кафе было не дешевым. В какой-то момент мне даже показалось неловким туда зайти: кому нужна в клиентках усталая школьница с озлобленной физиономией? Но я вспомнила о том, что сегодня нарисовала себе новое лицо. Оставалось только надеяться, что Артем меня узнает.

Я толкнула дверь, колокольчики над нею прозвенели, и я каждой клеточкой тела ощутила тепло. Осторожно повесив пальто на вешалку, я скромно заняла место возле окна. Все как тогда. Ничего не изменилось. Даже столы так же приятно пахли лакированным деревом. Я ухватила меню, лежавшее на столе, стараясь спрятаться за ним. Судя по ценам, здесь мне придется оставить половину тех денег, что отец мне дал на неделю. Кроме всего, я ужасно хотела есть, поэтому решила не жадничать.

Я определилась с выбором, когда, наконец, почувствовала, что кто-то подошел. Не передать словами, насколько нервной я была в тот момент. Казалось, только увижу Акиншева — тут же расплачусь. Сердце скакало так, что я была вовсе готова его выплюнуть прямо на стол.

Секунда. Вторая. Третья. Заговори уже, Артем!

— Вы определились с выбором?

Я закашляла, резко опустив меню. Возле меня стояла миловидная девушка с вежливой улыбкой на лице. Я выдохнула — то ли расслабленно, то ли разочарованно.

— Да, пожалуй...

Но внезапно мой заказ перебили.

— Аня! — выкрикнул парень из-за барной стойки. — Ты тут срочно нужна! Кто-нибудь еще примет.

— Простите, — все так же формально продолжала улыбаться официантка. — И

подождите буквально полминуты.

— Ладно, — тихо произнесла я. В какой-то момент мне даже подумалось, что Коля меня обманул: Артема даже видно нигде не было. Жаль, что я приволокла себя сюда, но был шанс хотя бы поесть.

Оцените уровень моей удачливости на сегодня по шкале от одного до Ева Лаврентьева.

Расслабившись, я подперла подбородок рукой и начала скучающе водить пальцем по столу. Мне показалось, что я даже успела задремать, но затем знакомый голос стал разрядом на электрическом стуле.

— Зачем ты пришла?

Я медленно обернулась, из-под ресниц взглянув на Артема. Он выглядел довольно отчужденно, но как всегда прекрасно. Мне нравилась его рубашка в красно-черную клетку, нравилась укороченная стрижка на темных волосах, которую он успел сделать за то время, что мы не виделись. Даже бежевый фартук типичного официанта выглядел на нем как-то... сексуально, что ли. Единственное, о чем я жалела — что не могу прикоснуться взглядом к рыбкам, плывущим по его руке: до самого запястья рукава рубашки были опущены.

— Поесть, — брякнула я то, что первое пришло в голову. Но вместо того чтобы принимать заказ как обычный официант, он уселся напротив, направил на меня взгляд своих серо-желтых глаз и без церемоний отобрал меню. Нагло он опустил на него свои локти и уставился прямо на меня.

— Что ты делаешь? — встряхнула волосами я, возмущенно пытаюсь вытянуть ламинированный лист обратно.

— Хочу спросить, как с братом дела.

— С каким еще братом?

— У меня только один брат.

Я прекрасно понимала, что он и так знает. По сути, все это было очевидно, но не для разозлившегося в тот момент Артема. Видимо, теперь он отошел и был готов воспринимать все адекватно. Но обида оставалась, как черная жижа на дне выпитой чашки кофе.

— Зачем строить из себя идиота? — не смогла не выругаться я. Все советы Алеси летели в бездну. Я начинала злиться и становилась самой собой. — И да. Скажи, к чему все это? Ты вдруг решил повидать настоящую жизнь?

— Пойдем, — парень потянул меня за рукав, а затем, не спрашивая ни о чем, выкрикнул в сторону бара: — Я на перекур.

— Я хочу есть, — попыталась взбрыкнуть я, но Артем снял мою куртку с вешалки, бросил ее мне на руки. Посетителей почти не было, но те, что сидели рядом, смотрели на нас с большим удивлением.

Акиншев провел меня через черный вход, и мы оказались с обратной стороны здания — в узком переулке, где было сыро и различные запахи, шедшие с кухни, сплетались в один. Артем чиркнул зажигалкой, затянулся, раскуривая сигарету, а затем облокотился на дверь. Куртку он не взял, хотя на улице было довольно холодно.

— О чем ты хотела поговорить? — поинтересовался он.

Я побледнела, дрожащими руками пытаюсь зажечь сигарету, только ноготь постоянно соскальзывал с металлического колесика зажигалки. Внезапно я ощутила прикосновение к своим ладоням, а в лицо ударил едкий дым.

— Даже с зажигалкой справиться не можешь, — съязвил Артем, обнажая пламя перед моим лицом. Я закурила, сделала глубокий вдох и отдернула пальцы, будто бы обожглась.

Не знаю, что на меня нашло, но в таком Артеме тоже было свое очарование. Он не ерничал, не пытался казаться лучше, чем есть. Он просто был, пусть и немного отстраненный. Но это не значило, что прошлый Артем мне разонравился.

— В общем. Это не серьезный разговор, — я накинула капюшон на голову, пряча замерзшие уши, но Акиншев будто с издевкой сбросил его обратно. Затем пахнущими табаком пальцами он осторожно заправил прядь моих волос за ухо. Будто специально оттягивал момент или вовсе игрался. — Точнее, это серьезно, но в то же время хорошо. Для тебя, по крайней мере. А вообще и для обоих.

С моих губ слетала полнейшая чушь. «Не сдаваться!» — приказала я себе и подавила жгучие спазмы в горле.

— Артем, я...

— Что ты? — уголек его сигареты рухнул в серую слякоть на нижней ступеньке и зашипел.

— Хочу... Извиниться, — я сделала вдох, а затем заявила более уверенно: — Я хочу извиниться перед тобой за то, что поступила глупо. Коля поддержал меня в тот момент, когда я была расстроена. Но это не значило, что я испытываю к нему симпатию. Ну такую, как к... Как девушки испытывают к парням. И я что-то пообещала ему просто так. Это и было глупостью. Я решила, что чьи-то чувства в тот момент не так важны, как мои.

Артем оттянул ворот рубашки и облокотился на черные обшарпанные перила, внимательно слушая меня. Правда, скепсис на его бледном от усталости лице сменился на легкое удивление. Парень показался мне уставшим еще в тот момент, когда я сегодня увидела его впервые за долгое время. Под глазами его лилово-серыми пятнами разлились синяки, а взгляд порою казался потерянным. Явно не выспался. И какой черт дернул его сюда пойти?..

— Ну... — Акиншев откинул окурочек и сложил руки на груди. Выглядел он победителем, а я — влюбленной дурой, кутающейся в пальто от холода. Волосы мои путал ветер, а глаза начинали слезиться. — Ты часто поступаешь глупо.

Внезапно ладонью он потянулся к моим губам. Я зажмурилась от неожиданности и почувствовала, как по-хозяйски он прикоснулся ко мне.

— Ужасная помада, — покачал головой Артем, а когда я открыла глаза, то заметила алый след на его пальце. — В этот раз с твоей стороны глупо было ее использовать.

Стер. Он стер ее своим прикосновением. Мои губы запылали, а все внутри воспламенилось, будто меня обдали бензином. Мозг попрощался с Евой, и я поступила так, как мне хотелось.

Резко приблизившись к парню, я встала на носочки и, обхватив его лицо руками, поцеловала. Поцеловала по-детски, лишь прикоснувшись губами. «Ты сдурела», — кричал мне разум, но я послала его куда подальше. Тот момент был настоящей эйфорией. Ничего подобного я не испытывала в жизни. Через несколько секунд с боязливостью я отстранилась, но вдруг ощутила, как Артем сгреб меня в охапку и вновь притянул к себе. Теперь целовал меня он, а я чувствовала вкус его сигарет и фруктовой жвачки.

Я лишилась зрения, слуха и дыхания одновременно. Лишь чувствовала, как мокро в его рту. Его руки сжимали мою талию, так сильно, что было больно даже сквозь куртку. Он был теплый. Нет, даже огненный. И я отвечала на его поцелуи так, как умела. Внезапно от неопытности я стукнулась с ним зубами и тут же вырвалась, закрыв лицо руками от смущения.

Я не знала, что будет дальше, но впервые в жизни ни о чем не жалела.

19. Ева и лучшее, что случилось в жизни

Мы целовались весь путь домой. Через каждые несколько шагов Артем хватал меня за рукава, выламывал пальцы и бесконечно прикивал к губам. Мне казалось, его трясет от удовольствия, и это чувство передавалось и мне — бессознательное, новое и умопомрачительное. Зеваки пялились на нас, окутанных страстью посреди улицы, но я не ощущала смущения или тревоги — я хотела сгинуть в этой истоме раз и навсегда. Мне вообще в тот момент было плевать на все. Чудилось, будто наконец-то я нашла то, что искала всю свою жизнь.

Я поднимала глаза к лицу Артема. Оно было расслабленным, а взгляд казался каким-то бездумным. Блестящие глаза бликовали от света дорожных огней, но главное, что в них отражалась я. Станным было то, что с того момента мы не обмолвились почти ни одним словом. Я глядела на Акиншева, а он на меня. «К черту вообще слова, — думалось мне, — если можно целоваться». И раз за разом нападала на него, как голодный зверь.

Это был, наверное, самый долгий мой путь домой. И самый приятный — ладонь Артема, обхватывающая до боли мою, была теплой и чуть липкой от пота, несмотря на холодную погоду.

Возле подъезда я будто впервые за все время вдохнула, и ко мне медленно начало приходить осознание. Что случилось?..

Да я, черт бы, целовалась с Акиншевым. Сознательно!

В тот момент мне стало немного не по себе. Я поежилась и чуть отстранилась от парня. Ко мне возвращалась трезвость ума.

— Артем... — внезапно смутившись, произнесла я, до крови закусив губу после его имени.

— Да? — впервые за последние полчаса он произнес хоть что-то.

Мне нравилось, как мелкий мартовский снег цепляется за его волосы. Я смотрела на Акиншева свежим взглядом, и мне казалось, что с каждой секундой я узнаю его заново. Тот же это парень, который игриво окрикивал меня возле института? Тот ли это парень, который рассказывал мне о своем детстве возле озера? Тот ли это парень, который глядел на меня с яростной обидой? Тот ли парень, который целовал меня, губами кромсая душу?

— Тебе не попадет на работе за то, что ты ушел?

— Попадет, наверное, — пожал плечами он, ослабляя свой шарф.

— Тогда чувствую себя виноватой, — я приняла скорбный вид.

— Не чувствуешь же, — подметил Артем.

Ладно-ладно, ты прав. Сдаю знамена.

— Зачем ты устроился работать?

— Чтобы себя прокормить.

Я страдальчески вздохнула:

— Не ерничай.

Артем попытался ухватить меня за руку, но я спрятала ладони за спину, тем самым поставив ультиматум. Я, конечно, догадывалась, но хотела услышать ответ из первых уст.

— Ты сама говорила, что я ничего не знаю. В тот раз на кухне. Когда я принес вам с отцом чай. Мне, в общем, после стало немного стыдно. У меня экзистенциальный кризис начался, по-моему...

— Экзистенциальный, — скептически поведя бровью, поправила его я.

— Ну, да, — Акиншев махнул рукой. — Я понял, что ни черта не знаю, никого не понимаю и вообще не в курсе, чего мне надо. Кроме тебя, конечно.

Он вновь сделал попытку ухватить меня, но я вовремя увернулась. Кто-то вышел из подъезда, едва не зашибив меня дверью. Артем, видимо, понял, что без задушевных разговоров не обойтись. Он закурил и поднял взгляд к моим темным окнам.

— Твоего отца нет дома?

— Одна сегодня, — отозвалась я.

— Может, чая попьем хотя бы?

Я покраснела до кончиков ушей и сама полезла в карман за пачкой. Я прекрасно знала, что бывает, когда парень с девушкой вот так вот остаются вдвоем дома.

— Ну, чего молчишь? — затягиваясь, нахмурился он.

— Ладно, — не выдержала я, убрав сигареты в карман.

Меня одновременно цепляло как желание подольше побыть с Артемом, так и поскорее перевернуть произошедшее в одиночестве. Но, видимо, конец нашего вечера не был близок.

Через несколько минут мы уже стояли в прихожей. Я щелкнула выключателем и уже яснее могла разглядеть лицо Артема. Он забавно сощурился, отвыкая от темноты. Странный. Такой странный. Но ни в какое сравнение не идет со мной. Мне почти семнадцать, я плохо целуюсь, постоянно срываюсь и вообще хочу, чтобы от меня все отстали. «Как типично», — подсказывает мне разум. Но, кажется, для Артема я особенная. Мне нравится это. Больше всего на свете.

— Ева, — Акиншев произнес мое имя, и я вздрогнула. Из его уст, особенно в тот момент, оно звучало так, что хотелось вновь прикинуться к его телу.

Я сбросила обувь и попыталась совладать с собой. Было сложно делать вид, что все нормально. У него были девушки, я уверена. У меня же никогда и никого. Он взял и стащил мой первый поцелуй. Прямо там, в машине, когда думал, что я сплю. Вот так запросто.

— Я пошел работать, потому что мне стало стыдно за то, кто я.

— В смысле? — я наблюдала за тем, как ровно он ставит свои ботинки и вешает куртку.

— В смысле никто.

— Разве? — я хмыкнула и направилась на кухню, где открыла кран раковины и сполоснула руки. — Я думала, ты красавчик, студент и сын обеспеченных родителей.

Артем последовал моему примеру, после чего брызнул мокрыми руками мне в лицо. Я стукнула его полотенцем, а затем переключила тумблер электрического чайника.

— Все это неправда, — сокрушенно заявил парень, рухнув на табуретку. Влажными ладонями он утер лицо и поднял взгляд. — Точнее правда, но мне кажется каким-то фальшивым. Эта учеба, где я почти ничего не делаю, какие-то мимолетные знакомства в чужих квартирах, деньги, которые заработал не я, вещи, которые меня на самом деле не интересуют...

— А хоть что-нибудь кажется тебе настоящим? — сочувственно поинтересовалась я, опускаясь по соседству.

Внезапно Акиншев ухватил меня за ладонь, чуть потянув на себя.

— Ты, Ева! — с придыханием и полуулыбкой произнес он. — Твои волосы, твой взгляд и жест тогда были самым настоящим, что со мной происходило за последнее время. Я про нашу первую встречу говорю.

Такие слова я находила очень смущающими. К счастью, чайник докипел, и я смогла

вытянуть свою ладонь из его руки и поспешить налить нам чая.

— Нет, правда, — утверждал Артем. — Я тогда прямо почувствовал, что все это не просто так.

Поэтому решил броситься под колеса.

— Судьба? — закатила глаза я и чуть не ошпарила себя кипятком.

— Я не знаю, во что верить, — пожал плечами тот.

Я опустила перед ним чашку с горячим чаем и села напротив, грея руки о свою.

Наш безумный вечерок из страсти градиентно перелился в задушевные беседы. И это было классно. Артем становился милым, когда расслаблялся, и мог спокойно открыть душу. Я даже немного завидовала отцу, который наверняка узнал об этом раньше.

— Я думаю, тебе надо просто хорошо подумать обо всем. В смысле решить, чем тебе нравится заниматься по-настоящему и как ты хочешь жить...

Акиншев к чаю даже не притронулся. Зато он ловко схватил мою руку и поднес к губам, целуя пальцы. Я ощутила чуть шершавые губы на своей коже, и тут же сквозь все мое тело прошелся электрический разряд. Я едва удержалась, чтобы не дернуться.

— Ты что, чай не хочешь пить? — я сделала вид, что меня это очень волнует. На самом деле меня волновало то, как он прикасается ко мне. Причем волновало в особенном смысле. Огонь лился по моим венам и стекал к низу живота, отчего я ерзала на табуретке, не зная покоя. В моем воображении мелькали странные картинки, которые пугали и швыряли на самое дно приятного бесчестия.

— Я пью, видишь? — демонстративно Артем сделал большой глоток.

Я фыркнула, отвернувшись. На самом деле меня тревожила одна вещь, о которой я настороженно думала последние минут пять. Артем целовал меня — да. Держал за руку — да. Проводил до дома — да. Это ведь должно значить, что...

— Ты нравишься мне, Ева, — внезапно произнес Акиншев.

Ты что, черт подери, мысли читаешь?

Я вернула взгляд к его серьезному лицу. Мне импонировал такой Артем. Он казался взрослее и умнее, чем есть. Нет, это вовсе не значит, что мне не нравится его обычное амплуа, просто...

Стоп. Что он только что сказал?

— Нравлюсь? — будто не веря, переспросила я.

— Сильнее, чем ты можешь представить, Ева, — кивнул тот.

Мысленно блаженствуя, я пролетела через семь небес, распугав своей угольной душонкой всех ангелов.

На самом деле я не могла поверить, что смогу кому-то понравиться. Я даже не надеялась, а тут закрутилась история розовее, чем в самой сопливой драме.

— Если ты хочешь, — продолжил он, — точнее, согласишься...

Я затаила дыхание, чуть нахмутив брови. Нет, клянусь, я уже и не надеялась, что мне кто-то когда-то скажет подобное.

— ...со согласишься быть моей девушкой, я буду очень рад.

Я шумно выдохнула весь воздух, что держала в легких. Чай так и остался недопитым.

Я встала из-за стола, взяла кружку и переставила ее к раковине. А затем, словно по наваждению, сделала несколько шагов к сидящему на стуле Артему. Теперь я могла смотреть на него сверху вниз, а не как обычно. Это было довольно занятно. Мое смущение немного притупилось — видимо, оттого, что я не до конца осознавала происходящее. Но больше

всего на свете я надеялась, что это не сон. Попадание в ужасную реальность после такого видения отобьет все желание жить.

— Ты тоже мне нравишься, — произнесла я, чуть подрагивающими от волнения кончиками пальцев припав к щеке Артема. «Будь реальным, — молилась в пустоту я». — И я буду рада, если соглашусь быть твоей девушкой...

— То есть ты да? — с довольной полуулыбкой поинтересовался Артем.

Я поправила воротник его рубашки, дотронувшись до перламутровой пуговицы, а затем скромно кивнула. Более приятного согласия в моей жизни никто не спрашивал.

Тут же парень резко обхватил мою талию руками, притянув к себе. Щекою я почувствовала шелк его волос, которые источали аромат мятного шампуня. Такой близкий и теплый...

Артем уткнулся носом в мою грудь, вдыхая запах моего тела.

Вечность. Я была готова простоять так вечность.

— Вот и все, — мудро заключила Алеся, откусывая от пирожка с черникой. Затем она продолжила с набитым ртом. — Ева уже не невинная девочка.

— Что ты имеешь в виду? — взвилась я. С Женькой мы оба покраснели до кончиков ушей от таких слов.

— Ну, ты теперь в отношениях, — пожала плечами она.

— Но явно в таких, какие ты имеешь в виду!

Алеся хмыкнула и вновь начала жевать.

— А что я имела в виду? Расшифруй.

Я взглянула на Женьку, который закатил глаза, изображая невыносимость Лесиных речей.

— Ты сама знаешь, — не поддаваясь на провокации, отрезала я. — Дай мне лучше откусить...

Подруга тут же протянула мне булку, и я отхватила почти половину.

— С самой начинкой... — простонала та.

Мы сидели в небольшом коридоре начальной школы, где было жарко и несло потом. Я была назначена дежурной в этом месте, поэтому уйти не могла. Мне повезло, что друзья поддержали меня и пришли поболтать.

Проводив Артема вчера, я приняла душ и легла спать. Было странно, но меня будто выключили из розетки — я хорошо спала впервые за долгое время. А мне казалось, что я буду елозить всю ночь и искать в гугле ответ на вопрос «Что делать, если у меня появился парень?».

— Значит, теперь вы с этим Артемом пара? — спросил Женька.

— Получается, что так...

— А ты пожалел, что сам ей не признался? — не отставала с колкостями Леся.

— Иди к черту, — выругался парень. Правда, в его голосе не было раздражения или злости.

Я вздохнула, ладонями припав к глазам. Те двое как всегда начали выяснять отношения, а я все думала и думала о том, что делать дальше. Артем признался мне в любви. Он целовал меня. Даже предложил стать его девушкой. Но небесная твердь не разверзлась, не началась третья мировая, и не произошло никакого катаклизма. Все оставалось прежним, кроме меня самой. Сегодня впервые за много лет я проснулась с желанием узнать, что со мной будет

дальше. С дежурства отец вернулся, когда я завтракала, и, даже будучи сонным, отметил мой аппетит.

Я настолько погружалась в себя и свои приятные раздумья, что зацепиться за реальность было сложно как никогда.

— Он опять мне звонил, Ева! — потрясла телефоном перед моим лицом Леся. — Ты слышишь? Потом подумаешь о своем Артеме.

Я встрепенулась, окинув парня и девушку взглядом. Мне показалось, что они даже немного осуждают меня.

— Этот твой... — я задумалась, пытаясь вспомнить имя, но тщетно. — Которому много лет?

— Он самый, — закивала та.

Женька чуть напрягся, взглянув в сторону Алеси. Понятия не имею, знал ли он обо всей этой истории. Интересно, когда я встречусь с Ар...

— Понятия не имею, что ему надо!

Резкий голос вновь выкинул меня из круговорота приторных любовных переживаний.

— Я же сто раз сказала ему, что все.

Женька откинулся спиной на стену, сложил руки и будто невзначай поинтересовался:

— Твой бывший, что ли?

— Что ли, — спародировала его тон Леся. По ней было видно, что говорить об этом с ним она точно не хочет. Но зачем тогда сказала при всех?..

Между ними вновь началась словесная перепалка. Я выглянула в окно, отметив, что сугробы начали чернеть. Это хороший знак оттепели и... да, моего скорого дня рождения. Было неловко думать о том, что Артем поздравит меня, но ведь это будет первый праздник, который я отмечу с парнем.

Мне чудилось, что я стала частью какого-то идеального мира. Но на своем веку я усвоила ценный урок: все дорогое — невероятно хрупкое и бьющееся.

В глубине души меня не отпускало чувство, что все может рассыпаться, как карточный домик. А у меня всегда была хорошая интуиция.

20. Ева и невиданный цветок

День рождения всегда казался мне странным праздником. Даже будучи ребенком, в ужасе я только и думала о том, что до моей смерти стало годом меньше. Фантазия рисовала мне жуткие картины: я дряхлая, с седыми редкими волосами и кожей, свисающей с костей, глазами, заплывшими бельмом, плююсь в потолок. Мыслей в моей голове, наверное, уже не будет. Или я стану вечно смеяться, как одна из соседок в нашем старом доме. В общем, беспомощная, смердящая и изнуренная жизнью, я стану обузой тем, кому когда-то была нужна. Все мысли на эту тему меня изъедали, словно плесень стену. Больше всего на свете я боялась трех вещей — предательства, одиночества и времени.

В этом марте мне должно исполниться семнадцать. «Возраст твоей бездумной юности, Ева», — с улыбочкой изрек на днях отец, поглаживая меня по плечу. Я знала, что если он так делает, то пытается подбодрить. Значило ли это, что на этом самом семнадцатом году меня не ждет ничего хорошего?..

Ладно. Нет. Я вновь горячусь. У меня кое-что есть. Точнее, кое-кто. Я, Ева Лаврентьева, совершенно обычная школьница с очень узкими взглядами на мир, встречаюсь с парнем. И он вовсе не такой замкнутый чудик, как я.

Я что, получается, победила?

Артем знал, что скоро у меня день рождения, и это меня немного смущало. Мы встречались всего ничего, а тут вышла такая подстава в виде праздника. Я совсем не хотела получать никаких подарков и вовсе мечтала забыть об этих условностях. Но разве меня оставят в покое?

Я сидела под одеялом, набивала рот соленым арахисом и наслаждалась сериалом прямо с экрана телефона. Вообще-то обычно я не смотрела ничего о любви, но в этот раз триллер попался какой-то сопливый. Самой себе я казалась странной, но происходящее сильно увлекло меня. На фоне погони за неизведанным чувства героя и героини выглядели довольно убедительно. Эту серию я ждала, как никакую иную, ведь случайно проспайлерила себе поцелуй. И вот, он тянется к ней, а она к нему. Я была готова вовсе не дышать. Всего секунда — и...

В момент поцелуя на экране появилось сообщение. Я была готова швырнуть телефон об стену. Все мое романтическое настроение разом улетучилось, несмотря на то, что адресантом был Артем.

«Мы можем увидеться сегодня?» — набрал мне он.

Я простонала, выползая на свет. Мой день рождения уже завтра. Все это заставляло меня нервничать, ведь я понятия не имела, как предстать перед Акиншевым.

Эй, Артем, мне сегодня семнадцать. Устроим в этот день незабываемое свидание, как самая сладкая парочка в городе?

Знаешь, мне хотелось бы закатить очень шумную вечеринку. С кучей друзей, которых у меня почти НЕТ.

Может быть, отметим в кругу семьи? С моим отцом и его нелепыми историями?

Я ненавижу дни рождения. Давай проведем этот день так же, как и все остальные!

О да, как по нраву мне был последний вариант. Но я понимала, что так дело все равно не пойдет. У меня только что появился парень и друзья. Все они будут настаивать на этом лишнем поводе для веселья.

«Недолго», — набрала в ответ я.

«Я уже подъехал», — пришло в ответ.

Акиншев, какой же ты наглец...

На цыпочках я пробралась в коридор, желая слинять, как началась реклама и отец покинул гостиную в поисках еды. Он обнаружил меня уже одетую, наспех подкручивающую ресницы возле зеркала. Папа был тих, как ассасин, поэтому я подпрыгнула, когда услышала его загадочное «кхм».

— Куда ты собралась? — поинтересовался он.

— Я? — мои глаза в тот момент были, наверное, похожи на две шоколадные медали по размеру. Я отвела взгляд, пытаясь придумать адекватное оправдание. — Иду с Лесей.

— Лесе нравится, когда ты делаешь это с ресницами? — начал ерничать он.

Да, папа, я лесбиянка, мы встречаемся, и она обожает мои закрученные ресницы.

— Нет, — отрезала я, швыряя в ящик штуковину, которая больше была похожа на пыточный инструмент. — Я просто хочу... выглядеть лучше, чем она. Вот так.

Папино лицо исказилось сожалением.

— Милая, если у тебя комплексы, мы можем их обсудить и решить, что де...

— Нет, — я запрыгнула в ботинки, с удовольствием произнося любимое слово. — У тебя есть клиенты, с которыми говорить об этом гораздо полезнее. Тот с бородкой... Знаешь, я думаю, он переживает из-за своей худобы, хоть и делает вид, что просто хипстер.

— Ты так думаешь? — удивился отец, на секунду задумавшись.

Я быстро перескочила через порог и издевательски заявила, прежде чем захлопнуть дверь:

— Пока!

Несколько лестничных пролетов, дверь и с десятков шагов отделяли меня от Артема. Я делала вид, даже перед самой собой, что мне все равно, но душу затягивало, словно в воронку. Вот его машина, а вот салон, пронизанный сигаретным смогом и запахом кофе из «Макдака».

— Привет, — Акиншев притянул меня ближе за воротник парки и припал своими губами к моим. Я затрепетала, и по венам вновь потек мед вместо крови.

— Привет, — отозвалась я, почувствовав тепло чужого тела.

— Как настроение? Отец отпустил тебя?

— Как обычно, — я отмахнулась и добавила: — Думает, я с Лесей.

— Быть девчонкой — сплошной напряг, — покачал головой Артем. — Так что не делай меня ею.

Я нежно припала головой к плечу парня и произнесла:

— Нет. Артем — это Артем.

Он тут же потрепал меня по волосам и улыбнулся.

После этого мы немного покатались по городу, обсудили недавно вышедший фильм и выпили по стакану безвкусного переслащенного латте. Я постоянно пялилась на лицо Акиншева не в силах представить, что это не бред и не сон. Отец бы сказал, что у меня низкая самооценка, но вообще-то я всегда адекватно оценивала себя, свои внешние данные и внутренний мир. Я была влюблена и в то же время благодарна за то, что Артем не отступил даже тогда, когда я закрывалась от него. Он прощупывал меня медленно, словно шел по болотистой местности, и только это завидное упорство смогло сделать Еву такой счастливой. Казалось бы, пора заканчивать свою историю, слиться в поцелуе со своим

прекрасным принцем и умереть в один день. Но жизнь никогда не оставит никого в покое.

— Знаешь что? — поинтересовался Артем, швыряя камень в черную воду озера. Мы остановились в том самом месте, где однажды Акиншев открыл мне свою тайну.

— Что? — запрокинув голову к сизому небу, поинтересовалась я.

— Завтра — твой день, поэтому хочу сделать сюрприз.

— Завтра всего лишь пятница, — скептически отозвалась я, взглянув на парня.

Тот пожал плечами:

— И моей девушке исполняется семнадцать.

Настоящим сюрпризом будет, если от меня все отстанут хоть на один день.

— Ладно, — я сложила руки на груди. — Что ты задумал?

— Сегодня всего лишь четверг, — невозмутимо выкрутился он. — Не буду говорить.

Мне хотелось запустить в него куском льда, но я не стала. Завтра так завтра. В конце концов, я никогда не видела сюрпризов.

Первой пыткой в день рождения стал ранний визит моего отца в комнату. Он щелкнул выключателем, и мои глаза к черту разрезало светом. Лучшим подарком было бы разрешение не ходить в школу, но для скрупулезного папы это было слишком дорого.

— Кому сегодня семнадцать? — залепетал над ухом он. Я была даже в ад готова провалиться, лишь бы не открывать глаза.

Вновь напоминание о празднике, в который я не верила. Каждый год одно и то же. Я выползла из-под одеяла и провалилась в типичное утро, которое поприветствовало меня ознобом.

В общем, день был как день. Правда, я совру, если скажу, что мне не были приятны поздравления Леси и Женьки. Подруга подарила мне серьги и кулон с матовыми лиловыми камнями, а парень преподнес необычный чехол для телефона. Вещи были сущими безделушками, но мне было радостно, что впервые за несколько лет меня поздравил хоть кто-то из друзей.

После школы я поспешила домой, а по дороге получила прелестное смс.

«С днем рожденья, Ева! Потерпи еще год, и сигареты ты сможешь покупать сама. С меня самый лучший подарок. Заеду в шесть».

Артем был словно грелка. Думаю, если бы на улице было минус пятьдесят, я бы пылала как обогреватель на максимальной мощности. Его слова, взгляды и прикосновения рождали во мне искорки удовольствия, и их покалывание я ощущала везде, где только можно.

Самым жутким было то, что у отца на этот день выпал выходной, а это означало лишь одно. Едва я попала домой, как по соблазнительному запаху поняла, что у нас сейчас будет праздник. Готовить достойно отец так и не научился, поэтому часто еду мы заказывали на дом. В этот раз он решил порадовать меня пиццей и высоким шоколадным тортом.

— Ну, как в школе, именинница? — поинтересовался папа, наполняя мою чашку горячим чаем.

Набив рот, я умирала от удовольствия.

— Все отлично, — ответила я, подняв вверх большой палец, к которому приклеился сыр.

Мой собеседник улыбнулся и добавил:

— Что друзья тебе подарили?

— Побрекушки и чехол. А ты что ждал?

— Ну, цветы... Хотя цветы дарят обычно мужчины. То есть парни. В твоём случае. Помню, ты говорила про кого-то, кто тебе нравится...

— Да, — пожала плечами я, невозмутимо отхлебнув. Затем моя рука потянулась к уже четвертому куску. — Но ты забудь об этом всем. Мне уже все равно.

Я вообще-то хотела отделаться от него, но все только усугубила.

— Ева, не стоит пытаться забить в себе чувства. Незавершённый гештальт в будущем может отозваться кучей проблем...

О, господи, он опять пытается провести сеанс.

— Папа, я не хочу говорить об этом, — пришлось проворчать так, чтобы тот понял. — Я сейчас праздную день рождения, а не сижу в кресле для пациентов.

— Да, да, я понял. Моя дочь стала на год взрослее, а значит, готова справляться с проблемами сама.

От такой навязчивой терапии я скорее сойду с ума, чем вылечусь.

— Слушай, — внезапно поинтересовалась я. Вообще-то я никогда не обращалась к отцу с такими вопросами, поэтому даже испытывала смущение. — Какой была моя мама, когда ты её полюбил?

Мой собеседник поджал губы, и на секунду я заметила, как стали печальны его глаза. Но он явно не хотел портить мне праздник, поэтому тут же взбодрился.

— Мама? Мама была красивой. У неё были такие же волосы, как у тебя. Только длиннее. Она делала причёску... Оборачивала косу вокруг головы. Твоя мама хотела стать переводчиком, ты знаешь. Я всегда удивлялся, как можно знать ещё два языка, а она — как можно знать название каждой кости в скелете. В общем, у нас были красивые взаимные чувства.

— Скажи честно, — перебила его я. — Хотела ли она детей? Я говорю о себе.

Отец вскинул голову, будто бы оскорбился.

— Как ты можешь о таком думать? Конечно, хотела! Мы ждали тебя вместе и планировали все заранее.

— Тогда почему она... ушла?

Я тяжело вздохнула, уже жалея, что спросила. Мама была для меня больной темой, и каждый раз, стоило мне глубоко задуматься о ней, я теряла контроль.

— Твоя мать была больна, Ева, — печально отозвался он. — И моя вина в том, что я понял это только тогда, когда было поздно. Но у меня все ещё есть ты. И если бы не моя маленькая девочка, то я с долей вероятности стал бы не психологом, а психом.

Я мягко улыбнулась, ощутив, как папа коснулся ладонью моих волос.

— Поменьше думай об этом, — добавил он, потянувшись за ножом для торта. — Думай о себе и разговаривай с окружающими о том, что тебя тревожит. Твоя мама молчала, поэтому никто не смог ей помочь. Если тебе кажется, что разговоры бесполезны, думай о тех, кому ты дорога. Кстати...

Отец поднялся со своего места, сгинул на несколько минут, но вскоре вернулся. В руках его я заметила небольшую бархатную коробочку, которую он с гордостью выставил на стол.

— Подарок? — поинтересовалась я. Тот кивнул, а затем распахнул крышку.

Вообще-то я не очень любила украшения, но это мне очень понравилось. На мягкой подушечке лежал кулон в виде аккуратного цветка с блестящим камнем в сердцевине. Он так сиял, что я была загипнотизирована его блеском. Но тут до меня дошло...

— Это же не стекло!

— Это бриллиант, — кивнул папа. — Который сияет так же, как ты, когда улыбаешься. Раньше я не мог наглядеться на свою жизнерадостную дочь.

— Не стоило так тратиться... — покачала головой я, почувствовав, как отец приложил украшение к моей шее. Я подняла волосы, чтобы проще было сомкнуть застежку, и пальцами осторожно коснулась бриллиантового цветка. Он моментально согрелся от моей кожи, и я взглянула в зеркало на свое отражение. Кажется, из-за сияния камня в моих глазах отразился блеск.

— Спасибо, — я попыталась как можно сильнее источать благодарность. — Очень красиво. Мне нравится. И еще...

Отец вскинул брови, прекратив жевать.

— Ты отпустишь меня отметить день рождения с друзьями? — уголок моего рта предательски дернулся. — На ночь...

— С Лесей и Женькой? — кажется, папа все-таки поверил мне.

— Да, с ними. Мы пойдем поедим роллы, а потом пойдем к Лесе.

— И Женька?

— Нет, — махнула рукой я. — Он отправится домой.

— Хорошо, — согласился тот. — Только не выключай телефон.

Я мысленно завизжала от восторга, но всем видом дала понять, что его согласие в порядке вещей.

К вечеру я готовилась довольно тщательно. В моей голове крутилось только слово «сюрприз». Никаких особенных указаний Артем мне не давал, поэтому одеваться вычурно я не стала. Правда, зачем-то надела новое белье, которое недавно купила к белому платью. Затем тщательно попыталась с помощью макияжа изобразить на лице красоту. Вышло неплохо. С прямыми волосами и подчеркнутыми скулами во мне четче обрисовывался намек на женственность. Я схватила сумку и, облачившись в верхнюю одежду, отправилась на улицу.

Естественно, никакие Леся с Женькой меня не ждали. Моим вторым домом была черная «ауди», которую Артем парковал во внутреннем дворе нашей высотки. Именно ее я отчаянно выискивала глазами. И каково было мое удивление, когда я ее не увидела. На секунду мне показалось, что парень вовсе не приехал, но все сомнения рассеялись, когда на мои глаза легли озябшие ладони.

— Хватит, — дурашливо простонала я, оборачиваясь.

Артем стоял передо мной с букетом белоснежных роз.

— С днем рожденья, — произнес он, наклонившись и поцеловав меня в губы. Вместе мы были всего ничего, а мне казалось, что прошла уже сотня лет.

— Спасибо, — я вежливо приняла цветы из его рук и огляделась по сторонам. — А где твоя машина?

— Она сломалась, — простонал Акиншев. — Мы доедем на общественном.

— Хорошо, — кивнула я, расправляя шарф. — А куда мы должны доехать?..

— Ко мне домой, — пожал плечами парень и бесцеремонно ухватил меня за руку.

21. Ева и важное решение

— Не открывай глаза, Ева!

Я сощурилась так сильно, как только могла, на своих плечах ощущая ладони Артема — он направлял меня, но я все равно умудрялась оступаться. К тому же в моих руках была огромная охапка роз, чей запах мне уже опостылел.

Сегодня мы были самой обычной влюбленной парочкой, которая вечером проехала на автобусе. И, честно, это ощущение нравилось мне больше, чем запах комфортного салона и весь из себя парень, сидящий рядом. Я находила очарование в нашей поездке и сочла это отчасти подарком судьбы: в вечернее время мест почти не было, поэтому мы стояли, держась за руки назло всем бабкам в котелкообразных шапках. Через три остановки Артем командовал выходить, и мы побрели по медленно отходящим от зимы улицам, не расцепляя рук. Я понятия не имела, где Акиншев живет, но знала, что не так далеко от меня. Будь то лето, нам хватило бы двадцати минут, чтобы дойти сюда пешком. Вскоре мы оказались у длинной новостройки в пять этажей — красиво отделанный дом с уютным двором и поистине царской детской площадкой был отделен от всего мира чугунным забором. Наше жилище с гипсокартонными стенами явно не шло ни в какое сравнение.

— Заходи, — радушно Артем отворил калитку магнитным ключом, и мы проскользнули мимо будки охранника.

— Уютно как... — оглядываясь по сторонам, не смогла скрыть восхищения я.

Акиншев улыбнулся так гордо, будто все здесь построил собственными руками.

Вскоре мы оказались возле одного из подъездов, а когда поднялись на третий этаж, парень внезапно попросил меня закрыть глаза. Вообще-то я никогда не любила сюрпризы и не удивилась бы, если бы он просто сбежал. Но сегодня я была принцессой, а не неудачницей, поэтому послушно кивнула и зажмурилась.

Парень перенял букет из моих рук и звякнул ключами.

«Что там будет?» — тревожно размышляла я, пока тот возился с замком. Признаться, это чувство неистово будоражило меня, заставляя ощущать покалывание в руках и ногах.

— Глаза пока не открывай, — я слышала только теплый голос и не могла понять, как продержусь хоть еще секунду, не взглянув на Артема. Мне даже казалось, что если открою глаза, то все рассыплется, словно карточный домик. Когда я успела стать такой? И неужели чувства действительно меняют человека?..

Лицом я ощутила тепло квартиры, в которую вошла, и приятный аромат дерева. Ладони юноши соскользнули с плеч, и заботливо он снял колючий шарф с моей шеи, пока я все еще была погружена во тьму.

— Мы дома, — довольно произнес Акиншев, кончиками пальцев дотрагиваясь до моей щеки. — Открывай глаза.

Я глубоко вдохнула, за долю секунды представив, что парень его достатка мог мне подарить.

Ева, вот норковая шуба. Носи, чтобы все видели, что твой парень богат. Ты же понимаешь, что должна соответствовать хотя бы моей машине?

Я хочу подарить тебе эти ключи от автомобиля. Сам «Геленваген» внизу, но, так как у тебя нет прав, к нему прилагается еще и этот водитель. Григорий, поздоровайтесь...

Вообще-то я долго думал над подарком, но все же решил, что лучшие друзья девушек —

это бриллианты. Поэтому кольцо с парой сотен камней будет таким тяжелым, что ты никуда от меня не сбежишь.

— Сюрприз! — выкрикнул Артем.

Сперва я не совсем понимала, что происходит, и только щурилась от яркого света, но затем до меня дошло...

— О, господи! Это же...

Юноша размахивал темной тканью над головой, а прямо на меня глядел некрупный желтопузый попугай с оранжевым гребешком. Существо было настолько милое, что я едва не улыбнулась до самых ушей — особенно в тот момент, когда птица постучала маленьким клювом о металлический прут клетки. Но... Все это было так сумбурно. В тот момент мне показалось, что даже Григорий (пусть и без машины) был бы уместнее.

— Это мне? — удивилась я, показав пальцем на попугая.

— Ну, да, — замялся юноша, запустив ладонь в темные волосы. Мне нравилось, как на нем смотрелась черная водолазка с горлом в сочетании с байковой рубашкой в черно-красную клетку. Казалось, так Артем выглядит свободнее, естественнее и привлекательнее. — Ты не любишь птиц?..

— Люблю, — замахала руками я. — Но просто это... живое существо. О нем надо заботиться.

— Давай помогу раздеться, — парень принял куртку из моих рук и повесил на крючок. Тем временем я сбросила обувь и ринулась ближе к попугаю, чья клетка стояла на комод в прихожей.

— Как он называется? — не отрываясь, я глядела в глаза-бусины.

— Корелла, кажется, — пожал плечами Артем. Затем его голос стал серьезнее. — Я знал, что мой брат подарил тебе кактус недавно. Думаю, ты хорошо ухаживаешь за ним, но ты не кактус, Ева... Ты птица.

Я растерянно взглянула на парня, который наклонился к клетке возле меня и окинул взглядом любопытного попугая. Мне нравился вид Акиншева в тот момент: вновь глаза стали задумчивыми, а расслабленное лицо выглядело спокойно и очень красиво. Ему не мешала даже легкая щетина, расползавшаяся от висков к подбородку.

— Если эта птица может летать, — подбадривающе кивнула я, — то я согласна принять твой подарок.

Артем улыбнулся, переведя взгляд на меня. Да так, что по коже поползли мурашки.

— Продавец сказал, что они еще и очень говорливы.

Пришло время насупиться, но показать обиду не получилось. Вместо этого я широко улыбнулась, демонстрируя неподдельное счастье. Мне хотелось, чтобы моя улыбка грела его...

Артем распрямился и с заметной неловкостью запустил ладонь в темные гладкие волосы. Сейчас он по-настоящему смущался, и от чуть заносчивого самоуверенного парня не осталось и следа. Наверное, мужчины никогда не взрослеют... Глядя на него, я опомнилась, осознав, что нахожусь в чужой квартире.

— Может... покажешь свой дом? — предложила я, изломив одну бровь.

Тот активно закивал и, приобняв меня за плечи, поволок за собой.

Квартира Артема была действительно очень большой. Особенно мне нравились рекреации — из прихожей в коридор вел широкий проем в виде арки. В гостиную попасть можно было через этот самый проход, а оттуда — прямо в просторную кухню. Все здесь

выглядело внушительно, дорого и очень красиво. Был даже электрический камин, который, к слову, Артем решил включить для уюта. В интерьере преобладали сливочные и кофейные тона, а деревянная отделка дарила желание возвращаться сюда вновь и вновь, особенно холодными вечерами. В принципе, все здесь мне было интересно, но больше всего хотелось попасть в святая святых...

Отец всегда говорил, что комната человека способна о нем многое рассказать. Особенно часто он вторил это, когда все в моем «логове» было вверх дном. Я не впускала солнце в комнату, предпочитая полумрак и холодный свет монитора, разбрасывала вещи, захламляла стол бумагой, собирала чашки на тумбочке... В общем, ничего сверхъестественного. Но он всегда был мною недоволен.

— Здесь я живу... — Артем сглотнул, толкнув витражную дверь, которая беззвучно отворилась передо мной. Я ступила во мрак помещения, ногами почувствовав ворс за пределами мягкого ковра. Это было моим первым приятным ощущением. Свет включился, и я чуть сощурилась: здесь лампочки горели ярче, чем во всей квартире.

Когда мои глаза привыкли, я окинула помещение взглядом, задерживая взгляд почти на каждой детали.

— Ева... — Акиншев указал в сторону кухни. — Я пойду, чай сделаю нам с тобой. Я торт купил. И... Ты, в общем, осмотришься.

Юноша моментально улизнул от меня. Стоило бы пойти следом, но мне очень хотелось узнать побольше об Артеме. Каждая вещь здесь была тропинкой к его душе. В глаза в первую очередь бросилась гитара: красивые изгибы инструмента и тонкие струны... Кому надо продать душу, чтобы научиться играть хоть на чем-то? Я вспомнила, как он рассказывал мне о себе во время знакомства, и не смогла скрыть улыбки. Затем я перевела взгляд на длинную полку, на которой, словно в пробке, в ряд стояли металлические копии настоящих машин. Мысленно я усмехнулась, подумав, что Артем все еще ребенок. Естественно, он не играет в них... но.

Медленно я прошла по периметру комнаты, кончиками пальцев дотрагиваясь до мебели и некоторых вещей. Сложно было поверить, что я пришла к кому-то в гости. Тем более к парню. Моему.

В тот момент отчего-то я ощутила странный порыв грусти. Казалось, что однажды все это закончится, растворится, словно никогда не существовало. Мы были очень разными. И дело было не в Артеме, а во мне самой. В себя я совсем не верила, чувствуя, что внутри вечная зима, которую невозможно прогнать. Но в то же время я была честна с собой — мне хотелось, чтобы чувство нежности к Артему замерло во мне навечно, хотелось погрузиться в него с головой, даже сойти с ума. Запах комнаты Акиншева, его вещи, он сам... Было даже неловко оттого, что я, сама не заметив, так безвозвратно влюбилась.

Через несколько минут Артем позвал меня на кухню. Никогда не пробовала чая вкуснее. Возможно, он стоил так же, как все чаи, что я пила, вместе взятые. Торт тоже был вкусный, несмотря на то, что свечек для меня не нашлось. Мы долго разговаривали, разглядывали попугая, дурачились и дразнили друг друга. И все это было забавно ровно до того момента, как я поскользнулась на паркете и наконец-то оказалась в объятиях Артема. От его прикосновений я всегда загоралась, как сухой лист. Вот и в тот момент лицо мое запылало — он держал меня так уверенно, так нагло и по-хозяйски, что мне стало неловко.

— Отпусти, — проямлила я, покрасневшись. Возможно, мне не хотелось, чтобы он этого делал, но чертово смущение говорило за меня.

— Я не хочу, — с нагловатой улыбкой отозвался тот.

Да, сущий ребенок.

Словно вещь, он закинул меня на плечо и, не реагируя на мои возмущения, затащил к себе в комнату. Спиною я ощутила мягкость кровати, но не успела вдохнуть и открыть глаза, как мой рот был накрыт поцелуем. Я едва слышно застонала от удовольствия, запустив ослабевшие пальцы Артему в волосы. Он был тяжелым, горячим и очень вкусно пах. Его язык соприкасался с моим, а ладони обхватили лицо так, что я почувствовала боль. Но вообще-то было все равно. У меня не было сил и желания сказать «нет». Я желала всего и сразу. Я хотела Артема.

— Сюда, — едва слышно произнесла я, переместив руку юноши на свою грудь. Едва его пальцы коснулись моего тела, вспышкой чувство разнеслось повсюду. От волнения у меня кружилась голова, а во рту пересохло.

Артем удивленно отстранился, а затем поинтересовался:

— Я... верно тебя понял?

Я могла только кивнуть головой, сильнее прижимая его ладонь к своей груди. Да, все это когда-то закончится. Я не смогу быть с ним вечно, и однажды Артем поймет это. Но я в состоянии оставить в своей памяти как можно больше прекрасных моментов. Мне хотелось заняться с ним сексом. Нет, хотелось, чтобы мой первый секс был именно с ним.

22. Ева и то, о чем не говорят взрослые

Если честно, то я никогда не воспринимала секс как что-то запрещенное, грязное и невероятно секретное. Возможно, потому по моему дому всегда были разбросаны книжки, в которых шла речь о либидо, коитусах, всевозможных половых комплексах и ориентациях. «Ты в курсе, что Фрейд был озабоченным извращенцем?» — однажды спросила меня девочка тринадцати лет, которая увидела в моей прихожей лекции по основам психоанализа. До сих пор жалею, что не упрекнула ее в том, что порно с трансвеститами смотрела как раз она, а не Фрейд.

Но дело в том, что все эти термины, поиски смысла и научные выводы не приближали меня к настоящему понятию секса. Я знала техническую сторону — даже то, что никакой пленки между ног не существует, — но совсем не могла представить, что в момент близости делать и уж тем более чувствовать. Наверное, я не очень внимательно читала «Большую энциклопедию для девочек», но больше склоняюсь к тому, что нужно быть готовой. Когда я ощутила мужское тело, накрывающее мое, то поняла, что время настало.

— Точно? — очередной уточняющий вопрос начал меня злить.

— Да, — уверенно закивала я. — Знаю, о чем прошу.

— Хорошо, — улыбка Артема была заметно спокойной.

Кончики его пальцев оказались под моей одеждой, а губы, горячие, чуть шершавые, прикипили к шее. Я завозилась от удовольствия, которое щекотало все тело. Не знаю, как вообще нечто такое можно описать: особенно взорваться я была готова от того, как языком он выписывал на моей коже круги. Инстинктивно я подалась вперед, запустив руку в волосы парня, а грудная клетка напряглась, едва его рука оказалась под чашечкой лифа. Подобное возбуждение я испытывала, представляя различные ситуации, но сейчас к этому удовольствию добавилось волнение и смятение.

Я слышала, как дышит Артем, обжигая горячим дыханием мое ухо. «Скольким девушкам он делал так приятно», — с болезненной ревностью подумала я, но тут же дернулась. Юноша нырнул ладонью под мою спину, отточенным движением расстегнул лифчик и поднял его вместе с кофтой. Грудь оказалось полностью обнаженной и незащищенной от его взгляда. Впервые кто-то видел меня вот так. От стыда сперло дыхание — мне хотелось закрыть глаза руками и забыть о своем существовании, но к животу волнами подступило тепло. С приятной наивностью губами Акиншев прильнул к соскам, бережно, но в то же время волнуяще целуя их и облизывая.

— Ты такая крохотная, — произнес он, до боли сжимая своей рукой мое запястье. — Такая прекрасная, такая волнующая...

— Ты... тоже, — не зная, что ответить, отозвалась я. — Только не крохотный. Совсем.

Юноша усмехнулся, окончательно стянув кофту и белье с моего тела, а затем небрежно бросил вещи на пол. В его жесте было что-то прекрасное, что завело меня еще больше.

— Артем... — тихо позвала его я и, едва юноша отозвался на мой зов, ухватила его лицо руками. Раз за разом меня накрывало безумие — так страстно я никогда еще не целовалась. Наши языки сплетались, я кусала его губы, вплеталась пальцами в волосы и хватала за плечи. Легкая щетина царапала меня, но это только раззадоривало и напоминало о том, что я здесь — с ним.

Папа, спасибо, что не промывал мозги с идеей хранить себя до свадьбы.

— Так... приятно... — сквозь поцелуй пробормотала я. Наша прелюдия длилась всего ничего, а я уже ощущала, как мое лоно увлажнилось. Ногами я ерзала туда-сюда, не в силах успокоиться. К лицу прилила кровь, поэтому казалось, что оно пылает. Как, впрочем, и все между ног.

Тем временем Артем приподнялся, сбросил свою рубашку и невероятно красивым движением, словно в модной рекламе, стянул черную водолазку. Его одежда соединилась с моей. По-моему, мы тоже скоро соединимся...

В темноте было плохо видно, поэтому я полностью доверяла своим ощущениям. Грудью я чувствовала чуть липкое от пота обнаженное тело, а кожей — горячее дыхание. И вновь звездопад поцелуев — от висков, по щекам, к шее и ниже. Едва горячие губы прикоснулись к моему животу, мышцы свело спазмом, и вновь я загорелась, проклиная собственное удовольствие. Артем спускался все ниже — его пальцы осторожно касались моих выступающих бедер. Я волновалась, что он сочтет меня слишком костлявой, и Акиншев будто прочел мои мысли.

— Как из мрамора высечена, — одухотворенно произнес он, вновь прикасаясь ко мне. — Ты прозрачная, словно не настоящая...

— Я настоящая! — несогласно заявила я, резко обхватив парня ногами и притянув к себе. Не знаю, зачем я это сделала, потому что тут же была готова провалиться прямо в ад: я ощутила плоть Артема, которая уперлось мне в ногу. Чтобы понять, что это член, не нужно быть академиком.

— Ты что-то разошлась, — съязвил он, потянувшись пальцами к пуговице на моих брюках. Они были довольно тонкими, и я хорошо ощущала его тепло. Страшно представить, что будет, когда он... снимет их.

Аккуратно Артем потянул брюки вниз, при этом окинув взглядом мои новые трусы. Клянусь, я надевала их не специально. У меня вообще не было планов полуголой лежать под Акиншевым и думать, что сейчас я сойду с ума от страсти. Все как-то получилось... само.

Вскоре парень разделся, и я поняла, что обнаженное тело, касающееся кожи — это что-то с чем-то. Наверное, я не почувствовала бы такой эйфории, не будь по уши влюблена. Одна лишь мысль о том, что это Артем, меня заводила до крайности. Его палец коснулся половых губ, хлюпнул и чуть провалился прямо в лоно.

Кто там говорил, что секс — это сплошное удовольствие?

— Черт! — прошептала я, рефлекторно отстранившись. — Это больно. Реально больно!

Артем вздохнул, а затем изрек с видом победителя:

— Я несколько раз спрашивал тебя...

— Я не отказываюсь... Просто. Аккуратнее, в общем.

Признаться, ощущение это так себе.

Через несколько минут благодаря опытным стараниям моего парня я уже не чувствовала тесноты и боли. Он вновь поднялся к моему лицу, покрывая его бесконечными поцелуями. В принципе, мне нечего было ждать или терять. В конце концов, с Артемом мы занялись сексом просто потому, что оба этого хотели: я бы не стала мучить его ожиданием, заставляя заслужить чертову вагину. Тогда я самой себе стала бы противна.

Плоть Артема была очень твердой и скользкой. Я нарочно отвернулась и чуть прикрыла глаза, чтобы случайно ничего не увидеть. Зато сам парень особенно не стеснялся — руками он раздвинул мои ноги и осторожно поцеловал каждое колено по очереди.

— Расслабься, — заявил он, — глубоко дыши и старайся не сжиматься.

Меня будто в космос запускают...

— Хорошо, — кивнула я, откинувшись головой на подушку. Запах незнакомого помещения, пота и духов напоминали какой-то сон. Я миллионы раз грезила о том, как это будет, но не представляла, что все так просто.

— Ева... — голос Артема стал убедительным и спокойным. — Я хочу, чтобы ты знала, что мои чувства к тебе настоящие, крепкие и...

— Пожалуйста, — прошептала я, чувствуя, как спина вновь покрывается испариной от удовольствия. — Сделай, что надо.

— Окей, — пожал плечами тот.

В общем, описать то, что произошло дальше, довольно сложно. Если однажды кто-то скажет вам, что первый секс — это умопомрачительно приятно, то гоните лжецов в шею. Мне было больно. Безумно больно, но потом... Ладно, можете извиниться перед этими людьми.

— Артем... — тихо выдала я, поймав ртом воздух. Мне стало хорошо. — Только медленнее.

— Я стараюсь, — склонив голову к моему уху, произнес парень.

Губами я прильнула к его щеке, крепко-крепко зажмурилась. Инстинктивно я хотела податься вперед, но боль все еще давала о себе знать, поэтому Артем действовал в одиночку. Я чувствовала его член внутри себя, слышала, как хлопает смазка, и видела полуоткрытый от удовольствия рот парня. Не совсем то, что я представляла, но оно стоило того. Особенно мне нравилось скользить пальцами по влажной спине Акиншева, ощущая липкость пота.

— Прости, — заявил он. — Мне тяжело терпеть...

Я послушно кивнула, позволив ему отстраниться, а через секунду ощутила, как обжигающие капли упали на мой живот.

— И за это тоже прости, — виновато добавил Артем.

Я наконец-то расслабилась, при этом ощущая, что ноги трясутся словно после марафона. Мне не было неприятно оттого, что парень кончил на живот, хотя скорее хотелось помыться. Еще парочка глубоких вдохов воскресили меня, и я поинтересовалась:

— Кровь есть?

— Немного, — отозвался Артем, по-хозяйски проведя пальцами по моим половым губам. Я вздрогнула от неугасшего удовольствия, а затем заныла:

— Оно засыхает, скорее вытри...

Акиншев исчез на пару секунд, а затем вернулся с бумажным полотенцем. Тем временем я написала папе смску, что все хорошо, и попыталась окончательно прийти в себя — говорят, такое не осознаешь сразу...

Остальные пару часов я провела словно в коматозе. Помню, как приняла душ, как надела чистую ароматную футболку Артема, босыми ногами прошлепала к клетке с попугаем и покормила птицу. Затем с Акиншевым мы жадно покурили и на двоих разделили последний кусок торта — он слизывал крем с моих пальцев, а затем вновь и вновь размазывал его по моим губам своими. Поцелуя слаще у меня никогда не было. Впрочем, как и вечера. Только удручало осознание того, что в ближайшие пару дней на задницу ровно я не сяду.

Около двух часов ночи мы отправились спать. Было славно, что ни я, ни Артем не любили ложиться раньше полуночи. Кровать казалась тесноватой для двоих, но в объятиях я забывала о любом неудобстве. Отныне все, чего я хотела — засыпать вот так каждый день.

— Мне всегда хорошо с тобой, — произнес Артем, накрыв мои глаза своей ладонью, — как никогда не было. Наверное, ты ведьма или вроде того...

— Ага, — усмехнулась я в ответ, положив свою руку сверху. Я находилась в полной темноте, и это обостряло мои ощущения — запах тела юноши вновь стал явным и пленительным, а его дыхание я слышала как собственное. — Если бы я была ведьмой, то наколдовала бы себе всякого и жила без проблем.

— Может быть, пока ты маленькая и слабая ведьма?

Я вздохнула, запрокинув голову так, что ладонь Акиншева сползла мне на лоб.

— Я просто... маленькая и слабая.

Он ничего не ответил. Я тоже продолжала молчать, пока не услышала тихое сопение под ухом. Приложив усилие, я поднялась, ощутив сдавливающую боль в бедрах. Почему никто не рассказывал мне, что это так, черт подери, больно?

— Артем... — мой шепот был едва слышен. — Ты спишь?

Парень забавно повел бровью, затем дернул уголком рта, но так ничего и не ответил. Гораздо лучше за него говорила высоко вздымающаяся грудь и размеренное дыхание.

Я грустно усмехнулась и легла ровно на спину, глазами сверля потолок. Потолки везде одинаковые, но только здесь, рядом с Артемом, я могу представить над собой звездное небо. Свои семнадцать лет я отметила так, как никогда раньше. Я действительно морально взрослела с каждым годом и теперь начала замечать это сама.

Похоже, мне впрямь пора меняться...

Есть ли жизнь после секса? Есть, конечно. Довольно странно глядеть на мир глазами человека, который знает, что находится «по ту сторону». Я не культивировала в себе девственность, но ее потеря все же сказалась на мне. Первые дни сомнений и легкой боли сменили дни еще большего желания. Я набрасывалась на Артема при встрече так, словно мы не виделись несколько дней. Кажется, его удивляло мое поведение, но улыбался он все равно как дурачок.

Папа, кажется, ничего не заметил. Я вообще-то не ожидала реакции — он бы заподозрил нечто неладное, если бы у девушек после дефлорации вырастал третий глаз на лбу. И то с вероятностью семьдесят процентов. Меня в тот момент больше беспокоил вопрос о том, что сказать насчет попугая, которого я назвала Стешей. Проворный и невероятно милый, он мог часами упоительно скакать и издавать нечленораздельные звуки. Донести клетку до дома мне помог заботливый даритель, а дальше отдуваться пришлось самой. Я, наверное, раза три придумывала убедительную речь...

— Ева, — изумленно произнес отец, когда увидел птицу, грызущую прутья своей решетки. Попугай стоял возле окна, где ему доставалось максимум солнечного света. — Что это?

На такой банальный вопрос хотелось ответить сарказмом, но я попыталась сгладить углы:

— Знаешь, папа, мне уже семнадцать...

— И?

— Я взрослею, и мне хочется о ком-то заботиться. Поэтому я скопила денег и купила Стешу себе на день рождения. Знаешь, у них были скидки для именинников в зоомагазине и вообще...

— Стеша, — вздохнул отец, глядя на птицу. Честно сказать, пернатых он не очень

любил. — Если это как-то поможет тебе в адаптации ко взрослой жизни, то я только за. Но попугай живой, и о нем нужно заботиться. Ты не забудешь об этом?

— Никак нет! — громко заявила я, шутливо отдав честь.

Папа улыбнулся, глядя на меня, а затем изрек:

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, только и всего. Для этого нужно иметь чувство меры. Ты отвечаешь за все свои поступки.

Он многозначно взглянул на клетку, а затем на меня.

— Кстати, как прошла ночевка у Леси?

Я активно закивала, а затем изрекла:

— Отлично. Давно так не отдыхала.

В плане эмоций папа всегда был проникательным человеком, однако стоило мне заулыбаться или как-то проявить позитивный настрой, он забывал обо всем и радовался, словно ребенок. Я знала: он боится, что я склонна к депрессиям, как моя мать.

— Я рад, — кивнул он. — Отдыхай.

На этом наша беседа по поводу Стеши и дня рождения закончилась. В общем-то, я ожидала адекватной реакции от отца и ее дождалась. С того самого дня моя жизнь потекла привычной чередой.

Быть честной, я не сразу решила рассказать обо всем Лесе. Около недели с таинственным видом я блуждала вокруг да около, изводя подругу. Хотя мне кажется, она и не думала, что я вот так запросто переспала с парнем — я же похожа на консервную банку, на которой даже ключа нет. К концу недели я все-таки решилась раскрыть главную тайну, но все обернулось не так, как я хотела...

— Эй, — я поймала Лесю за плечо в школьном коридоре перед первым уроком. День начался странно — она не написала мне ничего, хотя регулярно сообщала о том, как ненавидит утро. — Привет!

Леся резко обернулась, рассеянно взглянув на меня. Тут же она остановилась прямо посреди движущейся толпы и заправила за ухо прядь волос.

— Привет, — ее голос был тихим. Будто она говорила с кем-то другим.

— Давай отойдем, — настороженно порекомендовала я, отводя девушку в сторону. — С тобой все в порядке? Выглядишь не очень.

Леся впрямь была тусклой и нервной. Тут же она улыбнулась, и уголок ее рта предательски скривился, выдав ложь.

— Все нормально, — закивала Леся, вновь странно озираясь. В ее подрагивающей руке был с неистовой силой зажат мобильник. — Я сейчас на урок иду. Давай споемся минут через пятнадцать.

— Ладно, — отстранившись, согласилась я. — Как скажешь.

Правда, странности на этом не закончились. На литературе я сидела как изведенная: Алеся так и не ответила мне ни в одной из социальных сетей. Более того, она даже не была онлайн. И только странный статус, который та обновила десять часов назад:

«Почему взрослые никогда не говорят об этом?»

23. Ева и охота на «женатика»

Я в курсе, что нелегко вести вот такую двойную жизнь. Но Леся отлично справлялась после своего «каминг-аута». Мне даже польстило то, что она сделала это ради меня. Разве я могла хотеть чего-то большего? Наша дружба была прекрасной: ненавязчивой, самодостаточной, но в то же время теплой и откровенной. Естественно, в тот момент, когда Леся начала вести себя странно, я насторожилась. Порой я ни черта не понимаю, что происходит в ее голове, но это перешло все границы.

Если она пропала из сети, это не значит, что я вот так запросто дам ей пропасть из моей жизни!

После урока я сорвалась и, не списав задание с доски, ринулась на поиски подруги. Но к тому времени, как я добралась до класса, ее уже не было. Телефон был отключен, ответы на смс тоже не приходили.

— Женья! — крикнула я, едва заметила светлую голову, которая возвышалась над остальными. Парень обернулся, удивленно взглянув на меня. Я ухватила его за плечо и, оттащив к стене, попыталась отдышаться. Кажется, вокруг нас даже послышался шёпот.

— Леся... — прохрипела я, залившись кашлем.

— Что с ней? — Женька явно насторожился. Даже больше — весь он вытянулся, как струна, а ладони его нервно сжались в кулаки.

— Я не знаю, — от тревоги в моем голосе парень вовсе побелел. — Она вела себя странно утром. Телефон отключила, не отвечает. Пропала. Я... думаю, это что-то личное. Но она не захотела поделиться этим даже со мной.

Парень вздохнул, задумчиво сжав переносицу пальцами.

— Никогда бы не подумал, что буду переживать за эту двуличную...

Ну да, а совсем недавно умолял свести тебя с ней.

— Леся перестала притворяться. И вообще перестала делать многое. Возможно, у нее проблемы именно из-за этого...

— Эй! — громко Женька крикнул в спину какой-то девчонке. Видимо, та была из Лесиноного класса. — Где Алесья? Она была на первом уроке.

Та встрепенулась, а затем робко закивала головой. Я вздохнула и постаралась быть мягче, чем Скворцов:

— Извини, не подскажешь, где она сейчас?

Девочка расслабилась, вновь кивнула, а затем ответила:

— Отпросилась в начале перемены. У нее, кажется, живот болит...

— Спасибо, — в унисон ответили мы и переглянулись.

— Слушай, — Женька проводил взглядом девчонку и обратился ко мне, чуть расслабившись. — Может, у нее впрямь болит живот, и она просто пошла...

— Пошел ты, если не хочешь мне помогать! — прошипела сквозь зубы я. — Понимаю, что ты хочешь верить в лучшее, но, черт подери, ее статус...

Я достала телефон из кармана и начала судорожно искать нужную мне страницу, тыкая по экрану со скоростью, превышающую свет и звук одновременно. Я уже была готова зачитать строчку вслух, как закашляла от неожиданности.

— Дай посмотрю, — Женька перенял телефон из моих рук и тут же сдвинул брови, серьезно взглянув на меня.

Лесина страница была удалена.

Вдвоем мы поняли, что дела идут явно не очень. И если у Леси что-то болит, то это явно не живот.

— Слушай, — парень накинул ручки рюкзака на оба плеча, что намекало на его боевую готовность, — надо ее найти.

Капитан очевидность в Женьке жил и дышал. Я справилась с учащенным дыханием и ответила:

— Свалим с уроков?..

Вдвоем мы, словно преступники, поглядели по сторонам и ринулись в сторону раздевалки без капли сомнений.

Одевались мы буквально на бегу — Женька даже шапку напялил задом наперед, и я могла лицезреть привычную надпись на его затылке вместо лба. Я бы усмехнулась. Нет, даже рассмеялась. Но в тот момент нам обоим было вовсе не до шуток. За то время, что я общалась с Лесей, я успела достаточно ее узнать. На проблемы в семье или учебе она всегда жаловалась с упоением и страстью. Случилось что-то действительно серьезное, если она молчала и лишь кривила улыбку. Женьку эта ситуация тоже озадачила. Я все еще не понимала его отношения к бывшему объекту страсти, но все нынешние порывы казались мне искренними. Он так бежал, что я едва поспевала, хотя мы оба не знали, куда идти.

— Постой, пожалуйста! — запыхавшись, я дернула парня за рюкзак, и тот чуть не рухнул в лужу.

— Нам надо ее найти! — прошипел Скворцов.

— Где? У тебя радар в голову встроен? Я даже не знаю, куда она могла деться!

Он потупился и кивнул, а я сделала глубокий вдох, почувствовав прохладный воздух апрельского утра. В первую очередь нужно было успокоиться. Мы добрались до небольшой платной парковки, и я достала из кармана пачку сигарет. Вообще-то в моих планах было хорошо расслабиться в ближайшие две минуты, но не успело пламя встретиться с сигаретой, как я заметила кое-что странное. Один из автомобилей оказался мне знаком: серебристая иномарка с номерами, которые я много раз видела на фото. На Лесиных старых фото, которые она показывала мне по большому секрету. Понятия не имею, как я смогла запомнить, но, без сомнений, это был тот самый тип.

— Пригнись! — скомандовала я, едва заметила, что дверь машины отворилась. Женька не смог тщательно спрятаться из-за роста, поэтому я надавила на его голову, чтобы тот совсем скрылся.

— Со времен дворовых войн ты все еще хороша в засадах, — ухмыльнулся тот. — Кстати, зачем мы прячемся?

Я сдула со лба прядь волос, затянула потуже шнурки на ботинках и ответила:

— Это машина мужика, который преследовал Лесю. Она порвала с ним, но он все равно писал ей очень долго. Он, это... — я попыталась вспомнить слово, которая та употребила, — «женатик», вот!

— «Женатик»... — задумчиво повторил парень. — Твоя подруга умеет выбирать мужчин.

— Между прочим, она и твоя подруга, — огрызнулась я.

Женька вздохнул и припал лбом к корпусу «приоры», за которой мы прятались.

— Она не моя... — начал было он, как внезапно из иномарки вышел тот самый мужчина. Я толкнула парня в бок, и он высунул голову следом за мной.

В этом «женатике» не было ничего, что могло сделать его привлекательным. Разве что деньги. Правда, Леся говорила, что он был учтив, относился к ней как ко взрослой и всячески баловал. В принципе, ничего удивительного, что она пошла у него на поводу. Но хорошо то, что хорошо кончается. Или... пока нет?

Мужчина закурил, облокотившись на бампер своей машины, однако через несколько секунд он протянул пачку сигарет в приоткрывшееся окно. Оттуда повалил сигаретный дым, а затем показалась девичья рука, стряхивающая пепел.

— Леся! — одновременно прошептали мы с явным удивлением.

Это точно была она. Руку с массивным кольцом на тонком пальчике нельзя спутать с чьей-то иной. В конце концов, мы вместе выбирали перстень.

— Что думаешь? — поинтересовалась я.

Лицо парня как-то странно осунулось. Он сплюнул на землю и ответил:

— Скорее всего, она к нему вернулась. Не знаю, чего мы тут вообще теряем...

Я тревожно взглянула в сторону автомобиля. «Женатик» все еще курил, в то время как Леся бросила свою сигарету. Что между ними двумя?.. Я была на миллион процентов уверена, что она не вернется к нему. И уверена до сих пор.

Они разговаривали о чем-то, но внезапно моя подруга распахнула дверь автомобиля и вышла из салона. Было не слышно, о чем они так эмоционально беседуют, но лицо мужчины явно исказилось от злости. Он швырнул свою сигарету на землю и ухватил девушку за руки так, что она вскрикнула. Женька дернулся, однако я остановила его, заставив ждать. Это было немного подло, но мы не могли выступить слишком рано, не разобравшись в происходящем.

Леся отняла свои руки и начала что-то выкрикивать, активно жестикулируя. Затем она совсем разозлилась и стукнула мыском сапога прямо по колесу машины. «Женатик» вновь хватал ее, о чем-то спорил, тянул и кричал. И все это было похоже на обычную ссору пары, если бы не одно «но»...

Едва это случилось, наши с Женькой глаза округлились, а рты открылись от неожиданности: мужчина занес руку, а затем наотмашь ударил Лесю по щеке так, что та отлетела спиной к автомобилю.

Я всегда тормозила в таких ситуациях и еще пару секунд сидела парализованная, в то время как Женька мгновенно выбежал из укрытия и рванул к месту происшествия.

— Иди сюда, мерзкий ублюдок! — со всей яростью заорал он.

Я выскочила следом и поймала растерянный взгляд Алеси, прижимающей ладонь к покрасневшей щеке.

Вроде бы «женатик» хотел ухмыльнуться, но у него не было и половины секунды. Со всей дури Женька ударил того кулаком в лицо. Я ухватила подругу за плечо, пытаюсь оттащить от автомобиля, но она стояла, словно каменная. Через силу я смогла увести ее на пару шагов назад, и уже вместе мы наблюдали за тем, как Лесин бывший пытается сопротивляться.

— Ты хоть знаешь, кто я? — заорал он, утерев кровь с носа. На парковке начали собираться зеваки. — И знаешь, что я могу сделать с тобой?

— Вряд ли то, что я с вами, — переполненный гневом, прошипел Женька и вновь ударил мужчину.

Я закашляла, почувствовав рвотные позывы от запаха крови.

— Рыжие шлюшки и молокососы — твой новый уровень, милая? — поинтересовался

тот, скривив уголок разбитого рта.

— Я не вернусь, — спокойно ответила Леся, сжав мою холодную руку.

Я немедленно осознала, что необходимо сделать в данной ситуации, и достала мобильный из кармана, начав незаметную съемку. Вместе с подругой мы отступили еще на пару шагов.

— Вы преследовали ее! — выкрикнула я, пытаюсь спровоцировать «женатика». Тот ощетинился и тут же усмехнулся.

— Нет, я давал ей шансы. Шансы жить так, как она никогда не сможет...

— Втроем? — горько усмехнулась Леся. — С твоей женой?

— При чем тут она?

— А разве не при чем? Ты женат, Олег! У тебя есть сын.

— И чем они мешают тебе?

Последняя реплика совсем разъярила Женьку, но Леся дернулась вперед, встав между ними двумя. Она расставила руки по сторонам, чтобы избежать драки, и с уверенностью в голосе проговорила своему бывшему:

— Я не вернусь. И никакой шантаж, никакие съемки видеорегистратора и даже это, — она указала на пылающий след на своей щеке, — не заставит меня снова быть с тобой. Мне плевать, даже если родители узнают, что их дочь трахалась с мужиком, который годится ей в отцы. Я не дам тебе испортить мою жизнь!

— Вот так, — мужчина прислонился к двери машины и вновь закурил. Кажется, его начали смущать зеваки, которые то и дело тянули шеи, проходя мимо. Он не мог продолжать свое наступление, как бы ни хотел.

Словно плевком на прощание, он заметил:

— Жаль, что ты считаешь себя единственной, кто мне нужен...

Леся отступила, разочарованно покачав головой.

— Таких шлюх, как ты, я поймею еще сотни, — продолжил он. — А то и тысячи.

Я решила, что достаточно, и остановила запись на телефоне. А затем приблизилась к Женьке, чтобы быть в безопасности.

— Вы слишком разозлились, — произнесла я, аккуратно демонстрируя телефон. Скворцов понял, в чем дело, и тут же прикрыл меня от нападок. — У нас тоже есть, что показать вашей жене.

«Женатик» закашлял, выронил сигарету из рук и поинтересовался:

— Ты что, записывала?

Я молча кивнула, и в тот же момент мужчина рванул ко мне, пугая своим разъяренным побитым лицом. Правда, Женька мгновенно скрутил его, опустив щекой на холодный багажник, но я успела немного струсить.

— Слушай, милый, — осмелев, заговорила Леся, приблизившись к своему бывшему. — Ты сотрешь все эти видео, все совместные фото и, заодно, меня из своей памяти. И если мои родители все-таки узнают о том, кто ты такой и как мы связаны, то об этом узнает и твоя жена.

Для уверенности я кивнула и запустила видео, которое успела снять.

— Ты должна это стереть! — сквозь зубы прошипел «женатик».

— А вы должны отстать от Леси, — заявила я, поднимая телефон выше над головой. Все реплики были слышны прекрасно, а качество съемки позволяло без труда разглядеть на экране эту гадкую физиономию даже с кровоподтеками.

Папа, спасибо за такой крутой мобильник.

— Уговор, — приняв поражение, произнес тот.

— Слушаем, — с важностью отозвался Женька, ослабляя хватку.

Мужчина смог оторваться от машины, а затем потер запястья и отряхнулся.

— От меня не будет звонков или встреч. Я не стану ничего писать или как-то угрожать Алесе.

— Мы в свою очередь пообещаем, — заверила подруга, скрестив руки на груди, — что это видео никто не увидит. Знаешь, я думаю, после него ты сможешь стать знаменитым на «Ютубе», но боюсь, что твоя жена поставит дизлайк. Поэтому давай пообещаем друг другу стереть тот компромат, что у нас есть друг на друга.

«Женатик» согласно кивнул, а затем, кровью сплюнув на землю, отворил дверь своей машины. И напоследок, будто издеваясь, добавил:

— Ты смиришься с тем, что позвонить будет некому, когда тебе понадобится помощь?

— Она позвонит мне, — кивнул Женька, поторапливая мужчину.

— Щенок, — брезгливо сплюнул тот и на прощание хлопнул дверью.

После этого втроем мы громко выдохнули. Чувство облегчения опьяняло, и чем дальше серебристая иномарка отъезжала от парковки, тем легче было дышать. Но длилась наша эйфория недолго. Я тут же вспомнила все Лесины косяки и принялась пытаться подругу вопросами.

— Что, черт подери, заставило тебя так поступить? — в гневе поинтересовалась я.

Мы шлепали по лужам, растекшимся по асфальту, в направлении городского парка. Алеся была заметно смущена, но крылья ее носа все-таки возмущенно подергивались.

— Как?

— Удалить страницу, отмалчиваться, — пожал плечами Скворцов.

— Потому что я не хотела никого впутывать в это дело. Знаете, вам кажется, что это просто какой-то мужик, но Олег довольно хитрый и расчетливый...

Завидев свободную сухую скамейку, Женька с расстояния бросил на нее свой рюкзак, а затем расселся, ожидая нерасторопных нас.

— Расскажи все сначала, — попросил парень. Их взгляды с Лесей встретились, и она тут же горделиво фыркнула.

— Он тебя спас, — с упреком добавила я, опустившись рядом со Скворцовым.

Алеся бросила свою сумку, а сама, сложив руки на груди, начала расхаживать перед нами, не зная, с чего начать.

— В общем, с Олегом у меня были отношения. Давно. И я виновата сама. Соврала ему с возрастом, все такое... Но!

Девушка со злостью пнула камень, который с хлопаньем отлетел в лужу.

— Он тоже мне врал. Говорил, что свободен, а сам оказался «женатиком».

Из-за последнего слова Женька начал странно хихикать, но я саданула его локтем в плечо. Парень мигом заткнулся и сделал серьезный вид.

— Семья, сын, все дела... — рассуждала Леся, маяча перед глазами туда-сюда. — Я поставила точку в наших отношениях, но получилась какая-то запятая. Мы общались, потом снова не общались... В общем, когда я решительно заявила, что больше ничего не хочу, он начал меня шантажировать. И при этом задел за живое. Мне все равно на одноклассников, каких-то знакомых, но родители, черт подери...

— Он им угрожал, — задала наводящий вопрос я.

— Нет, — отозвалась та. — Угрожал он мне. Говорил, что отправит все материалы с видеорежиссера. Там прекрасно слышны все мои истории, как божий день ясно, что я курю, а про потрясающе возбуждающие стоны вообще молчу. У импотента встанет.

Глаза Женьки округлились, и он тут же, не сдержавшись, залился кашлем.

— Что? — с вызовом поинтересовалась Леся, прикуривая. Я пожала плечами в ответ, последовав ее примеру.

Скворцов закашлял еще больше и отсел от нас на другой край скамейки.

— Ты спас ее от шантажиста, — с гордостью изрекла я, похлопав парня по плечу. Тот только скорчил гримасу отвращения и отвернулся, невзначай продемонстрировав алую ссадину.

— О, у меня пластырь есть, — воскликнула Леся и, покопавшись пару минут в своей сумочке, отыскала небольшую коробку. — Давай приклею.

— Не надо! — начал отмахиваться Женька. — У тебя руки прокуренные.

— Ну, хватит, — звонко смеялась та, пытаясь присобачить пластырь на щеку Скворцова. В этом смехе я слышала облегчение.

Было приятно наблюдать за этой парочкой: они смотрелись очень органично. Мне казалось, лицо парня меняется, когда что-то касается Алеси. И подруга тоже меняется, превращаясь в самую настоящую себя.

Внезапно мои мысли перебил звук сообщения. Я тут же взглянула на экран телефона и мягко улыбнулась. Весь мир отошел на задний план.

«Пойдешь со мной на встречу выпускников?» — вопрошал Артем.

«Пойду» — без промедления написала ответ я, а затем вновь отвлеклась на Лесю.

— Кстати, твой статус... О чем же «не говорят взрослые?»

Женька перестал сопротивляться и замер, с интересом уставившись на девушку. Та печально улыбнулась и ответила без раздумий:

— О том, что нужно учиться сопротивляться. Это важно. Мне так кажется...

И тут же она вклеила пластырь на щеку заслушавшемуся Женьке.

«Сопротивляться?» — подумала я, но тут же мне вновь пришло сообщение:

«Уверен, ты понравишься всем моим друзьям».

24. Ева и рушащийся мост

Когда-то я читала журналы для девочек. Мне нравился запах типографской краски и прикосновения к глянцевым страницам, с которых на меня смотрели недостижимые вещи. Папа никогда не жалел денег, если что-то радовало меня, и свежие номера изданий появлялись каждый месяц. До дыр я зачитывала статьи об отношениях, представляя, что когда-то мне все это пригодится. Затем надежда угасла и все слова, написанные безымянными взрослыми женщинами, стали для меня пустыми фразами. Зато сейчас настало время вспомнить все, о чем там говорилось.

Если ты по-настоящему нравишься мальчику, то он познакомит тебя с друзьями.

И, да. Это оно! Чертово сообщение с приглашением на встречу выпускников. Естественно, я согласилась, уже мысленно знакомясь со всеми товарищами своего парня. Правда, Артем остудил мой пыл. «Не сказать, что я хорошо дружил со всеми. Это так... скорее одноклассники», — заверил он. Но мне, вообще-то, было все равно — хоть кармические братья, хоть заклятые враги. Для меня было значимым лишь то, что он хотел сказать обо мне миру.

Ты важна для него, Ева! По-настоящему важна.

Попугай, сидевший в открытой клетке, просвистел что-то на своем инопланетном языке. Я так носилась по комнате, что бедная птица боялась выйти из укрытия. Стоя у зеркала, поочередно прикладывала к телу то одно платье, то другое, понятия не имея, что из них выбрать. Оба казались неуместными.

Признаться, все эти приятности в виде доверия и подобного перекрывала моя нервозность. Да, мы с моим парнем идем на его встречу выпускников. Да, я иду в качестве девушки Артема и познакомлюсь со всеми его одноклассниками. Только я не учла одного: это — не сказка. Тыква не превращается в карету, мыши — в коней, а Ева — в принцессу. Да, именно, я все еще была той самой рыжеволосой девушкой с хмурым взглядом, лицом, забрызганным бледными веснушками, и упрямо поджатым ртом.

Господи, что он во мне нашел?

До той самой встречи оставалось еще несколько часов, а я так и не знала, что делать. И если бы принц на некоторое время не притворился феей, то я села бы в лужу вместе со своей привлекательностью.

Телефон заставил меня вздрогнуть от неожиданной вибрации. Я простонала и взяла трубку, постаравшись сделать свой голос как можно доброжелательнее.

— Собираюсь.

— Так рано? — произнес Артем. Видимо, он удивился.

Кажется, я начала мысленно собираться, еще когда сидела на занятиях в школе.

— Ну-у... — слукавив, протянула я, — просто думаю, что надеть.

— Хочу поскорее увидеть тебя в платье, — нетерпеливо добавил собеседник.

Я вспыхнула:

— С чего ты взял, что это будет платье?

— Потому что я уже купил его. Заеду в половине шестого. Нарисуй себе лицо покрасивее, и не придавай происходящему большого значения.

— Ты купил мне платье? — единственное, что интересовало меня, однако Артем уже бросил трубку. Он всегда так поступал, когда я собиралась атаковать его расспросами или

негодованием.

В общем, пары часов мне вполне хватило, чтобы превратить сонную бледную физиономию во что-то симпатичное. Выпрямленные волосы блестели, придавая моему лицу совершенно иной вид: я будто похорошела баллов на пятьдесят из ста. Понятия не имею, видела ли себя вообще хоть раз такой. Акиншев точно не видел, иначе не удивился бы так сильно.

— Ева... — полупшепотом произнес он, едва я отворила дверь. Я понравилась ему. Определенно понравилась. Правда, горделивый парень сделал все возможное, чтобы этого не выдать. — Я же просил нарисовать лицо покрасивее, а не другую девушку.

— Прости, — отшутилась в ответ я. — Сегодня ей придется идти с тобой.

Артем подтащил меня к себе и, даже не закрыв входную дверь, приник губами к моим. Я наслаждалась поцелуем три секунды, ровно до тех пор пока не вспомнила, что пользовалась помадой.

— А, черт...

Пришлось инстинктивно отстраниться и тут же броситься к зеркалу, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Я съел твои губы? — невинно поинтересовался Артем, протягивая мне крупный бумажный пакет.

— Я бы позволила съесть не только их, — отозвалась я, краешком пальца стирая размазанную помаду, — но скоро придет мой папа.

— И нам вообще не до этого, — понимающе добавил парень. — Это то платье, которое я купил. Кстати, где твой отец?

Я переняла пакет из рук Артема и, обняв его, холодного и ароматного, шепнула на ухо:

— Ушел решать проблемы со своей лицензией психиатра.

— Надеюсь, — отозвался Акиншев, лизнув мою щеку, — его скилл по промыванию мозгов пригодится, чтобы пробить бюрократическую машину.

Я усмехнулась, кивнула и заглянула в пакет. Его дно устилала матовая тонкая ткань. Я коснулась ее рукой, ощутив нежность натурального шифона. Тут же я нырнула на кухню и, не тратя время, сбросила с себя всю одежду, чтобы облачиться в наряд. Я еще не смотрелась в зеркало, но уже ощущала себя настоящей герцогиней тьмы.

— Черное, серьезно? — поинтересовалась я, выйдя на обозрение. Артем расстегнул куртку и сполз на пол в ожидании. Взглядом он скользнул по моему телу, от самых неприкрытых щиколоток до горящих глаз — от этого стало даже немного не по себе. Да, отдаваться страсти дело одно, но такое откровенное глаzenie...

— Хороним мое школьное прошлое. Надеюсь, этих людей я никогда больше не увижу.

Стеша заверещал из комнаты, будто подтверждая его слова.

Я провела ладонью по плечу, желая еще раз убедиться, как прекрасна ткань. Темное платье с шифоновыми рукавами и закрытым горлом казалось немного старомодным, но в то же время оно было явно мне к лицу. По душе пришлась и его длина: колени почти закрыты и видны лишь через тонкую полоску идеально-черного кружева.

— Ты прекрасна, — улыбнулся Артем.

Стоит ли говорить, что его улыбка для меня дороже всего, что я имею?

К месту встречи мы прибыли как раз вовремя. Артем пояснил, что главная зачинщица мероприятия — бывшая староста — не пожалела денег на то, чтобы собрать всех вместе. Без

умолку он болтал о школьных годах, которые казались ему необыкновенно далекими, и людях, с которыми он когда-то сидел в одном кабинете. Лично я плохо знала своих одноклассников, что совсем не удивительно: за десять лет я сменила несколько школ, и каждый раз запоминать всех было все утомительнее и утомительнее. А судя по тому, что Артем всю жизнь учился в частной школе, где в классе было не больше пятнадцати человек, сильно напрягать память ему не пришлось.

— Приехали, — произнес Акиншев, глазами выискивая место для парковки.

Я окинула взглядом одиозное застекленное здание, мимо которого как-то проезжала на автобусе. Здесь располагалось нечто вроде местного клуба, где критерием отбора была материальная состоятельность.

Тем временем Артем заглушил авто и серьезно взглянул на меня. Я приподняла брови в ответ: мне не нравилось то, как он смотрит. Неудивительно, что за этим последовало предупреждение, которое из его уст звучало вполне серьезно:

— Не придавай всему большое значение. Эта встреча — фарс. Поешь, выпей, держись рядом. Постарайся никому о себе не рассказывать...

— Мы как парочка спецагентов, — подбодрила парня я, и тот расслабленно выдохнул. Его губы тронула улыбка, а ладонь потянулась к моей щеке. Я лукаво улыбнулась и добавила: — Только не щипайся.

— А если ущипну? — дерзко выпалил он и уже потянулся к моим губам, как краем глаза заметил машину, которая пыталась заехать на парковку. Артем замер, отстранился, а затем произнес, словно мы отправлялись на расстрел: — Пойдем.

Я выскользнула из автомобиля и хлопнула дверью так, что удостоилась взгляда, внушающего вину. Акиншев явно нервничал. По пути он рассказывал мне, что многие одноклассники свалили в Москву насиживать приплаченные места в тамошних универсах, кто-то отправился за границу и только единицы вроде него остались здесь. В Артеме мне нравилось то, что он не был азартен и тщеславен — довольствовался тем, что ему нравилось, не повышал стандарты из чувства гордости, не гнался за мнимым успехом. Мне была по нраву эта его легкая апатичность, которая сочеталась с моей. Возможно, поэтому мы и сошлись.

Через несколько минут мы оказались в помещении, обставленном по-мещански пошло. Золотистые шторы и люстры странной формы, совершенно не сочетающиеся с интерьером, забавляли и раздражали одновременно. Как оказалось, кроме клуба здесь располагались отель и ресторан. Наивно было полагать, что такое внушительное здание отдано под одни лишь танцульки.

Раздевшись и миновав консьержку, на лифте мы поднялись на третий этаж. Зуб даю, что руки Артема подрагивали, когда он зажимал кнопку. Я кинула мимолетный взгляд в зеркало и едва не замурчала от удовольствия — мне казалось, что мы очень сочетаемся. Особенно в данный момент: его алая бабочка была в тон моих губ и подошв неудобных «лодочек». Судя по дресс-коду и месту, эта самая староста любила разгуляться.

— Удачи, — улыбнулся парень, потрепав меня по волосам. Я дернулась, прямым взглядом напоминая ему о собственной прическе. Он тут же махнул рукой и только хотел сказать что-то еще, как двери лифта отворились. Мы оказались на этаже, где нас, наверное, уже ждали.

По сути, в мероприятии не было ничего страшного, но моя ладонь отчего-то вспотела. Акиншев почувствовал это, сжав пальцы так, что стало немного больно. Наверное, он хотел

меня успокоить, но вышло как всегда.

В полутемном зале играла какая-то популярная музыка, по правую сторону стояло несколько фуршетных столов, а слева небольшие диваны занимали люди, чьих лиц издали было не разглядеть. С неловкостью Артем махнул рукой присутствующим, а я ухватила его за рукав темно-синей рубашки.

— Акиншев! — закричал кто-то из самой темноты. Сорвавшись, к нам ринулся парень, ростом, клянусь, едва выше меня. Коротко стриженный, в белой рубашке и со стаканом виски в руке, он явно пытался выглядеть солидно.

— Дугин! — воскликнул в ответ мой парень, и они тут же обнялись. — Не думал, что тебя сюда занесет.

— От Москвы всего три часа. Тем более, попробуй отказать Полине. Ты-то знаешь...

С лукавой улыбкой одноклассник ширнул Артема в бок, из-за чего тот неловко заулыбался.

— Ну, хватит, — отмахнулся он. — Как веселье?

— Сойдет, — отозвался Дугин, демонстрируя стакан в своей руке. — Правда, наш организатор так и не прибыла. Ну и ладно. Представишь свою спутницу?

— Меня зовут Ева, — отозвалась я, переминаясь с одной ноги на другую. Колодки туфель были слишком узкими и неудобными, ведь я надевала их всего пару раз в жизни.

— Александр, — с бравадой заявил мой собеседник и в шутку поклонился, из-за чего немного алкоголя вылилось из его стакана. Кажется, он уже перебрал.

Внезапно со всех сторон к нам начали подходить люди. Артем здоровался со всеми, с кем-то обнимался, знакомился со спутниками и спутницами, а затем снова и снова представлял меня. И, похоже, людям я нравилась. «Хорошенькая,» — шепнула одна из девушек на ухо своей подруге. «Они смотрятся,» — закивала другая.

Далее началась оживленная беседа о незнакомых мне людях. Я успела опрокинуть два бокала с вином, которые вскоре погнали меня в туалет. Шепнув Артему, что скоро вернусь, я зацокала в сторону двери с табличкой в виде схематичной девушки. Ничего особенного не случилось. Здесь скорее было скучно, чем неприятно, и Артем зря запугивал нас обоих.

После того, как я, чуть покачиваясь от выпитого, оправала платье и нажала кнопку спуска, возле раковин раздались шаги. Я откашлялась, сделала важный вид и двинулась к зеркалу. Спिनной ко мне стояла высокая девушка с каштановыми, чуть волнистыми волосами, достающими до середины спины. В отражении я видела ее лицо — миловидное, с аккуратным макияжем, который она поправляла с помощью пудры. Незнакомка тоже заметила меня, но сделала вид, что слишком занята. Я тоже не стала тратить время на разглядывание и просто сполоснула руки. И все между нами могло бы так и закончиться, если бы та не заговорила первая.

— Красивое платье. Похоже на зимнюю линейку вечерних от Дороти*.

— Так и есть, — кивнула я, вспомнив надпись на этикетке.

— Не помню, чтобы ты училась с нами, — продолжила девушка. — Как тебя зовут?

— Ева, — отозвалась я, демонстративно поправляя волосы. Я старалась держаться наравне. — Мы никогда не учились вместе. Я пришла сюда со своим парнем.

— Полина, — наконец-то представилась девушка. Ее выговор был очень странным: она говорила по-русски с английским акцентом, будто бы даже нарочно. Ее макияж дополнился матовой помадой, и она вновь взглянула на меня. Во второй раз. — С кем? Хотя, нет, не говори. Интересно угадать, в чьем ты вкусе...

Ее слова звучали совершенно спокойно и серьезно, без издевки и прочего ехидства. Этим она напрягала меня; было сложно понять, доброжелательна она или нет.

— Хорошо, — с таким же спокойствием произнесла я. — Кстати, у тебя тоже красивое платье.

Я не льстила и не лгала. Темно-синее, любимого цвета Артема, оно хорошо подчеркивало достоинства ее фигуры и вообще смотрелось стильно.

— Я знаю, — кивнула Полина. А затем добавила. — Ты, наверное, девушка Дугина. Не обижайся, но по росту вы самое то.

— Не обидно, — произнесла я, предательски поджав губы. — И я не его девушка.

Полина сложила руки на груди, спиной откинувшись на раковину. Я бы хотела пойти, но она будто не давала мне этого сделать.

— Ромашов?

— Нет.

— Кирсанов?

— Нет.

Идеально подпиленными ногтями с французским маникюром она постукивала по фаянсу раковины. Видимо, собралась перечислять всех, кто присутствовал.

— Извини, — пожалала плечами я, резко направившись к двери. — Меня ждут.

— Лобин, — в последний раз произнесла она, но я тут же хлопнула дверью, давая знать, что беседу продолжать бессмысленно.

Через минуту я вернулась к Артему, окруженному вниманием. Одной рукой я вцепилась в его локоть, другой в очередной бокал вина.

— Все в порядке? — поинтересовался он.

Я кивнула в ответ и поспешила сообщить:

— Кажется, эта ваша староста наконец-то приехала. Мы встретились в туалете. Полина, так?

Акиншев звучно сглотнул и наклонился к моему уху:

— О чем вы говорили?

— О платьях, — наивно отозвалась я.

Парень усмехнулся и добавил, обращаясь, будто не ко мне:

— Не думаю, что платья, это первое, что ее интересует...

— А что тогда? — таким же шепотом поинтересовалась я, следом сделав очередной глоток вина.

Парень ухватил мой бокал и тут же залпом осушил его. Я хотела возмутиться, но внезапно все взгляды метнулись ко входу. Новая знакомая не заставила себя ждать, прицокав на своих высоких каблуках вслед за мной.

— О, Полина, — выкрикнула одна из девушек, и тут же толпа ринулась к ней.

— Пробки были, — отмахнулась староста на вопрос об опоздании. Она сдула со лба прядь волос и направила взгляд прямо на нас, проигнорировав всех, кто был так рад ей. Тут-то и произошло нечто странное: глаза девушки расширились, идеальные брови потянулись к переносице, а рот приобрел кривой излом. Кажется, ее что-то удивило, причем не самым приятным образом. Отмахнувшись от одноклассниц, она гордо прошагала прямо к нам, все это время не отводя взгляда. Я хотела было спрятаться за Артема, но вспомнила о собственном достоинстве.

Внезапно выражение лица Полины резко изменилось. Она сладко улыбнулась нам...

Нет. Не нам. Артему.

...и остановилась прямо напротив.

— Привет, — поздоровался мой парень. — Давно не виделись. Как Флорида?

— Солнечно, — кивнула Полина. Ее акцент стал еще более заметным, чем при нашей первой встрече. — А как твои дела? Наладил личную жизнь?

Второй вопрос явно касался меня.

— Как видишь, — кивнул Акиншев.

Девушка изобразила полуулыбку и кивнула в ответ, как внезапно все ее внимание забрали татуировки на руках Артема — от жары он закатал рукава рубашки, ненароком обнажив рыбок.

— Когда успел? — восхищенно произнесла она, ухватив Артема за руку. Едва ее ладонь коснулась кожи, парень вздрогнул и замер, словно его парализовали. Мне не нравилось все происходящее, однако остальные отнеслись к этой встрече с крайним любопытством — вокруг нас собрался заметный круг.

— Сразу после школы, — отозвался тот. — Мне кажется, твоего внимания требуют другие...

— Как всегда, — вновь наигранно улыбнулась Полина. — Отдыхайте...

После того, как девушка отчалила, мы скрылись в темноте, на алом диване в самой глубине помещения. Голова кружилась от выпитого и музыки, но я понимала все, что происходит.

— Между вами что-то было... — загадочно протянула я.

— Было и прошло, — как отрезал Артем. — Хватит об этом.

— То есть, это и была та самая неприятная часть вечера?

— Ева...

— Артем?

Парень явно разозлился. Гневно выдохнув, он вскочил с места и бросился к бару, размахивая руками. Меня озадачило его поведение, хотя теперь я была достаточно пьяна, чтобы до конца не врубаться в происходящее.

Внезапно моего плеча коснулась чья-то рука. Я обернулась, увидев Полину.

— Есть разговор, — на ухо шепнула мне она и потянула в сторону выхода. — Составишь мне компанию?

— Компанию?.. — удивилась я.

— Ну, да. Покурим.

Это именно то, чего мне так не хватало все это время. Я поддалась и послушно последовала за девушкой, едва сохраняя равновесие. Мы вышли на балкон, который замыкал длинный белоснежный коридор, и дверь закрылась с неприятным мне звуком. Прохлада немного бодрила, поэтому уже с большим пониманием я приняла сигарету из рук девушки.

— Как ты поняла, что я курю?

— Артему бы никогда не понравилась слишком правильная девушка, — отозвалась моя новая знакомая, обнажив пламя зажигалки одним лишь щелчком. Я тоже закурила и с наслаждением затянулась.

— С чего ты взяла? — усмехнулась я, спиной вальяжно откинувшись на стену. Я никогда не чувствовала себя так расслабленно, но внезапно на меня будто вылили ведро холодной воды.

— Потому что я встречалась с ним, спала с ним и любила его. И теперь пришло время

все вернуть.

— Что?

Я поперхнулась дымом и, откашлявшись, сощурилась, чтобы яснее видеть собеседницу. Я взглянула на нее по-новому. Нет, я предполагала, что между ними что-то было, но такое заявление...

— Ты просто маленькая испорченная шлюшка, — добавила та, — в платье, на которое у тебя бы никогда не хватило денег.

— Эй! — возмутилась я, едва не выронив сигарету.

— Еще и не умеешь пить. Отвратительно. Эта дешевка на твоей шее... Артем подарил?

«На шее...» — мысленно повторила я, приложив ладонь к маленькому бриллиантовому цветку на цепочке. Отец. Это подарок моего отца...

— Как ты можешь такое говорить? — не выдержала я, едва сдерживая подступившие слезы. Сигарета отправилась в пепельницу.

А Полина все продолжала глумиться:

— Для него ты стоишь столько же, сколько и этот едва заметный брюлик. Теперь я здесь, и Артем вернется ко мне. Как думаешь, с кем ему будет лучше — с нищей малолеткой, которая смотрит ему в рот или с девушкой, которая была у него первой, с той, которую он любил с пятого класса?

— Прекрати! — выпалила я, чувствуя, как слезы обожгли замерзшее лицо. — Это не правда. Артем — мой парень. И он не станет бросать меня.

— Да, — вздохнула девушка, делая последнюю затяжку. Затем она с наслаждением потушила сигарету о край пепельницы и направилась к выходу, — мне даже жаль тебя. Но ваше время вышло. Мост, на который ты наступила, рано или поздно рухнул бы. Я только помогу. Ты согласна?..

Не помню, как она уходила. Не помню, как закрыла дверь. Сквозь щели кирпичной кладки балкона дул ветер, но я не чувствовала холода от оцепенения. Слез уже не было. Только тошнота и боль.

Мне казалось, что пришло время самого худшего.

25. Ева и зима, которой не было

Отец любит говорить, что сильный стресс стирает воспоминания, как ластик — карандаш. Да и не только — от потрясений некоторые перестают ходить, видеть, слышать и плакать. Я никогда в это особенно не верила, но после разговора на балконе мне казалось, что Полина ушла, забрав с собой абсолютно все мысли из моей головы. Я не чувствовала холода, перестала слышать музыку и совсем оцепенела. Ощущалась лишь только боль, выворачивающая все мое существо наизнанку. Да, я в курсе, что слова какой-то там богатой сучки ничего не значат. Но, если подумать логически, мир создан для таких, как она, а не я. Плюсы Полины были ощутимее: обеспеченная, красивая, образованная. И явно подходит Артему больше. А я... Что я? До сих пор не могу назвать ни одного достоинства. Меня даже не за что хвалить.

Над моей головой будто образовалась воронка с мрачными предположениями, и она затягивала меня, озябшую, скорчившуюся на полу, все сильнее.

«Нет! — подумала я. — Артем ждет».

Эти мысли кое-как вернули к жизни, и я мигом вскочила на ноги, вырвавшись из цепкого холода. Тепло коридора обьяло и придало сил, а опьянение практически сошло на нет — теперь с ног меня сбивало яростное желание увидеть Артема. Но едва я перешагнула порог зала, как заметила Полину, которая прेमилло беседовала с моим парнем. К горлу подкатил ком, но я справилась с собой и смогла успокоиться.

Подойдя ближе, я ухватила Акиншева за рукав, а тот, завидев меня, опустил ладонь на мою макушку, демонстрируя Полине разницу в нашем с ним росте. Из-за каблучков я казалась чуть выше, но все равно со стороны мы выглядели, наверное, забавно.

— Зачем закурила вторую сигарету? — поинтересовался он, с упреком глядя на меня.

Я напряглась, взглянув на Полину. Та добавила:

— Ты же поэтому задержалась? Или тебе стало плохо?

— Мне отлично, — пришлось войти в роль и ответить с едва ощутимым сарказмом.

Акиншев всмотрелся в мое лицо, а затем подушечкой пальца прикоснулся к покрасневшему веку. Он заметил. Естественно, заметил.

— Дым от кальяна очень резкий, — отмахнулась я. — Все глаза проел. Поэтому не обращай внимания...

Если честно, мне было обидно. Минут двадцать назад он знать свою бывшую не хотел, а теперь вдруг разговорился. К тому же именно в тот момент, когда меня не было рядом. У них что, заговор какой-то? Могу предположить, против кого.

Артем кивнул, осушил очередной стакан, на дне которого остался лед, и обнял меня за плечо. Я вновь почувствовала тепло его рук и нежность прикосновений. Я была готова замурлыкать, однако мое умиротворение продолжалось не слишком долго.

— Мы еще обсудим, о чем договорились, — произнесла Полина, с ироничным умилением наблюдая за нами. И обращалась она явно не ко мне.

— Да, — без колебаний произнес Акиншев. — Я тебе напишу. И, кстати, спасибо за вечер. Вроде неплохо так иногда встретиться.

Девушка обняла себя руками, а на ее ярких губах мелькнула улыбка тонкой печали.

— Иногда, — произнесла она. — Иногда...

После того вечера мы больше не обсуждали Полину, одноклассников Артема или что-то там произошедшее. Да и вспоминать не хотелось — все шло своим чередом, достигнув практически середины моей семнадцатой весны. Однако разговор, произошедший на балконе отеля, не оставлял меня в покое. «Может, она пошутила? — с надеждой думала я, наблюдая за тем, как активно Артем жестикулирует, увлеченный каким-то своим рассказом. — Или просто хотела поиздеваться... Но что за договоренность между этими двумя?» Я часто проводила время в соцсетях, щелкая фотографии бывшей Акиншева, и каждый раз меня брала жуткая зависть и ревность. Опасность потерять любимого мерещилась мне везде: в любой девушке и в любой ситуации. Видимо, слов Полины вполне хватило, чтобы посеять во мне зерно этой чертовой ревности. Мне не хотелось возвращаться к онлайн-играм, запоем смотреть сериалы или читать книги по ночам. Я думала, посвящая неприятным мыслям все время, и это очень влияло на мое настроение.

— Сегодня вечером у меня дела, — произнес Артем, по-хозяйски потрепав меня по волосам. Я вздохнула, чуть-чуть приоткрыв окно автомобиля. Воздух пах весной как никогда прежде, он же мигом меня отрезвил.

— Какие дела? — подозрительно поинтересовалась я, приблизившись к самому лицу юноши. В тот же момент Артем опустил глаза, потеряв со мной зрительный контакт.

Первый раз вижу, чтобы он смущался. Хотя, смущаться — это точно не про Акиншева. Тогда он... лжет?

— Да там, отец кое-что попросил, — Артем отстранился с виноватым видом, хотя до этого момента не упустил бы шанса жадно сорвать с моих губ поцелуй, нагло усмехнувшись. Он всегда так делал. Делал.

— Ладно, — кое-как выдавила я слово из сжавшегося горла. Я пыталась быть невозмутимой, но актриса из меня скверная.

— Ты можешь провести время со своими друзьями, — подбадривая, улыбнулся мне Артем. Но я была настолько пьяна своими подозрениями, что его улыбка показалась мне лживой.

— Да, — усиленно закивала я, дергая ручку автомобиля, — согласна. Мне впрямь уже надоело каждый день сидеть в этой машине возле своего дома и ничего не делать.

Гнев напал на меня, и я, как ни старалась, не могла заковать его обратно в цепи.

— Ева, все нормально? — озадаченно поинтересовался Акиншев. Он выглядел растерянным и одновременно каким-то пристыженным.

Я с сожалением взглянула в его прекрасные серые глаза, многозначительно скривила рот и вышла из машины. Почему-то в тот момент мне не хотелось его видеть. Я будто чувствовала нечто, что рвет нити между нами. Мне внезапно осточертел запах салона его «Ауди», невыносимыми стали слова, а улыбки и вовсе резали без ножа.

ОН УЙДЕТ К НЕЙ
СРАЗУ,
КАК ТОЛЬКО
ПОЯВИТСЯ
ШАНС

Как сумасшедшая, я кинулась к подъезду, стараясь не обернуться. О спину ударялось собственное имя, которое с недоумением выкрикивал Артем. В спешке я отворила железную дверь и, оказавшись в подъезде, прислонилась спиной к стене. Меня даже не заботило, что тонкое бледно-розовое пальто может испачкаться. И меня не заботило, что причин для

ревности практически нет...

За полминуты я успела измазать наши отношения в грязи своих подозрений и послать все к черту. А еще через минуту отойти от истерики, поняв, что натворила. От осознания своей глупости я стала отвратительна самой себе. Как нелепо. Нелепо подумать, что Артем, мой заботливый и милый Артем, который так незаслуженно добр ко мне, может плохо поступить.

Я вновь бросилась на улицу, но глупо было надеяться, что он станет ждать, пока я перебежусь в укрытии. Мне внезапно захотелось поплакать прямо на крыльце, но мои планы нарушило сообщение от Леси. Как всегда кстати...

Естественно, в кино мы ходили втроем. После того, как удалось отбить подругу у «женатика», Женька почти не отходил от нее. Делал вид, что тот мужик может вернуться в любой миг, а он, в свою очередь, как настоящий друг Леси набьет ему морду. Девушка смирилась с положением вещей, и теперь они обменивались колкостями в два раза меньше, что очень радовало. Раньше, бывало, их перепалки длились часами.

— Фильм — полная херня, — заявила Алесья, комкая наши билеты на выходе. Она сказала это достаточно громко, чтобы как можно больше народу узнало ее мнение.

Прелестное лицо и светлые волнистые волосы совсем не сочетались с теми ругательствами, которые, как будто сами по себе, срывались с ее губ. Однако замечу, что никогда не слышала того, кто ругается более органично, чем Лесья.

— Можешь не орать? — оскорбился Женька, посмотрев по сторонам.

— Мозес не орать? — передразнила его та, скривив гримасу.

Я молча наблюдала за ними, а затем вмешалась:

— Мне тоже не понравилось. Я о фильме.

— Вот, — победно заявила подруга. — Антиутопии — подыбающая тема.

— В жуткой агонии, — вновь согласилась я.

Женька раздраженно вздохнул, скомкав в руке свою ненаглядную шапку «Боско». Вероятнее всего, мы его в ней и летом увидим.

Пойти в кино было идеей единственного парня в нашей маленькой компании. Иногда он пользовался надуманной привилегией — быть мужчиной — и всячески пытался рулить ситуацией. Наверное, ему приносило удовольствие руководить процессом, а нам — особенно не напрягаться. Поэтому фильм был выбран с его подачи.

— Мне в туалет надо, — внезапно поняла я, обратившись к Лесе. — Ты пойдешь?

— Нет. Я хотела взять пиццу на вынос, — заявила та. — Ты иди пока, мы постоим в очереди. Будешь что-нибудь?

— Как обычно.

На моих губах мелькнула благодарная улыбка. Возможно, Артем был прав и мне действительно стоило немного развеяться. Рядом с друзьями все плохие мысли уходили из головы, давая простор легкости и радости.

После туалета я уверенно зашагала в сторону кафе, где готовили нашу самую любимую пиццу. Обычно было плевать, что у них нет доставки, а торговый центр не самый близкий к дому. Это был наш с Лесей секрет. Глупый, но до ужаса приятный.

Поднимаясь вверх на эскалаторе, я с интересом разглядывала витрины. Весна едва успела пересечь границу половины, а манекены уже стояли разодетыми в летние наряды. Это всегда казалось мне странным. Совсем другое дело — сквозь стекло наблюдать за

жизнью внутри дорогих кофеен. С друзьями мы никогда не бываем в таких местах, хотя порою прекрасный запах кофе манит и велит ненароком заводить туда Артема. В этой, со странным французским названием и табличкой, такой же сиреновой, как мой шарф, мы однажды были. Многие люди, посещающие это место, имеют какое-то неуловимое сходство...

Ах, да, точно. Деньги.

Хотя, я не о том. Даже тот человек у окна похож на Артема. Стрижки нынешних парней не отличишь. Интересно, все обеспеченные парни его возраста одеваются так и все ли... бьют татуировки с рыбами?

Я едва не выронила сумку, остановившись прямо напортив стекла, отделяющего меня от кофейни. Парень повернулся в сторону своей собеседницы, и его профиль я узнала сразу. Это был он. Артем. Который решал дела со своим отцом.

Не знала, что Полина участвовала в процессе его зачатия.

Девушка сидела напротив, локтями припав к крышке стола. Оба о чем-то увлеченно разговаривали. Настолько, что не замечали меня, стоявшую почти вплотную к стеклянной перегородке. Мое отражение визуальнo разделяло их, но это присутствие было лишь оптической иллюзией. Как и то, что я себе навывдумывала.

Зачем он так со мной?..

Какие, к черту, планы? Какие отношения? Он просто воспользовался моей глупостью. Коля был прав. Бесконечно прав насчет всех этих девушек и прошлых... привязанностей.

В тот момент ярость зажглась во мне самым невиданным огнем и я едва смогла совладать с собой, чтобы не ворваться в это паршивое кафе. Они сидели за тем столом, где мы с Артемом пару раз пили кофе. Кое-как мне удалось потушить в себе пламя гнева, и почти бегом я ринулась прочь, из-за слез буквально на ощупь пробираясь к выходу.

«Простите, мне стало плохо,» — написала я Лесе, мчась по влажному от последнего снега асфальту. Затем добавила: «Пришлось пойти домой».

После этого я вырубилa телефон и с размаху швырнула его в сумку. И это не было ложью. Сейчас мне впрямь стало так плохо, как никогда не бывало. Казалось, что от слез и соплей мое лицо превратилось в какое-то месиво, поэтому я шла, выбирая самые странные обходные пути. Спустя час блужданий и искреннего отчаяния я кое-как доковыляла до дома.

«За что?» — каждый раз спрашивала себя я, видя перед собой лицо Акиншева. Его лживое гадкое лицо и губы, которые улыбались той суке. Нужно было слушать ее с самого начала.

Нет.

Нужно было с самого начала понять, что мы с Артемом друг другу не подходим.

Едва волоча ноги, я доползла до своего этажа, с третьей попытки попала ключом в замочную скважину и открыла дверь. Полумрак коридора был моим спасением. Слезы перестали обжигать кожу: их просто не осталось. Только тупая боль и миллионы сожалений о содеянном.

Внезапно из комнаты раздался шум, а затем передо мной появился отец. Я удивленно распахнула жутковато-красные глаза и поглядела на него с испугом. Мне казалось, что сегодня он вернется не так рано, однако я просчиталась.

— Ева! — произнес папа, пытаясь взглянуть в мое лицо. — Что случилось?

Он всегда так переживает за меня. Мне даже приходится делать вид, что я не замечаю, как скудна и безопасна наша домашняя аптечка.

Отец щелкнул выключателем и желтоватый свет лампы ослепил меня. Обессиленная, я сползла на пол прихожей и закрыла лицо волосами. При отце я не плакала уже долгое время, и стыднее всего было вновь показаться ему слабой. Я не хотела, чтобы он думал, будто я с чем-то не справляюсь. В первую очередь, это было для его же блага.

— Ева... — вновь повторил он, с хрустом в коленях опустившись рядом. Пальцами он деликатно поправил мои волосы, а его широкие теплые ладони припали к щекам, не позволяя слезам разъесть кожу. — Скажи мне, что с тобой произошло...

Не знаю, что нашло на меня в тот момент. Наверное, осознание того, что я больше не могу терпеть боль, которая выворачивает меня наизнанку. Мне нужно было это сказать, и уж кому, если не отцу. Наверное, он знал меня больше, чем я всегда считала, поэтому мудро сделал шаг назад, когда я не нуждалась в нем. Но сейчас он видел, слышал и чувствовал, что мы одни друг у друга. И всегда ими были.

— Я... — сквозь всхлипы мой голос стал странным и непохожим на себя, — ...дура.

— Ну же, — отец приобнял меня, прижав к груди, словно ребенка, — что ты такого сделала, чтобы внезапно ею стать?

Я уткнулось носом в его плечо, вдыхая аромат, привычный с детства. Именно в тот момент, когда объятия скрепились на моих плечах, я впервые за долгое время почувствовала себя защищенной и очень слабой. Наверное, такое ощущение действительно может подарить только родитель.

— Я влюбилась, папа, — вновь захныкала я. — Очень сильно. Не знаю, как так вышло...

— Не оправдывайся в своих чувствах, — произнес он, поглаживая меня по голове. — Влюбиться не стыдно. Не стыдно быть отвергнутой или любить без ответа. Все доброе, что связано с любовью — не стыдно, Ева.

— А что тогда стыдно? — с детской наивностью поинтересовалась я, чуть отстранившись. Слезы вновь закончились, сменив себя частой икотой.

Папа бережно запустил ладонь в мои волосы, а затем, приблизившись, поцеловал в висок.

— Стыдно отречься от своей любви, стыдно не сражаться за свою любовь.

После этих слов он с трудом поднялся на ноги и протянул мне руку. Как загнанное животное, я подняла взгляд и ухватила отца за ладонь. Он помог мне встать, а затем ненавязчиво потянул на кухню.

— Чай, — с печальной улыбкой произнесла я. — Ты хочешь чай?

— Вообще-то кофе, — усмехнулся тот, доставая из шкафа узорчатую турку. — Я спал всего три часа этой ночью.

Я заняла место за столом и вытерла бумажной салфеткой слезы. Тут же она почернела от растекшейся туши. Страшно представить, как я выглядела в тот момент, но меня это не сильно заботило.

— Ты не спросишь, в кого я влюбилась? — поинтересовалась я, наблюдая за тем, как папа отмеривает кофе столовой ложкой.

— Скажи сама, — пожал плечами он, зажигая конфорку. — А лучше опиши.

В моей голове сотнями ярких картинок начали проноситься моменты последних месяцев. Все, начиная с того самого перового оклика и заканчивая сценой в кафе.

— Он... самый обычный. Но вместе с тем в нем есть что-то мое. То, как он улыбается, громко разговаривает, жестикулирует, быстро увлекается чем-то. Все во мне будто переворачивается с ног на голову.

Я подняла руки над головой и изобразила всплеск, отчего папа едва слышно рассмеялся. Но он не стал перебивать меня, продолжив внимательно слушать.

— Он не обидчивый, внимательный, добрый. Иногда глупый... но мне это нравится! Бывает наглым и даже самодовольным, но это я в нем тоже люблю.

Отец, все это время кивавший в ответ, наполнил две небольшие чашки кофе и в обе добавил немного сливок. Запах напоминал о случившемся, но я старалась держаться.

— А что ты думаешь о себе? — внезапно поинтересовался он, усаживаясь напротив.

— О себе? — вспыхнула я.

Ну... Я Ева.

— Понятия не имею. Проще спросить про первичность бытия или сознания.

— Вообще-то, — кивнул мой собеседник, — в том, что ты знаешь философию лучше, чем себя, я не удивлюсь.

— То есть ты просто издеваешься? — с обидой изрекла я, делая попытку отпить из чашки.

— Спрашиваю, — отозвался тот.

— Ладно.

Папа сосредоточенно взглянул на меня, а на его лбу проступила пара морщинок. Без колебаний он сделал глоток, а затем произнес:

— К делу.

Ко всему он явно относился серьезнее, чем я, хотя на шутки настроения у меня тоже не было.

— Хорошо, — я сложила ладони, театрально делая вид, что вхожу в транс. Мне нужно было найти себя. Для этого придется нырять глубже, чем хотелось бы.

Около минуты я молчала, слыша лишь, как отец отхлебывает кофе. Словно выбрасывая вещи из ящиков комода, я пыталась найти ту, кем я была на самом деле. Годы, проведенные в вечных разъездах, взрастили во мне постоянный страх одиночества, а замкнутость — возможность с кем-то искренне подружиться. Постепенно я вбила себе в голову, что это — моя правда: настоящая Ева Лаврентьева всегда уставшая, скептически настроенная и слишком гордая.

«Эй, рыжая!» — что есть силы мысленно крикнула я самой себе. Сердце содрогнулось, а затем меня словно ударили по голове. И я нашла то, что искала — ту самую точку, когда все начало становится другим. Артем изменил мое отношение к своему внешнему виду, телу, смягчил характер. Зажег каким-то чудом вымокшую спичку, которой я была. Теперь я четко могла провести линию между весной и зимой, оставшейся позади.

Я разлепила веки. Вновь свет давил на глаза, а запах кофе стал еще тошнотворнее.

— Я не такая, как обо мне многие думают. Точнее, я сама узнала об этом недавно...

Признание давалось сложно. Вновь по щекам потянулись крупные слезы, но мне не было неловко. Передо мной сидел отец. Единственный, кто всегда был моим болельщиком. И ему явно важно, что я тут мямлю.

— Я думала, мне все равно. Точнее, вроде бы, так правда было. Когда мы переезжали, я не помышляла о друзьях — казалось, мне они и не нужны. Я глупая. Только так о себе могу сказать, если ты просишь. Я считала себя умнее всех, но вышло наоборот. Что толку от всего, что я знаю, если каждый шаг в нормальную жизнь для меня заканчивается идиотской драмой...

Лицо отца расслабилось. Он и не думал меня жалеть. Лишь внимательно слушал,

медленно растягивая удовольствие от напитка. И это лучшее, что он мог сделать в тот момент: меня будто бы прорвало.

— Как мантру я твердила себе одни вещи, но на деле все сложнее, чем кажется. Думаю, я не справляюсь...

— Почему? — спокойно задал единственный вопрос отец.

— Потому что я не понимаю саму себя, — отозвалась я.

Наверное, книжка о том, как совладать с трудным подростком папе все-таки пригодилась. Я действительно чувствовала себя лошадью, пойманной в аркан. Но все те слова, которые я говорила, приносили облегчение. Я даже забыла про чертова Артема вместе с его сучкой.

Мне нравилось осознание, которое кольнуло в сердце. Я винила во всем мир, который мчался мимо — будто сама опоздала на поезд, но проклинала машиниста. Проблема всегда была только в моей голове, куда из страха я так не спешила заглядывать.

— И что ты будешь делать, чтобы это исправить, Ева?

Наш разговор приобрел странный безэмоциональный тон. Будто оба мы боялись сбиться с пойманной волны.

— Я научусь понимать других, — ответила я, вновь ощутив, как по щеке потянулась слеза. Крупная и теплая, она остановилась у краешка рта, после чего я почувствовала ее вкус. — Прости, что так долго отталкивала тебя.

На последнем слове мой голос дрогнул. Я сорвалась с места и кинулась к отцу, заключив его в крепкие осознанные объятия. Я любила его. Всегда любила, но не понимала, для чего он так старается.

— Ты самый лучший, — произнесла я.

— Ты тоже, — ответил он, обняв в ответ.

Я не видела его лица, но чувствовала улыбку.

— Забудь о зиме, — добавил папа. — Как будто ее никогда не было. Ты должна цвести.

Я отстранилась, приложив ладонь к кулону, который отец надел на меня в семнадцатый день рождения. Морозы, метели, вьюги и бесконечные ночи остались где-то позади.

— Если честно, то это он начал менять мою жизнь. Поклянись, что не будешь ругаться, если скажу, в кого я влюбилась.

— Только немного.

Я непонимающе приподняла брови и залпом осушила чашку с кофе, будто там было что-то покрепче кофеина. Ему что-то известно?..

— Твой друг... — отец многозначно откашлялся, — Артем... Он звонил мне несколько дней назад.

— Что? — чашка едва не выскользнула из моих рук. — Зачем?

— Для того, чтобы признаться, что влюбился в мою школьницу-дочь.

Я вздохнула, чувствуя, как краснеют щеки.

— У нас всего пару лет разницы! К тому же... Зачем он вообще это сделал?

Да уж, я была вне себя от такого поступка. Но если Артем звонил моему отцу и признавался в таких вещах, то что связывает его с Полиной?

— То есть, ты одобряешь то, что я с ним встречалась?

— Встречалась? — переспросил мой собеседник, сделав акцент на времени.

Я хотела было вновь броситься в слезы с рассказом о подлости своего парня, как вспомнила о том, что некрасиво поступила с Лесей. Они с Женькой наверняка переживали.

Я метнулась к телефону, но первое сообщение, которое случайно открыла, было не от друзей.

«Ева, мне стыдно, что я соврал тебе. Сегодня я встречался с Полиной. Но это не то, с чем сейчас подумала моя маленькая ведьма. Я в курсе ее намерений, но серьезный разговор все решил. Отныне ты и я. Без людей, которые пытаются помешать. Я люблю тебя. Не злись. Даже не пытайся».

Я напряженно замерла, раз за разом вчитываясь в текст. Не ошибка, не сон, не мечта. Все было реально.

Я обернулась в сторону кухни и громко выкрикнула в ответ:

— Встречаемся. Тебе послышалось. Так вот, насчет одобрения...

26. Ева и Артем

Странно чувствовать нечто, что заполняет пустоту внутри. Мои глаза открылись, промытые слезами, и я впервые взглянула на мир так, как должна была сделать уже давно. Мне было стыдно за то, что все семнадцать лет я была так упряма и глупа: отталкивала отца, не доверяла Артему, не полагалась на друзей. Строить мосты впрямь тяжелее, чем ломать, папа всегда был чертовски прав. Наверное, моя мама не знала, как войти в новую жизнь, поэтому предпочла спастись бегством. Но я-то знаю, что нужно просто протянуть руку в ответ на чьи-то старания, горе или надежды. Тогда руку протянут и тебе: это и есть тот самый мост, который соединяет нас. Тот мост, который сложнее всего построить.

— Куда ты, Ева? — удивился отец.

Словно работая на реактивном топливе, я быстро умылась, замазала лицо половиной имеющейся пудры и нарядилась в верхнюю одежду.

— Он приедет, — ликовала я. — Сейчас приедет. Ко мне.

Папа вздохнул, бросив взгляд на часы.

— Я хочу, чтобы в десять ты всегда была дома. Слышишь?

— Да, — закивала я, яростно обматывая шарф вокруг шеи. Затем я подскочила к отцу, неожиданно и крепко обняла его, заставив улыбнуться, и ринулась к двери.

— Мы с Артемом подходим друг другу? — повиснув на дверной ручке, напоследок кокетливо поинтересовалась я.

— Только постарайся его не похищать, — попытался шутить отец.

— Я уже его похитила! — слетело с моих уст, и я вырвалась на площадку, хлопнув дверью. Могу предположить, что отец на это покрутил пальцем у виска.

Чувства сводили с ума. Я никогда не каталась на американских горках, но думаю, что это куда хлеще. Без памяти я вылетела из подъезда и прямо в замшевых сапогах ринулась по лужам.

Знакомый автомобиль стоял в знакомом месте. Как всегда. Я могла разглядеть его даже сквозь темноту. В этом салоне много чего произошло, начиная с того самого робкого поцелуя и заканчивая безумным сексом на окраине города.

— Привет, — залезая в салон автомобиля, произнесла я.

Артем напряженно кивнул в ответ, но тут же выражение его лица изменилось на милейшее — едва заняв законное место, я потянулась, чтобы поцеловать его. Тот самый запах, то самое тепло, тот самый Акиншев. Для парня это было явной неожиданностью. Он почесал подбородок с едва заметной щетиной и удивленно спросил:

— Ты реально не злишься?

— На что? — как ни в чем не бывало, поинтересовалась я, по-хозяйски повернув к себе зеркало.

— Я писал тебе сообщение. Пришлось встретиться с Полиной. Она же моя бывшая...

— Ты ведь ей не в любви признаваться ходил, — с моих губ слетела кокетливая усмешка. Было сложно сдерживать порывы своего прекрасного настроения. Не хочу верить, что однажды моя беспечная юность испарится, навсегда сделав Еву серьезной.

Артем демонстративно повернул зеркало к себе и вновь поинтересовался:

— А что это тогда за выходка была недавно? Зачем ты сбежала?

Ответ на этот вопрос я не придумала.

— Ладно, — пришлось честно признаться, — я чувствовала, что ты недоговариваешь. В общем, повела себя как последняя дура. Но потом поняла, что у меня нет причин сомневаться в тебе. И нет права не считаться с твоими решениями.

Артем закатил глаза на пару секунд, подумал и кивнул. А затем закатал рукава, будто бы сделал это специально, давая возможность любоваться его рыбками. После он вкрадчиво поинтересовался:

— И ты даже не спросишь, в чем дело?

— А уже можно? — удивилась я.

— Если ты настаиваешь...

— Я? Нет.

— Тогда...

— Рассказывай!

Тихо рассмеявшись, парень потрепал меня по волосам. Я вновь дотянулась до него и оставила звонкий поцелуй на виске. Кажется, нет ничего приятнее, чем это.

— С Полиной мы учились в одной школе с первого класса. Она всегда была довольно взбалмошной, но в тоже время нечто в ней притягивало. В какой-то момент она умела становиться беззащитной и эта слабость подкупала. Я долго любил ее. Точнее, мне так казалось. Я успел повстречаться со многими девушками, но Полина всегда была для меня каким-то надуманным идеалом. В конце концов, мы начали отношения, которые потерпели фиаско. Однако она была моей первой девушкой и первым серьезным опытом. Мы разошлись. Затем вновь начали встречаться. В школьную пору все было таким запутанным, но в то же время легким. Думаю, она тоже любила меня. Но сразу после школы сделала выбор в пользу учебы за границей. Честно, я был рад этому, ведь уже не испытывал к ней ничего особенного. Годы бега по кругу меня вымотали. В общем, я ее разлюбил, если так можно выразиться.

— Можно, — закивала я. — Даже нужно. Кстати, как ты узнал, что она нападала на меня?

Артем хохотнул, заводя автомобиль.

— Я что, знаком с ней первый день? И тебя заодно. Я, может, не очень хорошо учусь, но это не значит, что не соображаю.

— Иногда даже больше, чем нужно, — согласилась я, доставая телефон и выискивая аккаунт Полины в соцсетях. — Но это моя война.

— Война? — переспросил Акиншев, сосредоточенно пытаясь выехать из двора.

Я молча кивнула, нажав на отправку сообщения. Настала моя очередь заводить с Полиной серьезный разговор.

Странно, но девушка сразу же согласилась на личную встречу. Возможно, она вновь хотела атаковать меня, но лучшая защита — это нападение. Мне не хотелось быть слабой в ее глазах, и более всего на свете я хотела уберечь нас с Артемом. Нас. Наши отношения. Наше будущее и то, счастье, которое мы испытываем в миллиметрах друг от друга.

Я назначила ей встречу в городском парке — сколько бы она не прикидывалась, добавляя английский акцент в свою речь, это был ее родной город, и все места ей должны были быть известны.

После школы я едва отделалась от Леси и Женьки, которым весна явно сорвала крышу. Мне было не до их напряженно-романтических порывов, поэтому пришлось ретироваться

как можно скорее. Мое бегство друзей явно заинтриговало, однако вскоре они переключились друг на друга. Какая же предсказуемая история.

Перед встречей с Полиной я ни сколько не волновалась. Мною овладело спокойствие, которое в любую минуту могло перерасти в злость. Девушку я заметила издали — из толпы прохожих ее отличал высокий рост и манера одеваться. Каждая ее вещь, будь она простой, как тряпка, кричала: «Я стою больше, чем весь твой гардероб». Слава богу, Артема не озадачивали такие мелочи.

— Привет, — спокойно заявила Полина, едва завидела меня. Бросив ленивый взгляд сверху вниз, она взглянула на часы, будто нарочно их мне демонстрируя. — Что ты хотела?

Будто ты не знаешь...

— Поговорить, — серьезно обратилась к ней я.

Полина скривила уголок рта и отчего-то ее миловидность куда-то испарилась, несмотря на аккуратный макияж, который подчеркивал каждую черту ее симметричного лица. Она убрала руки в карманы и с нетерпением ответила:

— Ну так говори.

— Знаешь, я не хочу показаться стервой или устраивать разборки как в идиотских сериалах...

— Но ты уже начала.

Я вздохнула, стараясь быть вежливой. Мне действительно не хотелось ругаться. Лишь прояснить одну вещь. Раз и навсегда. Я не та самая девочка, которая поддалась ее напору в том самом отеле. Я Ева. Избранница Артема, готовая сожрать ее без остатка, реши она вновь досаждать Акиншеву. Иногда хочется действительно быть рыжей коварной ведьмой.

— Ладно. Тогда придется продолжить в этом же стиле, — отозвалась я, взглянув на собеседницу.

— Как Артем вообще тебя заметил? Из-за волос? — с иронией подметила она.

— Не поверишь, но ты чертовски права.

Полина кивнула, будто бы я шутила, и закурила, несмотря на то, что вокруг постоянно сновали прохожие. Ей было все равно. Все равно на парня, которого она мучила в школьные годы, все равно на незнакомую девушку, которую она так сильно обидела, все равно на чужие отношения.

— Вещай, — надменно произнесла она. Акцент моментально куда-то испарился.

Я кивнула и выдала со всей серьезностью, какой располагала:

— Я люблю Артема. И понимаю, что, возможно, ты тоже его любила. Много лет назад. Но уехать куда-то на три года, забить на его и свои чувства — это не серьезно...

— То есть ты пришла меня жизни учить? — закатила глаза Полина, стряхнув пепел в лужу.

— Нет, — ответила я. — Жизни меня учишь как раз ты.

— Что-что?

— Я не только на своих ошибках учусь, но и на чужих. Артем не любит тебя. Не полюбит как раньше. Ты ничего не знаешь о нем, хотя вы были знакомы столько лет... Чего он боится? Какой у него любимый цвет? Ты знаешь, что он работал официантом? А то, какие странные подарки он делает? Как пахнет в его комнате? Как...

Я замолчала, наблюдая за Полиной. Сигарета выпала из ее рук на последнем слове, а сама девушка жадно вдохнула. Лицо ее покрылось красными пятнами от волнения и настроение явно испортилось. Не ожидала, что последняя реплика выбьет ее из колеи. Я

ведь была готова продолжать.

— Ты тоже можешь ему наскучить, — покачала головой она, вновь взглянув на часы. Я видела, что собеседница была расстроена, но даже и не думала заплакать. Слезы — это для меня. — Как наскучила уже мне.

— Пообещай, — произнесла я. — Пообещай, что больше не станешь вмешиваться в наши с Артемом отношения. Хотя бы ради тех чувств, что, по твоим словам, были.

— Были, — вздохнула Полина. В какой-то момент мне даже стало жалко ее. — Но это тебя не касается.

— Кроме того, Артем знает тебя, он так сказал. Бесполезно изображать радикальные изменения или играть роль другого человека. Прошлое в прошлом.

Девушка вновь скривила рот, а затем прикрыла глаза, чтобы успокоиться. Видимо, мысленно она досчитала до пяти...

«...как велел ее личный психолог, берущий в пять раз дороже, чем мой отец...»

...и вновь обратила ко мне взгляд.

— Ладно, — внезапно произнесла Полина. — Ты мерзкая, но цепкая. Хотя, мне плевать на все эти разговоры. Мы поговорили с Артемом, так как должны были, поэтому я поставила точку еще тогда. Мне все ясно, и свои ошибки я тоже учту. Но и тебя он не будет любить вечно.

Девушка демонстративно закинула часть шарфа за спину и махнув рукой на прощание, зашагала прочь.

— Мне не нужно вечно! — громко крикнула ей в след я, привлекая внимание прохожих. — Потому что вечно мы все равно не живем!

Но Полина даже не обернулась. На какую-то секунду показалось, что это вовсе не было войной, однако чувство ликования не думало покидать меня. Проблема была решена. Я поднялась на очередную ступеньку, ведущую на следующий этап жизни.

Я любила эту чертову жизнь.

Солнечные лучи целовали мое лицо, в то время как я с упоением закрывала глаза и поднимала голову к небу. Могу представить, как сияли бронзой волосы, привлекая внимания здешних студентов. Но никто из института не пытался даже заговорить со мной. Все были в курсе, кого я тут дожидаюсь.

Мои уроки закончились раньше, чем пары Артема, поэтому в запасе я имела лишних сорок минут, чтобы доковылять до этого места, наслаждаясь солнечным дурманящим маем. К счастью, после прихода тепла машиной мы практически не пользовались, испытывая себя долгими прогулками по городу.

Я вытащила наушники из ушей и взглянула на время. Как раз. Двери хлопнули и медленно, с вальяжностью, из здания начали вытекать утомленные четвертой парой студенты. Я начала улыбаться даже раньше, чем завидела Акиншева. Мне не терпелось узнать, как он отнесется к тому, что я сделала.

Через пару минут я, будто почувствовав, бросила взгляд на ступени. Артем вышел, болтая с каким-то парнем, чье имя я так и не запомнила. Поняв, что он направился к воротам, я спряталась за столб, чтобы показаться неожиданно. Но через секунду простонала от разочарования.

— Я вижу тебя, — голос Артема нарушил все мои планы, однако поворачиваться я не спешила.

Сложив руки на груди, я горделиво подняла голову, дожидаясь, когда тот подойдет сам. И все-таки удивить его у меня получилось.

— Ева... Что за?..

— Как тебе? — игриво поинтересовалась я, развернувшись на триста шестьдесят градусов.

В серо-желтых глазах Акиншева я обнаружила настоящее удивление.

— Но... — вновь начал он, — где твои волосы?

Эм, в парикмахерской?

— Ну, немного осталось, — пожалала плечами я, руками демонстрируя длину.

Понятия не имею, зачем я решилась на это. Возможно, мне давно не хватало чего-то нового, и сократить волосы до плеч показалось неплохой идеей.

— Тебе не нравится... — поджала губы я, шагнув в тень столба. Огонь волос тут же потух.

— Нет-нет, — заверил парень, ухватив за руку. — Если это ты, то меня устроишь любая.

Я усмехнулась, рухнув тому в объятия. Вместе мы были всего несколько месяцев, но мне казалось, что мы прожили вместе долгую жизнь. Может, Полина была права, и Артем не станет любить меня вечно. Но какая разница, если я и так каждый раз умираю от удовольствия рядом с ним.

Бережно он взял мою руку и, приложив к губам, оставил на тыльной стороне свой поцелуй. Я затрепетала, а затем игриво дернула его за собой, щурясь от солнца. Видимо, Акиншев хотел чем-то поделиться со мной, однако ладонью я дала условный знак помолчать. Навстречу нам медленно прогуливались мои старые знакомые — Рита и Маша. Сперва я хотела сделать вид, что не заметила одноклассниц, однако внезапно мне захотелось отомстить им за ту выходку с фото. Откашлявшись, я улыбнулась им, с силой сжав руку Артема. Девушки заметили мой невербальный сигнал и остановились, вытаращив глаза. Я растянула улыбку еще шире, будто мы вечно были подругами, и произнесла:

— О, вы тоже тут! Куда направляетесь?

Маша, видимо, хотела как-то грубо ответить, однако смирив взглядом моего парня и улыбнулась с неприязнью, в то время как Рита буквально залипла на него. Если бы она питалась с помощью глаз, то от Акиншева бы уже ничего не осталось.

— Мы гуляем, — кивнула девушка. — А ты?

— Я? — мой взгляд скользнул к лицу Артема. Он тут же подмигнул мне и я продолжила. — Ждала парня из института.

Еще раз девушки взглянули то на меня, то на Артема.

— Классная прическа, — хмыкнула Рита, потянув подругу прочь.

Я захихикала в рукав, едва те прошли, и обратилась к парню:

— Это мои одноклассницы. Они часто тут закупают, пытаюсь с кем-нибудь познакомиться. Меня как-то раз звали с собой...

— Но ты и так справилась, — пошутил Артем.

Я в шутку оскорбилась и легонько стукнула его в плечо.

Внезапно, словно голод, меня накрыло привычное желание. Сжав волю в кулак, я пожаловалась:

— Курить хочется...

— Мы же бросаем, — возмутился Артем. — Как-то ты терпела две недели, а теперь не можешь.

— Не могу, — застонала я, на ходу уткнувшись в его плечо. И я так и продолжала бы юродствовать, если бы мы не остановились возле той самой дороги, с которой все и началось.

Спокойно я окинула трассу взглядом, а затем внезапно произнесла:

— Почти полгода прошло...

Акиншев сразу понял, о чем я и, пятерней смущенно поправив темные волосы, кивнул. Его рука была теплой, и ее не хотелось отпускать. Я была счастлива, что он рядом.

— Жалеешь, что спасла меня? — поинтересовался парень.

— Жалею, что не смогла сделать этого раньше.

После этих слов я спокойно и тепло улыбнулась в ответ.

Через дорогу находился небольшой сквер, где я любила кормить воробьев семечками и наблюдать за тем, как в клумбах цветы распускаются день ото дня. Там никогда никого не было днем, поэтому казалось, что мы одни в целом мире.

— Ты лучший из всех людей, кого я встречала, — искренне сообщила я, чтобы порадовать Артема. Его эти слова раззадорили так, что он буквально дернул меня в тень раскидистого клена и губами приник к моим. Я закрыла глаза, утопая в приятном чувстве, которое превратилось в нечто вроде наркотика. Мои ладони касались скул парня, а кончики его пальцев осели на моих плечах. Даже бабка, которая пригрозила нам гореть в аду за разврат, осталась без должного внимания. Я была счастлива. Прямо здесь. В данный момент.

Однако внезапно в моем кармане провибрировал телефон, заставив нас обоих вздрогнуть.

— Может, от отца? — поинтересовался Акиншев, на что я махнула рукой.

— Он в своем офисе. Кажется, у него какая-то плаксивая клиентка после развода с мужем. Думаю, ему есть чем заняться...

— То есть, дома у тебя никого нет? — шепнул на ухо Артем. Я ответила обольстительной улыбкой, ощущая, как кончики волос щекочут плечи.

С трудом я вытянула телефон из кармана узких джинсов и разблокировала его. Мне пришла СМСка от Леси. Хмыкнув, я развернула сообщение и прочла вслух:

«Знаешь, он предложил мне встречаться уже в третий раз. Похоже, я раскололась. Можешь поздравить меня. Я снова в отношениях».

Я тихо засмеялась, обняв Артема, и уткнулась носом в его шею. Когда-то Алеся сказала правду — зимы и впрямь будто не было. Солнце светило так ярко, что я видела какие-то перспективы в собственной жизни. А Артем пах так сладко, что мне было сложно себя сдерживать.

— Отец придет в шесть, — произнесла я, демонстрируя ключи. — Времени еще полно.

Тот улыбнулся в ответ и притянул меня к себе.

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы зима в моей жизни никогда не наступала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net